

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

**XIII Всероссийская конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»
(20–24 апреля 2009 г.)**

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ**

Томск
2009

ББК 74.58
В 65

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»*

В 65 XIII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (20–24 апреля 2009 г.) : В 6 т. Т. IV. История ; ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2009. – 126 с.

Научные редакторы:

Нестеренко П.Л., канд. ист. наук, доцент;
Фефелова О.А., канд. ист. наук, доцент;
Зайцева Т.И., канд. ист. наук, доцент;
Назарова О.Ю., канд. пед. наук, доцент;
Панкратова Л.В., канд. ист. наук, доцент.

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

© ГОУ ВПО «ТГПУ», 2009

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ОПЫТ США И КАНАДЫ (КОНЕЦ 1960-Х – 2000-Е ГГ.)

Т. В. Адамович

Томский государственный педагогический университет

Изучение американской модели мультикультурализма предполагает обращение к идеологии и опыту осуществления этнокультурной политики Соединенных Штатов Америки и Канады.

Сегодня США, как и многие другие страны, называют свое общество «мультикультурным», состоящим из нескольких культурных групп, различных по национальному происхождению, религии и т.д. Античный афоризм «Ex Pluribus Unum» («Из множества – единство») был принят Конгрессом США как символ мультикультурной политики, нацеленной на «интеграцию без ассимиляции» [1, с. 3].

Долгое время наиболее распространенной метафорой американской цивилизации был «плавильный тигель», где «плавился» каждый американец – образ емко и точно передававший ее уникальную сущность. Сегодня он поставлен под сомнение [2, с. 309]. Некоторые американские исследователи считают более точной метафорой «салатницу» (salad bowl), как известно, салат в миске состоит не из абстрактной кипящей массы, а из вполне конкретных ингредиентов – помидоров, огурцов, листьев салата и т.д. Таковы и иммигранты: как бы ни были перемешаны в единый американский салат, они продолжают оставаться англичанами, немцами, поляками и т.д. [3, с. 66–67]. Причины такой смены А. Д. Богатуров видит в сломе привычных форм отношений в мире [4, с. 120].

В своих основных чертах концепция мультикультурности в США сложилась к началу 1970-х гг. и соотносится с движением афроамериканцев и других меньшинств за гражданские права. Этому предшествовал ряд очень серьезных государственных мероприятий, которые явились неким фундаментом для формирования мультикультурализма. В 1960-е гг. В США утверждается мультикультурное образование, призванное воспитывать в людях высокую толерантность и уважение к чужим традициям. В 1964 г. был принят закон «О гражданских правах», запрещающий дискриминацию при регистрации избирателей, расовую и иную дискриминацию в общественных местах, ресторанах, кафе, кинотеатрах, спортивных и концертных залах, библиотеках и т.д. В 1965 г. начал действовать закон «Об избирательных правах», отменивший дискриминационную практику так называемых проверок грамотности избирателей. В начале 1968 г. мультикультурное образование было укреплено посредством «Акта о двуязычном образовании».

В средних учебных заведениях США были введены билингвистические программы, по которым обучают значительное количество иммигрантов. В начале 1960-х гг. принята программа «позитивных действий» (affirmative actions). Инструкция Министерства труда (1968 г.) рассматривала «позитивные действия» как систему определенных целей по увеличению найма «негров», «азиатов», «американских индейцев» и «испаноязычных», и «сроков», устанавливаемых для достижения этих «целей» [3, с. 74–75].

Проводилось также поощрение «культурного многообразия», пересмотр содержания ряда школьных и университетских дисциплин, введение в школах и вузах специальных программ изучения этнического культурного наследия. Политика «позитивной дискриминации» – широкая система мер, основанных на групповых льготах и официальном учете этно-расового происхождения. Позитивная дискриминация, т.е. введение этнических и расовых квот при приеме в вузы и при занятии определенных престижных должностей, была задумана как временная мера, но от нее не отказались до сих пор. Позитивная дискриминация несла ощутимые преимущества на рынке труда и в образовании для представителей меньшинств, которые категорически отказались против свертывания данной политики. В итоге, сегрегация общества по этно-расовому признаку не только не была преодолена, но и стала добровольной. Добровольная сегрегация этнических мигрантов – чаще всего осознанная стратегия адаптации к принимающему обществу, обусловленная низким уровнем готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом [5, с. 58–59]. Американский мультикультурализм строился на отречении от «белого» верховенства в пользу «многоцветного» плюрализма, т.е. сложной системы расовых предпочтений для «небелых» граждан.

Опыт США попадает под категорию дезинтегрированного мультикультурализма, суть которого заключается в устранении социального неравенства и дискриминации на основе расы и этничности. Недаром модель мультикультурализма в США называют моделью резервирования квот или политикой резервирования квот. Общество сумело реструктурировать этнокультурные группы и снять в них напряженность. Содержание гуманитарного образования смещается в сторону отхода от европоцентризма, происходит ослабление расистских, шовинистских, антисемитских предрассудков. Обратной стороной мультикультурализма является тенденция к этноцентризму.

Некоторые аспекты «гражданского равноправия» можно найти в Американской Конституции, хотя Конституция США нейтральна в вопросах расового и этнического происхождения. Поправки к Конституции, относительно гарантий предоставления расового равенства были связаны с ликвидацией в 1865 г. института рабовладения [3, с. 73.]. Поправки XIII, XIV и XV свидетельствуют об отмене рабства, подневольных работ; о признании гражданами США всех, кто живет на их территории; и предоставляют право голоса всем, несмотря на цвет кожи, расы и т.д. [2, С. 320-322.]

Ассимиляция перестает быть тем идеалом, к которому раньше стремились американцы. У людей, доселе не вникавших в свою родословную, появился интерес к предкам. Нет сомнения в том, что нахождение верного соотношения между «единым» и «множествами» в теории и практике американской культуры – процесс непростой и далеко не безболезненный. Обращение к американскому опыту показывает, что не может существовать универсальных и вечных моделей регулирования этнических отношений. Важно уметь улавливать происходящие изменения и соответственно корректировать политику [6, с. 15.].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в США в конце XX века господствовал образ «плавильного котла», в котором «плавился» каждый въехавший на территорию Соединенных Штатов человек, не американского происхождения. «Плавильный котел» создавал одинаковых и равных людей, которые не особо задумывались о культурном разнообразии вокруг. Теперь на смену «плавильному котлу» пришла «миска с салатом», в которой все ингредиенты перемешаны, но не расплавлены и остаются сами собой, т.е. иммигранты ассимилируются, не теряя своей этнической принадлежности. Американская политика резервирования квот привела к тому, что сегрегация общества по этнорасовому признаку не только не была преодолена, но и стала добровольной. Представители меньшинств с радостью принимают, иногда даже требуют, те льготы, которые государство оказывает представителям этнических групп.

Канада также принадлежит к числу государств с многоэтническим составом населения: 1) две нации – англоканадцы и франкоканадцы; 2) аборигенные народы – индейцы, эскимосы и метисы; 3) национальные меньшинства, которые иногда назывались «переходными группами».

Доктрина многокультурности родилась в Канаде в контексте основного противостояния англофонов и франкофонов, но ее цель и смысл были связаны с проблемами «третьего элемента», т.е. национальными меньшинствами [7, с. 238–240]. 8 октября 1971 г. канадское правительство официально провозгласило политику мультикультурализма на двуязычной основе. Через 10 лет ее целью были поощрение и поддержка в рамках канадской политики официальных языков и в духе действующих кодексов прав человека полное воплощение многокультурной природы канадского общества через программы, которые способствуют сохранению и распространению этнокультурного наследия и которые облегчают взаимное уважение и понимание среди всех канадцев [7, с. 240–241].

В 1972 году был учрежден Директорат по мультикультурализму, и до середины 1990-х годов в состав федерального кабинета входил министр, официально ответственный за решение мультикультурных проблем. Мультикультурная ориентация была записана в Канадской конституции (1982) и в Акте о мультикультурализме (1988), благодаря чему он оказался главной чертой самоопределения Канады.

Ежегодно Канада принимает 250 тысяч переселенцев, образующих обособленные сообщества, когорты, провинции. Канадское правительство взялось «помогать всем и каждому» [8, с. 91], особенно тем, кто слабее и кто в меньшинстве. Также правительство решило объединять население страны, например, в общих праздниках, и через это приучать к единению. В Канаде с 1971 года были разработаны и осуществлены сотни программ и проектов через систему денежных грантов разным этническим организациям, на сохранение и обучение неофициальных языков. Обучение другим языкам, кроме английского и французского, было открыто для всех желающих [7, с. 242–243].

Канадский опыт мультикультурализма себя оправдал полностью. Канадское общество действительно изменилось в своем восприятии культурной мозаики и роли иммигрантских и других недоминирующих групп среди населения страны.

Но, несмотря на все государственные мероприятия, современная Канада столкнулась с серьезными проблемами наделяния провинций особыми правами (франкоканадцы из провинции Квебек). В целом, по отношению к остальной массе этнических меньшинств, а особенно к коренным народам Канады, применяются различные льготы (освобождение от налогов, медицинская страховка, субсидии на жилищное строительство и образование, выдаются финансовые ресурсы и земли). На сегодняшний день политика канадского правительства по отношению к коренному населению может быть названа сегрегационной, т.к. она сосредоточена на сохранении культуры и образа жизни, а не включении аборигенов в канадское общество.

В общем, американская модель мультикультурализма по праву называется моделью резервирования квот. Политика мультикультурализма в США и Канаде направлена на социальную интеграцию иммигрантов или коренных народов, а не на вхождение данных представителей в общество. Им выделяются разнообразные льготы (квоты), оказывается помощь, но все же этого не всегда достаточно для адаптации.

При наличии сходных черт в мультикультурализме США и Канаде можно выделить некие различия. Канадское общество никогда не знало жесткой ассимиляции на основе четко определенного этнокультурного типа. Канадскому обществу всегда была присуща дуалистичность сознания, в то время как американский мультикультурализм является по своей сути либерально-демократическим механизмом взаимоотношений между представителями этнокультурного большинства и меньшинств.

Канадцы – действительно многоязычная нация, тогда как в США значительное большинство говорит на английском языке, вне зависимости от того, считают ли они себя представителями мейнстрима или этнокультурных меньшинств.

Литература

1. Мальковская, И. А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 3–12.

2. Конституция Соединенных Штатов Америки / Конституции Зарубежных Государств. Американский континент (Аргентина, Бразилия, Канада, Мексика, США). Ер. : Изд. «МХИТАР ГОШ», 1998. – 392 с.
3. Лапицкий, М. И. Национальная идея : специфика американского опыта // США – Канада: экономика – политика – культура. – М. : Наука, 2006. – № 9. – С. 64–81.
4. Богатуров, А. Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 9. – С. 114–121.
5. Мукомель, В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 58–59.
6. Международный опыт федерализма в контексте регулирования этнополитических отношений / Ежегодный доклад Министерства региональной и национальной политики Российской Федерации 1998 г. Инс-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН – М., 1999. – 88 с.
7. Тишков, В. А. Реквием по этносу : Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 2003. – 544 с.
8. Симар, М. Территории и социальная неоднородность в Канаде : результаты миграций совершеннолетней молодежи // США – Канада (экономика – политика – культура). – 2006. – № 2. – С. 89–99.

ДОЛЖНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА У ПЛАТОНА И МАКИАВЕЛЛИ

М. А. Анисимова

Томский государственный педагогический университет

Человечество всегда обращается к истории: будь то простая интерпретация того, что было или же апелляция к теоретическому или практическому построению обществ, государств, цивилизаций. Смена нравственных и этических норм побуждает за собой резкий сдвиг в построении социальной структуры, общества и государства.

Работы Платона и Макиавелли до сих пор являются актуальными, т.к. они предъявляют ответ на вызовы истории, проявлявшиеся в столь сходных по принципам системных кризисах Эллады V–IV в. и Италии XV–XVI в. Выход, предложенный Макиавелли, заложил основу политической жизни западноевропейской цивилизации. Труды Макиавелли стали крупной поворотной точкой, интеллектуальные последствия этого поворота стали основой всего либерализма [1]. В XX веке идеи макиавеллизма стали осознанным доминирующим выбором, как наиболее предпочтительные и выгодные, тогда как платонизм признается утопичным, нерациональным, чересчур идеальным не только для воплощения в жизнь, но и для выстраивания основ государства.

Для рассмотрения данной проблемы следует выделить несколько важнейших вопросов, определяющих систему государства: об основаниях, о

целях и об элите. Значит, следует ответить на вопросы: кто, как и зачем должен управлять?

Краеугольным камнем оснований государства Платона является нравственное воспитание. Это выстраивает гражданина любого из трех сословий (философов, воинов, демиургов), т.к. граждане должны быть друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества [2]. Модель, основанная на таких понятиях как «нравственность», «мораль», «духовность», является наиболее прочной, в виду того, что непоколебимые основания сплоченности и необходимости каждого сословия другому выливаются в идею всеобщего блага, которая является самым важным знанием; через которое становятся пригодными и полезными справедливость и все остальное. Привитые ценности определяют каждое сословие. Отношения между сословиями определяют развитие общества. Жизнеспособность общества, каждого сословия и отдельного гражданина выстраивает четкую систему развития гармоничного справедливого государства. Вся организация государства, права и обязанности граждан, в том числе и правителей-философов, должны быть подчинены главной цели: достижению блага и счастья для всего общества [3]. Причем это не благо каждого в отдельности гражданина, а благо целого, единого. Платон говорил о том, что, по мнению большинства, благо состоит в удовольствии, а для людей более тонких – в понимании. К благу стремится любая душа и ради него все совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чем же оно состоит [2].

Управление государства философами, которые руководствуются благом всего общества, а не идеей собственного благополучия, приведет к гармоничному развитию справедливого государства, где каждый имеет свою нишу, в которой он воплощает все полученные природой и образованием навыки и умения. По Платону управляет лишь тот, кто достоин, кто мыслить стратегически, а не тактически, кто соотносит государство с существующими проблемами.

Ответ Макиавелли на вызов истории отличен от ответа Платона. Его государь стоит у власти только благодаря стремлению овладеть государством, силе его армии и слабости народа. Народ и знать для него – прислужники и не более, в них не ценится значимость для общества, т.к. все развитие государства проявляется в доблестном государе. При чем доблесть эта уже не античная доблесть, а жестокость и беспринципность, которая попирает нравственные устои и моральные принципы. Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание [4]. Но если цель достигнута, если монарх заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье. Государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; добрые сове-

ты, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов [4].

Нет ничего важнее чем власть, которая оправдывает средства, а при такой системе нет большого количества сильных вокруг государя, поэтому действия правителя никем не регламентируются. Отсюда появляется вседозволенность, армия же призвана охранять строй государства, а не его граждан, как было оговорено Платоном в системе его справедливого государства. О том, что необходимо прививать нравственность и мораль вопроса у Макиавелли вообще не стоит. Он считает, что народ развращен и опора на него не нужна. Единственное, что следует помнить, говоря о государе – чересчур не угнать.

В схожих исторических ситуациях рождается две совершенно различные модели государства. В одном из них (по Платону) во главу ставится рациональное начало и принцип гармоничного развития, индивидуальность личности. Во втором (по Макиавелли) – обладание властью, односторонность развития и неприятие никого, кроме всемогущих мира сего.

Все эти различия в государстве объясняются тем, что основанием для модели Платона являются те положения, которые предполагают постоянное и динамичное развитие, как общества, так и его отдельных лиц. Именно они предполагают перенятие традиционных норм и устоев, что в свою очередь приводит к адекватному восприятию человека, мира и государства. Такое государство сильно пониманием его сущности изнутри, его необходимостью для каждого отдельного гражданина. У Макиавелли иная модель – нет того единства сословий и людей. Сословия объединяет тот, кто может силой заставить сосуществовать вместе, а не функционировать и строить. Сила, а не разум определяют государство, именно поэтому столь непрочны государства, потерявшие внутреннюю полицейскую военную мощь. Гражданская добродетель во имя добрых нравов не может быть построена на месте развращения, т.к. именно развращение наиболее удобно для манипуляции. А метод кнута и пряника никогда не работал долго.

Литература

1. Берлин, И. Оригинальность Макиавелли [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru>, дата использования, 25.03.09.
2. Платон. Государство [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru>, 06.05.2008.
3. Алёнова, И.В. Образ идеального правителя у Платона. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru>, 25.03.2009.
4. Макиавелли, Н. Государь. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru>, 06.03.2009

ВОПРОСЫ БРАКА, ВОСПИТАНИЯ ДЕВОЧЕК И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА ЖЕНЩИНЫ В «КНИГЕ О ДОБРЫХ НРАВАХ» ПАОЛО ДА ЧЕРТАЛЬДО

А. Н. Казюрина

Томский государственный педагогический университет

В своем трактате «Книга о добрых нравах» (60-е гг. XIV века) флорентийский купец Паоло да Чертальдो много внимания уделяет вопросам брака, воспитания детей и морально-нравственного облика женщин [1]. В целом позиция Паоло да Чертальдो отражает общие представления пополанов среднего достатка Раннего Возрождения о месте женщины и ее роли в жизни общества. Сходные позиции можно обнаружить в трактатах итальянских гуманистов, к примеру, Л. Б. Альберти (1404–1473 гг.) [2, с. 370, 371, 373].

В условиях крупного семейного клана (консортерии) мужчина – глава семьи – руководствовался, как правило, тремя принципами, сформулированными итальянским историком Джованни Морелли (1816–1891 гг.): приращение или сохранение семейного достояния, приобретение политического престижа и доступа к государственной власти и, главное, – физическое продолжение рода, которого следует добиваться, производя на свет сыновей [3, с. 216]. При этом женщина являлась зачастую одним из средств достижения цели, особенно в деле продолжения рода, и занимала подчиненное положение, а мужчина испытывал по отношению к ней традиционную подозрительность, как к «сосуду зла». Флорентийский купец да Чертальдो предостерегал мужчин: «женщины пусты и очень склонны к переменам, <...> держи их в большой строгости, в страхе и трепете <...> Знай, что все крупные разорения, банкротства, грехи и позоры приключаются из-за женщин <...> Берегись игры и женщин пуще огня, ибо почти все неприятности порождаются ими» [1, с. 332, 334, 340].

С другой стороны, уже с конца XIV века прослеживаются изменения в оценке положения женщины в семье. В сознании купцов и банкиров возникают два женских образа, которые они превозносят: идеальной хозяйки дома и самоотверженной вдовы [3, с. 217]. Второй образ имел особую актуальность, учитывая демографические особенности состоящих в браке мужчин и женщин. Оптимальным возрастом для вступления в брак для мужчин считалось время от 33 до 40 лет, девушек выдавали замуж с 12 лет, а 14 лет считалось идеальным возрастом. В результате мужья умирали гораздо раньше жен, что обостряло проблему сиротства. После смерти отца в консортерии дети оставались на попечении родственников по отцу, а вдова возвращалась в дом своих родителей. При возрастании роли малой семьи соответственно возрастала роль жены и вдовы, т. к. на женщину в семье такого типа возлагалась почетная обязанность вести домашнее хозяйство и воспитывать детей после смерти отца. Тем не менее, к вдовам, вышедшим повторно замуж, отношение со стороны мужа могло быть не таким хоро-

шим, как того ожидала женщина: «<...> если возможно, постарайся не жениться на вдове, потому что ты не во всем сможешь удовлетворить ее... всегда напоминай своей второй жене, что она не будет лучше первой, чтобы не возомнила, что тебе с нею лучше, чем с той, потому что она происходит из лучшего дома» [1, с. 345], – наставлял мужчин купец. Подобного рода высказывания были вызваны более высоким социальным положением вдов по сравнению с положением замужних женщин и девушек, благодаря которому первые являлись более самостоятельными и независимыми.

Что касается женитьбы в целом, то купец давал следующие советы мужчинам: «женщина, на которой ты хочешь жениться, должна быть дочерью и внучкой женщин честных и целомудренных. Помни, что девушка чаще перенимает нравы бабушки, чем матери <...>. Проследи за тем, чтобы семья ее не была поражена болезнью, поскольку очень часто случается, что дети <...> перенимают имеющиеся в ней болезни. Постарайся жениться на женщине мудрой и с приятным лицом, ведь та, что умна, всегда станет хорошей женой» [1, с. 351, 328]. В целом эти советы, в частности, касающиеся здоровья семьи будущей супруги, не были лишены смысла – особенно в свете частых для средневековой Италии эпидемий и неразвитости медицины. Однако стремление попола́на жениться на красивой и одновременно умной девушке не всегда было осуществимо, т. к. с образованием детей женского пола в средневековой Флоренции дела обстояли намного хуже, чем с образованием мужчин.

В отличие от воспитания мальчиков, к воспитанию девочек главы патриархальных семейств относились с гораздо меньшим вниманием, ограничиваясь привитием главных женских добродетелей: традиционной набожности, покорности и страха перед людской молвой [3, с. 217]. В «Книге о добрых нравах» да Черта́льдо пишет о воспитании девочек: «<...> а если у тебя девочка, то ее следует прежде всего научить готовить пищу в кухне, а затем уж читать, ибо нельзя допустить, чтобы она умела только читать, если, конечно, ты ее не предназначаешь в монахини <...> девочку одевай хорошо, но еды ей давай столько, чтобы только поддерживать в ней жизнь, чтобы она не растолстела. Главное, приучи ее делать все по дому <...> чтобы, когда она выйдет замуж, муж не назвал ее бездельницей» [1, с. 325]. Забота о дочери состояла для купца в подготовке ее для жизни в семье будущего супруга, где ей предстояло выполнять множество обязанностей хозяйки дома, и грамотность особой роли не играла. Поэтому, чаще всего, молодая девушка из семьи попола́нов среднего достатка не успевала до замужества научиться читать и писать, а замужем не оставалось времени.

Черта́льдо наставлял женщин: «прекрасна женщина, которую молва провозглашает чистой и, как цветок, прекрасной, поэтому всегда смотри, женщина, чтобы не подверглись твои нравы и обычаи дурной молве, как бы трудно это ни было» [1, с. 325]. Страх перед людской молвой должен был определять все высказывания и поступки женщины, поскольку поведение ее отражалось не только на репутации ее самой, но и на репутации семей

отца и супруга. Поэтому к привитию женских добродетелей родители девушки относились особенно ревностно, возможно, даже в ущерб другим личностным качествам.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. В период Раннего Возрождения во Флоренции сохранялось традиционное для Средневековья отношение к женщине, которое определяло нормы поведения в семье и обществе, брачные обычаи и особенности воспитания девочек. Брачные обычаи определялись условиями консортерии, в которой женщина занимала подчиненное положение, особенности воспитания – местом женщины в обществе как матери и хозяйки дома, нормы поведения – главными женскими добродетелями. Формирование в сознании популяров двух идеализированных женских образов (хозяйки дома и самоотверженной вдовы) было связано со сложившимися реалиями жизни Флоренции в эпоху Ренессанса, при которых женщина, занимая подчиненное положение, являлась, тем не менее, партнером мужчины.

Литература

1. Да Чертадьдо, П. Книга о добрых нравах // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. – М., 1996. – С.321–365.
2. Альберти, Л. Б. О семье // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. – М., 1996. – С.362–395.
3. Краснова, И. А. Брак и семья в городе: Флоренция XIV–XV веков // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. – М., 1999. – С.213–219.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БЮРГЕРСКИХ ЕРЕСЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬБИГОЙСТВА И ВАЛЬДЕНСТВА)

Е. Г. Кайнова

Томский государственный педагогический университет

В отечественной и зарубежной историографии существует несколько подходов к истории средневековых бюргерских ересей (альбигойства и вальденства).

В первую очередь следует охарактеризовать ряд работ, написанных в середине XIX – начале XX вв. на основе позитивистского подхода. Статья англоязычного исследователя Дж. Уоллера «Позиции вальденсов относительно крещения детей и взрослых», опубликованная в 1849 г., содержит значительный объем фактического материала, цитат из различных источников и более ранних работ по истории вальденского движения [1]. Монография американского историка Г.Ч. Ли (1825–1909), одного из крупнейших исследователей инквизиции в XIX в., базируется на использовании чрезвычайно обширного архивного материала и содержит большое количество

фактических данных по истории, догматике, географии распространения ересей [2]. Недостатком работ зарубежных ученых является слабая изученность причин и последствий распространения ересей, мировоззрения их приверженцев.

К числу отечественных авторов, изучавших историю ересей, относятся Н.А. Осокин и Л.П. Карсавин. Н.А. Осокин – автор фундаментального исследования «История альбигойцев и их времени» (1869–1872) [3, с. 554]. В этой работе описаны учение, обряды, иерархия не только альбигойцев, но и вальденсов. Л.П. Карсавин в 1915 г. опубликовал исследование «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии», защищенное в качестве докторской диссертации [4, с. 541]. В работах Н.А. Осокина и Л.П. Карсавина внимание уделяется в первую очередь истории еретических движений и особенностям их вероучений, однако анализируются и причины их распространения и последующего упадка, связанные с мировоззрением бюргерства.

Таким образом, зарубежные и отечественные исследователи середины XIX – начала XX вв. уделяли большое внимание изучению истории и догматики еретических движений с использованием обширного архивного материала. Отличительной чертой работ отечественных историков служит наличие анализа взаимосвязи между распространением еретических течений и процессами, происходившими в духовной жизни горожан.

Следует описать подход к изучению еретических учений, который был создан Ф. Энгельсом (1820–1895). Занимаясь изучением процесса распада феодального строя в Позднее Средневековье и истории Реформации, он характеризовал причины бюргерского недовольства церковью, которое, по его мнению, проявлялось в распространении ересей. Энгельс разделил еретические течения на бюргерские и крестьянско-плебейские [5, с. 359–363]. Данный подход нашел применение в советской науке, в частности, он использовался В.Л. Керовым и С.Г. Лозинским.

Работы В.Л. Керова, публиковавшиеся в 1970-е – 1980-е гг., посвящены истории еретических движений во Франции [6]. Он исходил из основных принципов марксистско-ленинской методологии, оценивая распространение ересей как проявление противостояния между городами и эксплуатировавшим их феодальным институтом католической церкви. Советская наука уделяла большое внимание изучению истории этого института. Исследователь С.Г. Лозинский (1874–1945) описал историю католической иерархии с начала её формирования до конца XIX в. и охарактеризовал основные еретические течения Средневековья [7, с. 3–4]. Недостатком подхода, существовавшего в советской науке, является приращение первоначального значения фактору противостояния городов эксплуатировавшим их институтам феодального строя, т.е. абсолютизация экономических предпосылок распространения ересей. Достижением было то, что история религиозной жизни изучалась с учётом процессов, происходивших в тот или иной период в политической, экономической и духовной жизни европейских стран.

В XX в. изучение средневековых ересей активно развивалось за рубежом (показателем чего служит, например, существование международного журнала «Heresis», посвященного данной проблематике [8]).

Представители школы «Анналов» изучали историю ересей в рамках антропологического подхода. Э. Ле Руа Ладюри – автор работы «Монтайю, окситанская деревня в 1294–1344 гг.» (1975), принесшей ему мировую славу, сосредоточил внимание на мировосприятии крестьян, видя путь к пониманию истории в соединении социально-демографического описания с изучением ментальных основ. «Монтайю» представляет собой базирующееся на протоколах инквизиционного расследования описание южнофранцузской деревни, включающее анализ географического положения, хозяйственной жизни, социальной и демографической структуры, религиозных верований жителей, их отношения к богатству, детям и т.п. [9]. Ж. Ле Гофф также затрагивал проблему истории средневековых ересей в сборнике статей «Другое Средневековье», анализируя причины их возникновения с точки зрения особенностей мировоззрения горожан [10, с. 97].

Значительное влияние на современные подходы к изучению истории бюргерских ересей оказала концепция английского историка Р. Мура, ряд работ которого был опубликован во второй половине 1980-х гг. По мнению учёного, понятие ереси было создано средневековой церковью для оправдания своих претензий на мирскую и светскую власть. Ересь, таким образом, должна рассматриваться как явление политической, а не религиозной жизни. Б.Б. де Рике с опорой на подход Р. Мура характеризует ереси, используя термин «религиозное диссидентство» [8].

Таким образом, существует несколько различных подходов к изучению истории средневековых бюргерских ересей, и необходимо учитывать достижения, сделанные в рамках каждого из них.

Литература

1. Waller, J.L. Were the Waldenses Baptists or pedo-baptists? / J.L. Waller [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.wayoflife.org/fbns/werethewaldenses.htm>, 15.09.2008.
2. Ли Г.Ч. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rusbibliophile.ru/Book/Li_G_-Ch_Istoriya_inkvizicii, 10.09.2008.
3. Осокин, Н.А. Еретические верования / Н.А. Осокин // История ересей: Сб. / сост. А. Локтионов. – М., 2004. – С. 267 – 416.
4. Карсавин, Л.П. Очерки средневековой религиозности / Л.П. Карсавин // История ересей: Сб. / сост. А. Локтионов. – М., 2004. – С. 9 – 266.
5. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49 т. Т. 7. – М., 1956. – С. 343 – 437.
6. Керов, В.Л. Из истории борьбы народных масс против католической церкви в эпоху феодализма / В.Л. Керов. – М., 1970. – 83 с.
7. От издательства // Лозинский, С.Г. История папства. – М., 1986. – 380 с.
8. Де Рике, Б.Б. Средние века и религиозные диссиденты: катары и бегины, XI – XIV столетия / Б.Б. Де Рике [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.holygrail.ru/page311>, 12.09.2008.

9. Ле Руа Ладюри Э. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mirslouvrei.com/content_fil/LE-RUA-LADJURI-LE-ROY-LADURIE-JEMMANJUJEL-R-1929-15699.html, 18.04.2009.
10. Ле Гофф, Ж. Ремесло и профессия в средневековых руководствах для исповедников / Ж. Ле Гофф // Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург, 2000. – 325 с.

РИМСКАЯ ДОБЛЕСТЬ И ПРОБЛЕМА «НОМО NOVUS» В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ

И. В. Котенко

Томский государственный педагогический университет

Изучение политических отношений Римской республики и античности в целом включает в себя широкий круг социально-правовых проблем. Вопросы возможности участия граждан в государственной деятельности особенно актуальны в условиях полисного государственного устройства. Римская республика была аристократическим государством, где представление о превосходстве старинных знатных фамилий глубочайшим образом входило в плоть и кровь римского народа. Поэтому прочим гражданам было очень трудно добиться вершины политической карьеры – консулата. Такие люди назывались «*homo novus*» (новый человек или выскочка). О трудностях политической карьеры новичков говорит Цицерон: от консульства Катона Цензора (195 г.) до своего консульства (63 г.) он насчитал всего пять человек незнатного происхождения, взявших штурмом твердыню нобилитета [1, с. 336]. При этом главным аргументом знати была моральная сторона вопроса. В эпоху ранней республики, когда магистрат исполнял, в том числе и религиозные обязанности, патриции утверждали, что допуск плебеев к консулату будет святотатством. Считалось, что новые люди несут новые нравы, оскверняют почетную должность, а это может нанести ущерб «общему делу». Но если наличие «*homo novus*» – исторический факт, то необходимо рассмотреть эту уязвимую сторону их политической жизни. Поэтому в данной работе представлена попытка ответа на вопрос, как соотносились нравственные установки этих немногих удачливых политиков с идеологией высших слоев римского общества.

В Риме именно магистраты, в которых персонифицировался принцип полисного самоуправления, и которые осуществляли право гражданской общины жить по собственным законам, обладали законодательной инициативой, тогда как, например, в классических Афинах она принадлежала всем членам гражданского коллектива [2, с. 3]. В литературе сложилось два мнения относительно степени доступности высших магистратур каждому члену общины. Первое принадлежит Моммзену, который говорил, что после уравнивания в правах патрициев и плебеев, на высшие магистратуры мог претендовать любой из граждан [3, с. 244]. Второе, являющееся приоритетным

в современной историографии, заключается в том, что занимать высшие магистратуры могли только состоятельные граждане [4, с. 55], состоящие во всадническом сословии. Ливий дает следующую характеристику всаднического сословия: «всадники... это рассадник сената (*seminarium senatus*), именно из них выходят сенаторы, которых избирают потом консулами и полководцами» [5, с. 472]. Таким образом, из числа всадников в комициях ежегодно избирались магистраты. Сенат комплектовался бывшими комициальными магистратами, которые записывались цензорами в особый сенатский список. В случае нехватки экс-магистратов цензоры имели право вводить в сенат граждан всаднического сословия, не исполнявших магистратур. То есть «новый человек» мог быть сенатором, всадником, но никогда нобилем.

Казалось бы, именно в сенате «новые люди» должны были сталкиваться с противодействием знати. Историками, однако, была замечена одна особенность – притом, что римскими авторами постоянно употребляется термин «знать», «знатные люди» (*nobilitas, nobiles*), ни в одном латинской тексте не встречается словосочетание «знатный сенатор» (*senator nobilis*) [4, с. 33]. Подобная терминологическая чистота источников свидетельствует, что римляне четко разделяли две эти категории («нобиль» – «сенатор»), не пересекавшиеся друг с другом, поскольку каждая из них несла собственную смысловую нагрузку. Красноречив пример Катона Старшего, о котором античные авторы писали как о неутомимом борце со знатью, и которого они же объявили героем сенаторского сословия, поднявшего величие сената [6, с. 18].

В Риме *nobilitas* никогда не была правовой категорией, поскольку юридически *ordo nobiliorum* не существовало (притом, что римляне пользовались понятием *ordo* небрежно), а преимущественное право на консулат было неписанным [4, с. 40]. Новому человеку, стремившемуся добиться высокого звания требовалось преодолеть два препятствия: 1) недоверие народа, который в силу укоренившейся привычки на выборных комициях всегда отдавал предпочтение известным именам; 2) сопротивление аристократии, которая преуменьшала заслуги, не прощала ошибки и всячески сковывала инициативу новых людей. Поэтому новичок должен был обратить на себя внимание избирателей явными успехами на поле брани или на Форуме в качестве судебного оратора. То есть он вынужден был апеллировать к высшей ценности римской республики – римской доблести.

По наблюдениям современных ученых [7, с. 62] понятие «римская доблесть» было двойственным. С одной стороны это способность человека интенсивно воздействовать на окружающий мир, с другой – это преобладание духа над телом, т.е. господство над собой, управление своими страстями, суровость нравственных устоев. Поэтому, непосредственного успеха, который был сам по себе достаточен для народа, не хватало, когда речь шла о знати. Новичку очень важно было не скомпрометировать себя, так как каждый магистрат, в том числе и нобиль, знал, что после годового периода пребывания в должности, его могли привлечь к суду. А если принять во

внимание то, что магистраты избирались в октябре, а вступали в должность в январе следующего года, то к суду могли привлечь и до вступления в должность.

Одним из первым «*homini novi*» в истории Римской республики принято считать Марка Порция Катона, который, несмотря на успешную карьеру, судя по сообщениям источников, испытывал давление со стороны знати, причем не последнюю роль здесь играл упрек в «новизне» (*novitas*) удачливого политика [5, с. 211, с. 321; 8. Т. 1, с. 382, 389, 392]. Плутарх приводит слова Катона, заметившего, что Рим достигнет наивысшего могущества в том случае, если «знаменитые и великие мужи будут стараться не уступать в доблести людям никому не известным, а плебеи вроде него самого станут оспаривать это первенство у тех, кто славен и благороден» [8. Т. 1, с. 389]. Анализ эпитафий знатных римских родов III–II вв. до н. э. показывает, что понятие *nobilitas* может быть выражено формулой «почет и слава предков» (*honos atque gloria maiorum*) [6, с. 17–18]. Катон, будучи выходцем из муниципальной среды, не мог претендовать на «*gloria maiorum*», что вынуждало его главное внимание уделять своим гражданским добродетелям (*virtutes*). Позднее Цицерон даст четкое определение: «Почет – это награда за добродетели» [9, с. 315]. Античные авторы неоднократно отмечали такую черту характера Катона, как постоянное стремление восхвалять и возвеличивать себя. Однако дело вряд ли только в особенностях личности Катона. У человека столь незаурядных талантов и энергии, в условиях ожесточенной политической борьбы, судебных схваток, споров в сенате просто не было иного выхода. Вновь и вновь подчеркивая свои *virtutes*, нравы, заслуги перед согражданами, Катон тем самым компенсировал свою недостаточную в глазах нобилитета родовитость [6, с. 17–18]. Более того, лучшие новые политики не стыдились своего происхождения. Неоднократно восхвалял Цицерон тот социальный слой, из которого выходили новые люди: в его устах, это была среда, украшенная такими достоинствами, как трудолюбие, бережливость, чистые нравы, скромный образ жизни. Мир знати описывался в противоположных понятиях: безделье, роскошь, разврат, своеволие.

Дальнейшее исследование проблемы «*homo novus*» требует обратить внимание на изменения, происходящих в эталонах «римской доблести». Для того чтобы проследить эволюцию римской доблести за вышеуказанный период, рассмотрим пример двух Катонов – Старшего и Младшего. Они считались настоящими римлянами, воплощением римской доблести. Оба – суровые, прямолинейные, неподкупные, честные, стойкие – образцы древнего аристократического идеала. Оба вели аскетический образ и, между прочим, в этом сравниваются Плутархом и Валерием Максимом. Старший Катон брал с собой в поход одного раба, в то время как Младший – пятнадцать [8. Т. 2, с. 228]. Парадоксально, что все-таки более суров и воздержан, по мнению древних, Младший Катон, у которого «числом больше (рабов – прим. И. К.), чем у Катона Старшего, по смыслу же меньше, если вспомнить, как изменились (к роскоши) времена и нравы» [8. Т. 2, с. 589].

И вот в самом разгаре такой эволюции находится другой «новый человек» – Гай Марий, который вошел в историю как инициатор военной реформы, навсегда изменившей судьбу Рима. Однако реформа Мария оказалась не для Мария. Марий был блестящим полководцем, ему приписывают слова, сказанные в ответ вызвавшему его на бой: «если ты настоящий полководец – ты сразишься со мной!» – голос дерзкого мятежника, «если ты настоящий полководец – ты заставишь меня сразиться с тобой!» [8, с. 476] – более чем достойный ответ человека, знавшего, что подобает, и что не подобает делать командиру. В виду этого можно предположить, что он мог обойтись без реформирования армии для окончания Югуртинской войны, тем более что основные силы Югурты были разгромлены Метеллом. И если правы те, кто говорит, что причина упадка римской армии заключалась в нежелании воинов-крестьян отрываться от своей земли, то эта реформа не нужна была и для отражения нашествия Кимбров и Тевтонов, потому что воины защищали родные земли. Такая армия нужна была для гражданской войны, когда основа армии – деклассированный элемент, пролетариат, чернь, которая становится замкнутой на своем командующем и оторвана от государства, – Марий не успевает воспользоваться этой армией в полной мере в условиях гражданской войны. Но он ее создает и в совокупности со своим стратегическим талантом становится героем, совершает великие подвиги, спасает отечество.

Тем не менее, оценка деятельности Мария была неоднозначна уже у древних. Его дело проиграно, имя проклято. При всех его достоинствах и благородных, с точки зрения демократов, стремлениях, Мария порицает даже Саллюстий, который говорит, что в стремлении добиться высшей должности, Марий слушался «двух наихудших советчиков – честолюбия и гнева» [10, с. 77]. Его осуждает и Плутарх, восхищавшийся братьями Гракхами, которые действовали примерно в том же направлении, что и Марий. Несколько смягчает его оценку то обстоятельство, что до конца жизни он действовал в рамках конституции, и всю жизнь он демонстрировал суровость нравственных устоев к себе лично. Тем не менее, самая слабая сторона его деятельности – несоответствие поведения в политике, нормам римской доблести.

Об остальных новичках, добившихся высших магистратур до консулата Цицерона, судить труднее за недостаточностью источников, тем не менее, в своей речи Цицерон называет их «храбрейшими мужами древности» [1, с. 336], что позволяет сделать вывод, что и они так же не могли игнорировать *mos maiorum*, несмотря на эволюцию римской доблести.

Сам Цицерон, будучи «новым человеком» вводит в оборот новый термин: *optimates*, который соответствовал греческому *ἄριστοι*. До середины прошлого века в историографии господствовало мнение, что оптиматами римляне называли партию нобилитета, сенатскую партию, т.е. партию правящих верхов. Однако непредубежденное и объективное изучение речей, теоретических произведений, а также эпистолярного наследия Цицерона

показывает, что он нигде никогда не употреблял термин *optimates* в смысле политической партии или группировки [11, с. 629]. Для Цицерона это – лучшие, избранные «аристократы духа». Но кто же эти «избранные», эти «аристократы духа», какими качествами следует обладать и каким требованиям удовлетворять, чтобы попасть в их круг? Цицерон сам ставит этот вопрос: «Как же определяется этот наилучший? – По его образованности, мастерству, излюбленному занятию?» [12, с. 24] и сам на него дает ответ, подчеркивая, что принадлежность к оптиматам определяется отнюдь не принадлежностью к тому или иному сословию, но дарованиями, доблестью, изучением государственного устройства [1. Т. 2, с. 151].

Как и Катон, Цицерон был «*homo novus*» и одновременно герой сенаторского сословия, идеолог республики, консерватор, непримиримый противник любого посягательства на первенство сената и республиканского устройства. Тем не менее, он видел, что нобилитет не всегда соответствует той «*gloria maiorum*», которой обладает. Это наиболее ярко было видно во время заговора Катилины. На своем личном примере и в своих литературных трудах, он вновь и вновь доказывал, что новый человек может и должен быть у руля власти, если в нем сочетаются талант государственного мужа и верность традиции римской доблести.

Литература

1. Цицерон, М. Речи. В 2-х томах. Т. 1., Т. 2 / М. Цицерон. – М., 1993. Т. 1. – 448 с., Т. 2. – 400 с.
2. Дементьева, В. В. Римское республиканское междоусобице как политический институт/В. В. Дементьева. – М., 1998. – 137 с.
3. Моммзен, Т. История Рима. В 3-х томах. Т. 1. (До битвы при Пинде) / Т. Моммзен. – С-Пб., 1994. – 736 с.
4. Трухина, Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.) / Н. Н. Трухина. – М., 1986. – 183 с.
5. Ливий, Т. История Рима от основания Города. В 3-х томах. Т. 3. / Т. Ливий. – М.: Ладомир, 2005. – 800 с.
6. Квашнин, В.А. Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего / В.А. Квашнин. – Вологда, 2004. – 137 с.
7. Дуров, В. С. Художественная историография Древнего Рима/В. С. Дуров. – С-Пб., 1993. – 144 с.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х томах. Т. 1., Т. 2 / Плутарх. – М., 1994. – Т. 1. – 704 с., Т. 2. – 672 с.
9. Цицерон, М. Три трактата об ораторском искусстве/М. Цицерон. – М., 1994. – 480 с.
10. Саллюстий. Сочинения / Саллюстий. – М., 1981. – 224 с.
11. Утченко, С. Л. Социальное и политическое значение термина «*optimates*» у Цицерона // Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве. М., 1962. С. 627– 635.
12. Цицерон, М. Диалоги. О государстве. – О законах / М. Цицерон. – М., 1966. – 224 с.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЭЛЛАДЕ IV ВЕКА ДО Н.Э.: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

М. В. Проскокова

Томский государственный педагогический университет

Цивилизация – это не абстракция, а действительно существующее явление, реальный объект. Однако в научном сообществе нет единой позиции в отношении основополагающих понятий. Поэтому, во избежание неточностей требуется внести ясность в ключевое понятие «цивилизация». В своей работе я буду использовать определение Тойнби: «это... единое социальное целое, где экономические, политические, культурные элементы согласованы в силу внутренней гармонии. [1, с. 543] Также необходимо отличать кризис цивилизации от кризиса культуры; в моем исследовании культура выступает как носительница ценностных, определяющих оснований Эллинской цивилизации, а социум, политика, экономика служат определенной формой выражения заложенного в них содержания.

Изменение ценностей, которых придерживались «лучшие» люди, влечет за собой замену социально – экономического строя. И, наоборот, сохранение ценностей позволяет цивилизации возрождаться после опустошительных нашествий, завоевания или других потрясений. [2, с. 56]

Полис, достигший в V веке до н.э. своего расцвета, культивировал патриотизм, чувство солидарности и свободу. Именно эти важнейшие ценности определяли функционирование социальных и политических институтов греческого общества (примером служат афинское Народное собрание – Экклесия, Совет пятисот – Буле). Но внутренняя логика развития полиса наталкивается к концу века на значительные препятствия. Возникает кризис, который все отчетливее проявляется во всех составляющих аспектах цивилизации. Не имея возможности в рамках статьи подробно остановиться на каждом из этих аспектов, уделим особое внимание сфере политической, так как на протяжении IV века до н.э. она демонстрировала наиболее яркие кризисные черты.

К середине пятого века отчетливо обозначились наиболее сильные полисы – Афины и Спарта. Неизбежный конфликт за общеэллинскую гегемонию принял форму затяжной и кровопролитной Пелопонесской войны, закончившейся в 405 г. до н.э. капитуляцией Афин. К началу следующего столетия противоречия не только не прекратились, но и усилились. Анти-спартанские настроения побежденных Афин щедро питались персидским золотом. Вот что пишет Плутарх в жизнеописании Агесилая: «Так как персидские монеты чеканились с изображением стрелка из лука, Агесилай сказал, снимаясь с лагеря, что персидский царь изгоняет его из Азии с помощью десяти тысяч стрелков: такова была сумма, доставленная в Афины и Фивы и разделенная между народными вожаками, чтобы они подстрекали народ к войне со спартамцами». [3, с. 251–252]

Кроме Афин, традиционно игравших ведущую роль на внешнеполитической арене полисного мира, в IV веке до н.э. на авансцене истории появляются Фивы. В битве под Коронеей (394 г. до н.э.) фиванские воины оказали Агесилаю самое ожесточенное сопротивление. Плутарх пишет: «Когда обнаружилось, что одолеть фиванцев прямым ударом – задача слишком сложная, спартанцы...расступились перед фиванцами и дали им пройти между своими рядами, а когда те, увидев, что прорыв уже совершен, нарушили строй, спартанцы погнались за ними и, поравнявшись, напали с флангов. Однако им не удалось обратить врагов в бегство: фиванцы отошли к Геликону, причем эта битва преисполнила их сомнений, так как им удалось остаться непобежденными». [3, с. 254]

Включение в соперничество за гегемонию новых полисов только усугубило ситуацию; начали создаваться разнообразные союзы и коалиции, враждующие между собой. И если до битвы при Левктрах (371 г. до н.э.) Спарта еще задавала тон, то после нее Эллада вновь оказалась на распутье. Дэвис пишет: «Поворотные моменты в истории не часто бывают столь драматичными, как этот, – ибо Левктра за одну ночь изменила всё. Это был конец грандиозному спартанскому мошенничеству, в результате которого Спарта удерживала контроль над всеми греческими делами. А тем временем ее взрослое полноправное мужское население сократилось до 1000 человек и менее». [4, с. 216] Не далее как двадцать лет назад Агесилай постоянно разорял Беотию, чем даже вызвал недовольство союзников, а теперь настала очередь Фив торжествовать победу: «Эпаминонд вместе с союзниками вторгся в Лаконию. Имея не менее сорока тысяч гоплитов, за которыми с целью грабежа следовало множество легковооруженных... беотийцы были первыми врагами, которых спартанцы увидели на своей земле, и которые теперь опустошали её – не разу дотол не тронутую и не разграбленную – огнем и мечом, дойдя беспрепятственно до самой реки и города» [3, с. 267].

Следует понимать, что кратковременное торжество того или иного полиса ничуть не способствовало решению проблем, стоящих перед Элладой в целом. Пока Спарта, Афины, Фивы и их союзники с ожесточением противостояли друг другу, разоряя территории и уничтожая население, на периферии крепла Персидская держава, достаточно успешно игравшая на противоречиях, а малоазийские полисы по-прежнему оставались ее данниками. В то же время крепла и Македония, которая благодаря авторитарной и устойчивой форме власти, по-видимому, совсем не испытывала проблем становления политической субъектности. Вплоть до битвы при Херонее (338 г. до н.э.), знаменовавшей собой окончание классической эпохи, Эллада сохраняла шанс на формирование единого государства выступавшего бы в качестве ведущего политического субъекта ойкумены. Однако с каждым новым военным конфликтом эти шансы становились все призрачнее. Совместное выступление афинян и спартанцев [против фиванцев] кончилось жестоким их поражением при Мантинее в 362 г. до н.э. Для фиванцев эта победа осталась бесплодной, так как они оказались не в силах удержать

за собой военного превосходства, и это было концом их гегемонии.[5, с. 415] Последовавшая затем Союзническая война (357–355 г. до н.э.) закончилась отпадением от Афин островов – Хиос, Родос, Кос. Священная война (до 346 г. до н.э.) между Фивами и Фокидой, естественно, тоже не способствовала внутренней стабильности.

Итак, вот важнейший показатель кризиса – военно-политическая нестабильность на протяжении почти целого столетия. В этой гонке эллины не заметили, как расчистили дорогу третьей силе в лице македонского царя Филиппа. На этот вызов истории он ответил более адекватно, а второго исторического шанса Эллада так и не получила.

Литература

1. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М., 1991.
2. Поляков, А. Н. Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // Вопросы истории. – 2002. – № 11. – С.52–63.
3. Плутарх. Избранные жизнеописания. – Т.1. – М., 1987.
4. Дэвис, Дж. К. Демократия и классическая Греция / Дж.К. Дэвис. – М., 2004.
5. Радциг, С. И. Демосфен – оратор и политический деятель // Демосфен. Речи. – М., 1954.

ОБРАЗ КИТАЙЦЕВ В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Е. Ю. Савченко

Томский государственный педагогический университет

Активные миграционные процессы в последнее десятилетие XX в. привели к образованию новых диаспор. К их числу относится и китайская диаспора в России, представители которой проживают и на территории Томской области. В этой связи актуализируется отношение россиян к китайской миграции и формирование образа китайцев.

Изучение общественного мнения о китайской миграции представляется возможным по источникам местной периодической печати. Для этого были привлечены материалы газет «Томский вестник» и «Комсомольская правда» за период с 1991 г. по февраль 2009 г. Всего за указанный период на страницах этих газет было опубликовано более 50 статей на тему китайской миграции. В 2000-е гг. они встречаются наиболее часто и затрагивают, в основном, экономическую сферу. Статьи, обращенные к вопросам характера китайской миграции, не столь многочисленны и составляют треть от общего их количества.

Первые сведения о «китайской экспансии» за выбранный период относятся к 1992 г. Так, Александр Кабанников, корреспондент «Комсомольской правды» в Пекине, говоря о хлынувших в Россию и другие страны китайских товаров, обращает внимание на то, что за несколько лет Китай из

голодной страны сделался краем изобилия прилавков, производя все на оборудовании 40 летней давности по советским технологиям [1, с. 7]. Чуть позже этот же автор затрагивает тему российско-китайской границы, и поднимает вопрос о ее безопасности и нерушимости [2, с. 4].

Многие авторы видят опасность миграции китайцев. Подтверждением этому могут служить эпитеты, которые используются для ее определения. Это такие определения, как «вездесущих», «муравьи, которые пришли обустроить нашу землю», «великое нашествие великого соседа» [3, с. 4]. Встречаются в прессе и крайние оценки. Один из авторов рисует картину тотальной экспансии нашей территории жителями Поднебесной, сопровождающуюся переименованием местных названий и использованием китайского языка в нашей речи. Подобные прогнозы применимы и к Томску. Например, С. Бескрылов сравнивает китайскую миграцию с водкой – «чем больше объем, тем меньше контролируешь ее поступление». Не отрицается в перспективе и возможность аннексии дальневосточных территорий [4, с. 4]. Все это, конечно, утрировано, но настраивает читателя определенным образом, усиливая ксенофобию, в частности, по отношению именно к китайцам. Не всем авторам представляется безопасным и научное сотрудничество с Китаем. А. Карыпов, к примеру, считает, что интерес китайцев выходит далеко за рамки взаимовыгодного и честного сотрудничества [5, с. 5].

Однако присутствие китайцев, расширившееся далеко за пределы приграничных с Китаем территорий, вызывает не только страхи населения. Многие видят в них хороших работников и создают в целом достаточно позитивный портрет китайской диаспоры.

На территории Томской области китайцы представлены в основном работниками сельского хозяйства, торговцами или студентами. Местные журналисты отмечают «поразительное трудолюбие и неприхотливость, невиданные в здешних местах». Приводится отзыв агронома одного из сел Томского района, где китайцы арендуют землю для теплиц. «– Как они работают!... С четырех утра и до позднего вечера! И все делают по-своему, по-китайски: просто, быстро и толково!». Так же неприхотливы они в быту. Жилище их – временка из двух слоев досок, между которыми солома и пленка, кровати из досок, пол земляной [6, с. 3]. Аналогичное мнение встречается и в других источниках: «копошатся как муравьи, а живут при этом в условиях, которые вряд ли кто сможет назвать нормальными. Но ... их руководители на планерки всегда приходят в белоснежных рубашках. Как и где они умудряются их стирать – непонятно. Но этот факт вызывает уважение» [7, с. 5]. Таким образом, китайцы демонстрируют свое поражающее трудолюбие и умение приспосабливаться практически к любым условиям жизни. Многие руководители фермерских хозяйств не видят ничего страшного [8, с. 3] в привлечении для черновой работы иностранных граждан, будь то китайцы или любая другая нация. В итоге подтверждается традиционная характеристика китайского народа: трудолюбивый, добросове-

стный, терпеливый, неприхотливый, бережливый, отличается хорошей работой в команде и острым чувством ценности времени [9, с. 373].

Учитывая специфику нашего города, страх местных жителей возникает, как видно, скорее, не за территорию, а за учебные и рабочие места и научные открытия. Однако, по мнению автора одной из статей, дело обстоит иначе [10, с. 3]. Среди студентов из Китая немало и ответственных учащихся, приехавших действительно получать образование. Так, в декабре 2007 г. девять китайских студентов успешно прошли аттестацию по программе MBA («Мастер делового администрирования») при ТГУ, получив медали от ректора [11, с. 1]. Это в очередной раз доказывает изменение приоритетов российско-китайского сотрудничества. На первое место в настоящий период выходят партнерские отношения в области науки и экономики. И хотя в приеме на учебу студентов из Китая имеется определенный риск из-за того, что они пытаются совмещать учебу и бизнес, это все же возможность культурного и научного сотрудничества [12, с. 3].

Усилению позитивной оценки способствует информация, полученная от посетивших Китай студентов. Одна из студенток отмечает, что до поездки мнение о китайцах у нее складывалось нелестное: не очень чистоплотные, не отличаются культурой поведения, замкнутые. То, что, по ее словам, она увидела там, ее очень поразило. Прекрасные условия проживания в общежитии (вместе с китайскими студентами), чистые улицы и очень вежливые местные жители, описанные ей, совершенно расходятся общим стереотипным представлением о китайце как о мелком торговце или овощевод-е [13, с. 12–13].

К тому же далеко не все местные жители настроены отрицательно по отношению к китайцам. Так, редакция газеты Томский вестник предложила своим читателям оставить свои отзывы по поводу статьи, в которой говорилось о привлечении к сбору дикоросов пяти тысяч граждан Китая [14, с. 10]. На предложение высказаться в информационном портале ответило достаточно большое количество человек, часть высказываний которых была опубликована в одном из следующих номеров [15, с. 10]. Мнения представлены совершенно противоположные: от полного безразличия к этому вопросу до крайне отрицательного отношения. Так же встречаются среди них утверждение о положительном процессе взаимопроникновения культур, где народы учатся друг у друга и преодолевают стереотипы, мешающие эффективному сотрудничеству. Как утверждают некоторые опрошенные, у китайцев есть, чему поучиться. Например, немало положительных отзывов у населения вызвало открытие китайского рынка, где все достаточно удобно обустроено и приемлемые цены. О том же говорят и русские предприниматели и продавцы, работающие там [16, с. 4].

Таким образом, тема китайской миграции достаточно широко освещена в местной прессе. Основу ее составляют два противоположных мнения. С одной стороны, это боязнь китайской миграции и негативное отношение к ней, из-за ее массовости, зачастую, плохого контроля за потоком китай-

ских мигрантов. С другой стороны присутствует и нормальное отношение к ней, так как многие видят в китайцах хороших и ответственных работников. Очевидно, что, несмотря на многообразие мнений по данной проблеме, преобладает все же негативное отношение к жителям Китая в местной прессе, в основном из-за их предприимчивости и трудолюбия, способствующих их успешной адаптации в нашей стране. Касается это не только мигрантов на территории нашей страны и области, в частности, но и всего Китая в целом. Однако выходящие на новый этап отношения заставляют пересматривать свое мнение. Меняющийся Китай предстает уже в ином образе. Но и это у многих вызывает опасения, что сильный и образованный Китай намного опаснее, чем прежний.

Литература

1. Кабанников, А. Пиво в Китай завезли из России. Теперь китайцы готовы им весь мир напоить // Комсомольская правда. – 1992. – 17 июля. – С. 7.
2. Кабанников, А. Бояться ли нам 1 000 000 000 китайцев // Комсомольская правда. – 1992. – 16 декабря. – С. 3.
3. Яковлев, А. Китайский синдром // Томский вестник. Буфф-сад. – 2002. – 16 сентября. С. 4.
4. Бескрылов, С. Сначала будь как невинная девушка... // Томский вестник. Буфф-сад. – 2003. – 18 декабря. – С. 4.
5. Карыпов, А. русский с китайцем – братья навек? // Томский вестник. – 2002. – 23 апреля. С. 5.
6. Соловьев, А. Китайцы в Спасо-Яйском // Томский вестник. Человек и общество. – 2002. – 5 июня. – С. 3.
7. Купцова, Т. Китайцы и труд все перетрут // Томский вестник. – 2003. – 27 июня. – С. 5.
8. Купцова, Т. Смело, китайцы, за дело // Томский вестник. – 2004. – 16 марта. – С. 3.
9. Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999. – С. 373.
10. Китайский дракон за русской партией // Томский вестник. – 2003. – 25 декабря. С. 3.
11. Студенты из Китая стали мастерами // Томский вестник. – 2008. – 20 декабря. С. 1.
12. Карыпов, А., Ярусова, О. Сибирские Афины или «чайна-таун»? // Томский вестник. – 2002. – 31 октября. – С. 3.
13. Кондрашова, Е. В мире студентов полно эквивалентов // Томский вестник. Буфф-сад. – 2008. – 10 октября. – С. 12–13.
14. Смирнова, О. Восток нам поможет // Томский вестник. Деловая среда. – 2007. – 22 августа. – С. 1, 10.
15. Смирнова, О. Восток нам поможет–2 // Томский вестник. Деловая среда. – 2007. – 5 сентября. – С. 10.
16. Алексеева, Т. Китай-город для всех // Томский вестник. День добрый. – 2006. – 10 февраля. – С. 4.

ПЛАТОН – ФЕНОМЕН ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО МУДРЕЦА

Т. А. Скореднова

Томский государственный педагогический университет

В истории философии традиционно принято считать, что Платон – один из величайших философов всех времен. Чем отличается философ от мудреца? И в чем феномен Платона?

Прежде всего необходимо отметить, что появление такой исторически и философски значимой фигуры, как Платон, обусловлено всеми предшествующими ему поколениями мыслителей: от натурфилософов до мудрецов-реформаторов и Сократа. Сама идея древнегреческой мудрости (и ее составляющей, философии) заложена еще в мифологическом эпосе Гомера. «С мифа началась философия, мифом и кончилась. Но в начале мифология – слепая жизненная интуиция и сила, в конце – разумно явленная смысловая система духа» – отмечает А.Ф. Лосев [1, с. 96]. Платон и есть выражение этой «смысловой системы духа».

Категорично утверждать, что Платон не философ нельзя, однако и определять его только как философа неправильно. Сам термин «философ» разные исследователи трактуют по-разному, например, Ф.Х. Кессиди приводит определения с нескольких позиций: с точки зрения древних греков – Философ ... – это человек, осведомленный в самых различных областях знания; для Платона философ – это прежде всего человек отрешенный от повседневных забот и проводящий жизнь в размышлениях (созерцании), в занятиях отвлеченными проблемами; по Сократу нельзя называть философом человека, стремящегося к мудрости и знанию, но в образе жизни лишенного добродетели [2, с. 172–181].

Становится непонятным, что определяет философа как «философа»? Эрудиция, отрешенность от повседневных забот или добродетельность? Ни первое, ни второе и ни третье, как указывает нам Пифагор, создатель этого понятия. Как он пишет, «... философ – это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости»; следовательно, философ никогда не станет мудрецом. Лишь потому, что «мудрецом может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы называть философию «мудростью», а упражняющегося в ней – «мудрецом», как если бы он изострил свой дух до предела...» [3, с. 66].

Благодаря последним словам у философа появляется небольшой шанс, если он «изострит свой дух до предела» и таким образом в некоторой степени обожествится, тогда он станет мудрецом.

Мифологическому миропониманию свойственна синкретичность, сочетание реальности и фантазии, естественного и сверхъестественного, знание и веру, мысль и эмоции.

«В отличие от мифологического и религиозного мирозерцания философская мысль представляла собой принципиально иной тип миропонимания, прочным фундаментом для которого стали позиции разума, интеллек-

та» [4, с. 36]. А.Ф. Лосев, говоря о философской значимости Платона указывает на его ценность: «Невозможно представить себе ценного философа, понимание которого оставалось бы всегда одинаковым. В том-то и заключается его ценность, что он является источником все новых и новых его пониманий, оживляя и оплодотворяя мысль исследователей различных эпох. С Платоном дело обстоит не иначе» [1, с. 287].

Почему же все-таки Платон является феноменом древнегреческого мудреца? Развитие древнегреческой мудрости автору исследования, представляется следующим образом: миф – философия – мудрость. Выше уже упоминалось о мифологических основаниях древнегреческой мудрости, но всё же не лишним будет повторить: «... в начале мифология – слепая и жизненная интуиция и сила, в конце разумно явленная смысловая система духа» [1, с. 96]. То есть, развитие идет как бы по кругу; но на своей финальной стадии древнегреческая мудрость выходит на более высокий уровень, где и угасает.

Платон оказался на пике развития древнегреческой мудрости. Его феномен заключается в соединении рациональной философии и мифологической мудрости. Соединение это настолько гармонично, что невозможно определить приоритет первого или второго в его учении. А.Ф. Лосев также указывает на противоречивость Платона: «Знание и бытие всегда дано было ему интуитивно, и притом как «божий дар». То и другое он всегда ощущал в себе непосредственно и вполне наивно-реалистически. Но если это было всегда только так, то Платон, конечно, не был бы философом. Он был бы мистиком, отчасти, может быть, богословом, был бы художником, поэтом, человеком жизни и реального дела, но не был бы творцом в философии, которая требует, прежде всего, рефлексии и системы» [1, с. 301].

Таким образом, Платона нельзя назвать только философом или только мудрецом. Платон – феномен древнегреческого мудреца, совмещающий противоречивые рациональные и мифологические начала.

Литература.

1. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993.
2. Кессиди, Ф. Х. Философия древних греков как проявление их менталитета // Философия и общество. – 2002. – № 4. – С. 172–185.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979.
4. Введение в философию // Под ред. И.Т. Фролова. – Ч. 1. – М., 1990.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАЦИИ «ОВЕРЛОРД» ПО ВЫСАДКЕ ДЕСАНТА СОЮЗНИКОВ В НОРМАНДИИ В ИЮНЕ 1944 ГОДА

О. А. Тарасов

Томский государственный педагогический университет

65 лет прошло с того времени, когда союзники СССР по антигитлеровской коалиции совершили высадку своих войск в Северо-Западной Франции, оккупированной нацистскими войсками. Операция «Оверлорд» является одним из уникальнейших мероприятий Второй Мировой войны по форсированию крупной водной преграды – пролива Ла-Манш. Поэтому в данной статье будут рассмотрены основные тактические подготовительные мероприятия, которые были проведены в столь непродолжительный период времени.

Подготовка вторжения началась в январе 1944 года, когда был создан верховный штаб союзных экспедиционных сил (15 января), а генерал Д. Эйзенхауэр занял пост верховного командующего этими силами (16 января). К середине февраля были окончательно согласованы основные вопросы военных действий союзных армий в Северо-Западной Европе, что дало возможность спланировать морскую десантную операцию в Нормандии и подготовить войска к ее осуществлению.

Большое значение имели мероприятия по созданию на Британских островах плацдарма для вторжения. Началась подготовка страны к приему и размещению войск, боевой техники, горючего и боеприпасов. Для этого потребовалось освободить от гражданского населения ряд районов, чтобы разместить в них войска, организовать надежную противовоздушную оборону, систему связи и снабжения.

Стратегическое сосредоточение и развертывание союзных экспедиционных вооруженных сил осуществлялось в исключительно благоприятных условиях, так как противник не имел ни сил, ни средств, чтобы сорвать его. Союзники обладали господством на море и абсолютным превосходством в воздухе. К моменту высадки общее превосходство сил союзников над противником составляло по людям в 2,1 раза, по танкам – в 2,2 раза, по самолетам – почти в 23 раза [3, с. 64]. В районах сосредоточения были созданы крупные палаточные городки, оснащенные системой водоснабжения, полевыми пекарнями, обмывочными пунктами, почтовыми отделениями, причем каждая палатка была так замаскирована, чтобы она была неразличима с высоты 10 тысяч футов.

К весне 1944 года вся южная Англия и значительная часть остальной территории страны превратилась в огромный военный лагерь. Под деревьями возле дорог, прикрытые рифленым железом, друг за другом тянулись полевые склады артиллерийских боеприпасов, мин, инженерного оборудования, колючей проволоки. Американцы перевозили с собой имущество и материалы от стальных ферм мостов длиной 36 метров до таблеток сульфид-

дина. Также они взяли с собой питьевую воду – более 1200 тысяч литров на первые три дня после высадки [1, с. 260].

Для высадки десанта на Нормандское побережье были собраны огромные силы: накануне вторжения во Францию под командованием генерала Эйзенхауэра насчитывалось 39 дивизий, 2876 439 солдат и офицеров (20 американских, 17 британских, 3 канадских, 1 французская и 1 польская дивизия) [5, с. 71]. Их разместили в бараках, в палатках и реквизированных деревенских домах от Корнуэлла до Кента и дальше. Одни тосковали по дому, другие находились в состоянии бесконечного возбуждения; немногие искали пути, чтобы уклониться от участия в ужасающем предприятии, ожидавшем их впереди. Многие из солдат, прибывших со Средиземноморского театра, и прежде всего старые кадровые солдаты, были огорчены, что после долгих и ожесточенных боев их теперь снова призывают взять на себя всю тяжесть сражения.

Замысел морской десантной операции состоял в том, чтобы одновременно высадить пять пехотных дивизий на побережье общим протяжением около 100 км (от Монтебура до устья р.Орн) на пяти участках («Юта», «Омаха», «Голд», «Джуно», «Сворд») и десантировать три воздушно-десантных дивизии в глубине побережья для захвата тактических плацдармов.

Забот по подготовке к операции «Оверлорд» у Эйзенхауэра было много. Он отлично инспектировал не только американские, но и английские и канадские части. При этом он запретил организацию парадов в свою честь во время своего пребывания в войсках. Командиры должны были проводить боевую учебу согласно составленному расписанию.

В уединенном месте в восточной Англии английская армия воссоздала все виды заграждений и препятствий, какие немцы могли использовать в обороне против союзников. Англичане построили закрытые огневые сооружения, воздвигли массивные каменные стены и проволочные заграждения, устроили минные поля, изготовили стальные надолбы для установки под водой и на суше, отрыли противотанковые рвы. Каждое из этих препятствий являлось копией тех, какие немцы уже создали в своей обороне [7, с. 277].

Одновременно с боевой учебой войск шло испытание новой техники, строительство, переоборудование и оснащение десантных судов, велась подготовка к созданию аэродромов на отвоеванной у противника территории; сосредотачивались средства для ремонта кораблей и судов во время операции; готовились бетонные кессоны и старые суда для затопления их у побережья Нормандии, чтобы создать искусственные гавани; изготавливались детали трубопровода, которые прокладывались через пролив для подачи горячего войскам, действующим на континенте.

Затем англичане приступили к разработке и испытаниям приспособлений, с помощью которых можно было бы разрушить или преодолеть препятствия, которые встретятся на их пути. Интересным примером такого экспериментирования явился новый метод использования удлиненного подрывного заряда «бангалорская торпеда». «Эта торпеда» представляет

собой не что иное, как длинную трубу, наполненную взрывчаткой. Ее просовывают вперед на минное поле и при взрыве мины детонируют по всей длине этой трубы. Таким образом, создается узкий проход в минном поле, по которому солдаты могут продолжать атаку [7, с. 277].

Танковые части были предупреждены, что пройденный километраж их танков перед десантированием не должен превышать 600 миль для танков «Черчилль», 800 миль для танков «Кромвель» и «Шерман». Опасаясь, что немцы могут применить отравляющие вещества против десантируемых войск, союзники приготовили 60-дневный запас химических снарядов для ответного удара, а экипажи самолетов прошли специальную тренировку по бомбардировке химическими бомбами.

В числе других средств борьбы с противником, которые постоянно подвергались совершенствованиям и испытаниям, были передвижные мосты для преодоления противотанковых рвов, танки с боковым тралом, огнеметные танки, танки, расстилающие маты в заболоченной местности, танки-тральщики, струги для земляных работ, тяжелые катки для уничтожения мин, были организованы отряды для уничтожения подводных заграждений. Англичане изготовили из смазочных веществ, извести и асбестового волокна специальный водонепроницаемый состав для обработки автотранспортных средств и боевых машин перед преодолением водных преград.

План действий авиации разрабатывался до мельчайших деталей и в него ежедневно вносились поправки с учетом данных об изменении обстановки. Флот и авиация осуществляли непрерывную разведку. Сведения о противнике также поступали из других источников. Были тщательно изучены оборонительные сооружения на вражеском побережье и распределены задачи по уничтожению каждой огневой точки, каждого опорного пункта. В условиях полной секретности началось печатание миллионными тиражами топографических карт, размножение в тысячах экземпляров аэрофотоснимков. Изучались полученные аэрофотоснимки, на которых отмечалось продолжавшееся наращивание противником препятствий в прибрежных водах. Во время приливов большинство этих препятствий находилось под водой. Заранее тщательно определялись маршруты следования к портам, время отхода и прибытия судов, места размещения временных лагерей, их прикрытие и маскировка. Проводилась также специальная разведка. Небольшие группы разведчиков с подводных лодок изучали характер берега в районе высадки десанта, глубину моря и наличие препятствий. Наряду с этим осуществлялась рекогносцировка побережья, выявлялось состояние портов и т.д. Планировщики операции изучили рельеф прибрежной зоны будущего плацдарма и сложности французской железнодорожной сети.

В процессе боевой подготовки армий изучалась организация взаимодействия между кораблями, авиацией и сухопутными войсками при высадке десанта. Личный состав десанта знакомился с различными типами десантных судов и изучал необходимую терминологию. Проходили тренировки по посадке и высадке личного состава, погрузке боевой техники на

суда и выгрузке ее на воду или на берег. Отрабатывались также действия войск на берегу после высадки. К тренировкам привлекались все рода войск и службы, в том числе медико-санитарная, техническая, снабжения и др. Проводились учения и маневры войск, штабные тренировки и другие занятия.

Союзники приняли меры, чтобы исключить утечку сведений о действительном плане десантной операции. В начале апреля 1944 года в Англии были отменены отпуска для военнослужащих, в войсках была введена жесткая цензура. Дипломатическим представителям всех нейтральных стран и союзных государств в Великобритании, за исключением США и СССР, запрещалось покидать Англию без специального разрешения, посылать или получать не проверенные цензурой сообщения по телеграфу или дипломатической почтой, принимать курьеров из-за границы и т.п.

Готовя операцию вторжения, союзное командование использовало опыт десантных операций на Тихом океане, в Северной Африке, Сицилии и на Апеннинском полуострове. Союзное верховное командование придавало особое значение использованию в десантной операции войск, уже имевших боевой опыт, особенно опыт форсирования крупных водных преград. С этой целью в Англию были перебросены некоторые дивизии из Африки и Италии.

При подготовке любой десантной операции мероприятия по укреплению уверенности в успех являются более важными, чем меры по сосредоточению войск, накоплению десантных средств и увеличения воздушной мощи. Наиболее серьезной проблемой для союзного командования являлось повышение морального состояния войск. Так, например, накануне высадки морского десанта в Нормандии в частях распространился слух, что всякая попытка высадиться на укрепленном побережье Северо-Западной Франции приведет к гибели 80–90 % войск, участвующих в операции. Для того, чтобы опровергнуть его максимально использовался весь арсенал идеологического и психологического воздействия на сознание масс: пропаганда американского и английского образа жизни, игра на национальных чувствах, воспитание веры в свое оружие, в своего командира, в свое личное превосходство над противником. Широко практиковались посещения частей и соединений высшими генералами, командующими армиями и группами армий.

В подготовительный период авиация наносила удары по радиолокационной сети противника, в результате чего к началу операции было выведено из строя около 80 % немецких радиолокаторов на побережье. В день высадки морского десанта самолеты для «ослепления» неповрежденных радиолокационных станций сбрасывали металлические ленты [2, с. 359]. Авиация союзников совершала массированные налеты на важнейшие центры коммуникаций противника. В канун высадки в Нормандии с воздуха было разрушено 82 железнодорожных узла стратегического значения, что лишило немцев возможности быстро маневрировать резервами и перебрасывать подкрепления в угрожаемые районы.

Одним из главных средств введения противника в заблуждение относительно района и начала вторжения явилось обилие противоречивой информации, которая направлялась противнику в виде слухов и многочисленных сообщений в периодической печати. По этим сведениям противник мог ожидать вторжения на континент в любом пункте побережья от Норвегии до Италии.

Союзному десанту противостояли немецкие войска, составлявшие 27 дивизий неполного состава. Они держали оборону на линии так называемого Атлантического вала, который тянулся вдоль северного побережья Европы от Дании до Испании. Строительство его укреплений к лету 1944 года было закончено лишь на 18–68 %. А. Гитлер и его окружение считали, что вторжение союзников произойдет через пролив Па-де-Кале – самое узкое место пролива Ла-Манш. Поэтому высадка англо-американских сил в Нормандии оказалась полной неожиданностью для гитлеровской ставки.

Все было продумано до мелочей. Но в ход событий мог вмешаться фактор, во многом не поддающийся контролю – погода. Поэтому Д. Эйзенхауэр, уже начиная с марта 1944 года, проводил своеобразные репетиции вторжения. Каждый понедельник он получал от метеослужбы прогноз на очередную среду. Получив эту информацию, главнокомандующий запрашивал командующих ВВС, ВМС и других начальников, какие коррективы внесет погода в их действия в условиях высадки в среду. К маю был накоплен опыт определенных коррективов в действия по форсированию Ла-Манша и высадке на континенте с учетом прогнозов погоды.

Например, Паттон Дж. читал «Нормандское нашествие» Фримана, внимательно примечая, какими дорогами пользовался Вильгельм Завоеватель в Нормандии и Бретани. Использование этих дорог даже в современных условиях позволяет обойти неприятеля и избежать приготовленных им ловушек [4, с. 349].

По всей Англии проводились учения с названиями, маскирующими их суть – «Утка I, II, III», «Бобр», «Тигр» – сначала с группами специалистов, затем со все увеличиваемыми группами и в конце концов в составе полной дивизии.

Все это было осуществлено за 17 недель перед тем, как была назначена новая дата десантирования – дня Д – 5 июня. Выполнение в короткие сроки такого объема работ остается величайшим организационным достижением Второй Мировой войны, подвигом штабной работы, выдающееся мастерство тысяч английских и американских планировщиков и офицеров материально-технического обеспечения и прочих служб тыла.

Для этого в Норфолкхаусе проводились последовательно 12-дневные курсы, одновременно по 70 человек, для офицеров из квартирмейстерской службы с целью ознакомления с огромными проблемами тыловых служб и путями их решения [6, с. 57].

Многие солдаты лейтенанта Д. Приста из 5-го легкопехотного батальона 214-й бригады 43-й дивизии не одну неделю перед днем Д отдавали свои

силы овладению искусством войны на колесах. Они составляли самокатное подразделение на велосипедах, и солдатам было совсем нелегко нажимать на педали при полной боевой выкладке: весь груз наваливался на солдата. Характерно, что спустя несколько часов после прибытия в Нормандию они получили приказ оставить свой транспорт и больше никогда его не видели [6, с. 77].

Перед посадкой на корабли солдатам выдали таблетки от морской болезни, спасательные жилеты, американское полевое обмундирование. Каждому солдату вручили памятку, в которой содержались рекомендации о правилах обращения с французскими мирными жителями. Памятка не рекомендовала напоминать французам о 1940 годе и покупать все, что попадает на глаза и покажется очень дешевым.

8 мая Эйзенхауэр наметил день начала вторжения – 5 июня 1944 года. 30 мая началась погрузка войск первого эшелона на суда и была закончена 3 июня. Таковы основные тактические мероприятия западных союзников по подготовке вторжения на континент.

Данная статья позволяет ознакомиться с основными подготовительными моментами, которые были осуществлены перед высадкой. Из этого материала видно, что союзное командование любыми средствами пыталось сберечь жизни своих войск. Но, несмотря на столь тщательную тактическую подготовку из 55 тысяч солдат, высадившихся в первый день вторжения, были потеряны 4649 человек, из них одну треть убитыми, остальные были ранены или пропали без вести. Американский народ с облегчением узнал, что потери были ниже ожидавшихся [6, с. 291].

Участвуя в военных конфликтах XX–XXI вв., американские генералы признают, что заимствуют полученный опыт, который был получен при высадке в Нормандии в 1944 г. Также этот опыт американцы используют при подготовке своей морской пехоты для захвата вражеского побережья. Это свидетельствует о том, что все-таки операция «Оверлорд» была проведена успешно.

Литература

1. Брэдли, О. История солдата. – М., 2002. – 688 с.
2. Кулиш, В.М. История второго фронта. – М., 1971. – 658 с.
3. Лубченков, Ю.Н. 100 великих сражений Второй мировой. – М., 2005. – 480 с.
4. Патон, Дж. Война, какой я ее знал. – М., 2003. – 349 с.
5. Пронин, А. Д. Эйзенхауэр // Братишка. – 2008. – №10. – С. 68–73.
6. Хастингс, М. Операция «Оверлорд»: как был открыт второй фронт. – М., 1989. – 410 с.
7. Эйзенхауэр, Д. Крестовый поход в Европу. – Смоленск, 2000. – 528 с.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ГАЗЕТА «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО ШЕФСТВА РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ НАД ЧАСТЯМИ И СОЕДИНЕНИЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)

С. В. Бондарь

Томский военно-медицинский институт

Газета «Красная звезда» (до 1992 г. центральный орган Министерства обороны СССР), издавалась с 1 января 1924 г. в Москве. В этом крупнейшем ежедневном военном периодическом издании нашли свое отражение многие аспекты боевой подготовки, жизни и быта Вооруженных Сил, в том числе деятельность интеллигенции и ее роль в культурной жизни военнослужащих.

Обращение к материалам газеты позволяет воспроизвести малоизученные сюжеты по истории культурного шефства работников искусств над частями ОКДВА [1, с. 172].

На страницах газеты обсуждались вопросы организации, содержания форм и методов деятельности работников искусств по культурному обслуживанию Красной Армии. К ним можно отнести проблемы руководства шефской работой, культурного обслуживания воинов отдаленных гарнизонов. В эту работу активно включились творческие коллективы театров Ленсовета, Центрального театра Красной Армии, театра им. Моссовета и других московских театров.

Достаточно подробно в газете освещались различные аспекты деятельности работников искусств. Состав, численность, география поездок по воинским частям, дислоцируемых на Дальнем Востоке. Для обслуживания частей ОКДВА и кораблей Тихоокеанского флота в длительную поездку (с 1 ноября 1937 г. по 1 июня 1938 г.) в полном составе выезжал Центральный театр Красной Армии.

За период работы в частях ОКДВА театр показал бойцам и командирам два новых больших спектакля: «Голуби мира» – Всеволода Иванова в постановке заслуженной артистки республики Е.С. Телешевой и «Укрощение строптивой» – В. Шекспира в постановке художественного руководителя театра заслуженного деятеля искусств А.Д. Попова, более 30 театральных постановок, таких как: «Мстислав Удалой», «Год девятнадцатый», «Бой-

цы», «Гибель эскадры», «Мещане», «Господа офицеры», «Васса Железнова», «Слава», «Волки и овцы».

Во время пребывания на Дальнем Востоке коллектив театра вместе с драматургом Н.Ф. Погодиным начал работу над пьесой о героях дальневосточниках [2].

За 63 рабочих дня артисты выездной цирковой бригады Госцирка, выступая с концертами в красноармейских клубах, в столовых, на кораблях, на открытых площадках в отдаленных таежных гарнизонах дали для бойцов и командиров 109 концертов. Командование ОКДВА и Тихоокеанского флота за отличную культурную работу объявило всему составу бригады благодарность [3].

Для обслуживания частей Забайкальского военного округа, ОКДВА и Тихоокеанского флота в период с 16 января по 1 апреля 1938 г. выезжал джаз-оркестр под управлением Л.О. Утесова.

В программу гастролей джаз-оркестр включил более 30 музыкальных номеров, в том числе «Полюшко» – Книппера, «Каховка» – Дунаевского, «Казачья» – Покрасса, «Казачья кавалерийская» и «Теплоход «Комсомол» – музыка Соловьева-Седого, «Таганка» – Листова, «Два друга» – Германова, песни из оперы «Тихий Дон» и др.

Выступая перед красноармейской аудиторией, Л.О. Утесов заявил, что «...сейчас я думаю поднять вопрос о создании красноармейского самостоятельного джаз-оркестра всеармейского значения. Думаю, что он будет полезен для культурного развития РККА» [4].

Большую работу в частях ОКДВА проводили артисты Государственного Академического Большого театра. Группа артистов, в составе народного артиста РСФСР Лубенцова, заслуженной артистки республики Е.К. Катульской, артистов балета – заслуженного деятеля искусств Рябцева, Черкасовой, Руденко, В. Васильевой, А. Кузнецова и артистов оркестра Брейтмана и Владимирова, за 40 дней пребывания на Дальнем Востоке в военных гарнизонах, выступали с разнообразной концертной программой [5].

Заслуженная артистка РСФСР Е.К. Катульская горячо преданная шефству над Красной Армией четыре года подряд во время своего отпуска выезжала для обслуживания дальневосточных частей. Она явилась одним из инициаторов творческих отчетов мастеров искусств.

Значительный вклад в культурное обслуживание красноармейцев внес театр им. Моссовета, который в полном составе 15 сентября 1938 г. выезжал на Дальний Восток для обслуживания бойцов, командиров и политработников Краснознаменного Дальневосточного фронта [6].

Коллектив театра, состоявший из 180 человек, был разбит на две группы для работы в Хабаровске и Ворошилове.

Театр пробыл на Дальнем Востоке около года. Пять месяцев он выступал в Хабаровске, затем переехал на два месяца в г. Ворошилов. Последние месяцы театр провел во Владивостоке, обслуживая Тихоокеанский флот.

Для выступлений в отдаленных гарнизонах организовывались специальные концертные бригады, выделялись артисты для инструктажа коллективов красноармейской художественной самодеятельности.

Воины-дальневосточники посмотрели около 10 театральных постановок, таких как: «Порт-Артур», «Апшеронская ночь», «Последняя жертва», «Васса Железнова», «Враги», «Сыновья», «Дело рядового Шибунина», «Жизнь зовет», «Луна слева».

Во время культурного обслуживания частей на Дальнем Востоке театр подготовил к постановке и поставил две премьеры – пьесу Алексея Толстого «Поход 14 держав» и Лаганского и Волина «Тайга» [7].

В течение 10 месяцев театр им. Моссовета обслуживал своими спектаклями и шефскими концертами бойцов, командиров и политработников 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий и Тихоокеанского флота. Комитет по делам искусств при СНК СССР за активную и плодотворную культурную работу среди военнослужащих объявил благодарность коллективу театра во главе с художественным руководителем народным артистом РСФСР Е.О. Любимовым-Ланским. Работники театра были награждены ценными подарками и денежными премиями [8].

На длительное время для работы в частях 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий 11 января 1939 г. выезжал на Дальний Восток красноармейский симфонический оркестр Центрального Дома Красной Армии им. Фрунзе.

В репертуаре оркестра была русская и западноевропейская симфоническая музыка. Защитники дальневосточных рубежей прослушали в исполнении оркестра 4, 5 и 6 симфонии Чайковского, произведения Римского-Корсакова, Бетховена, Листа, Вагнера. Из произведений советских композиторов оркестр исполнил песни И.О. Дунаевского, Д.Я. Покрасса, Н.Я. Мясковского. Во время пребывания на Дальнем Востоке оркестр оказал помощь красноармейским самодеятельным коллективам [9].

В гости к дальневосточникам в августе 1939 г. отправился Камерный театр. В поездке приняли участие около 200 работников театра во главе с его художественным руководителем народным артистом РСФСР А.Я. Таировым, народной артисткой РСФСР А.Г. Коонен и другими ведущими артистами коллектива.

Наряду с основной труппой театра, которая работала в Хабаровске, Ворошилове и Владивостоке, была создана передвижная труппа, которая обслуживала ряд отдаленных гарнизонов 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий.

В своем репертуаре основная труппа театра представила бойцам и командирам 8 спектаклей: «Оптимистическая трагедия», «Очная ставка», «Генконсул», «Любовь под вязами», «Андриенна Лекуврер» и др. Передвижная труппа – 5 спектаклей и концертную программу.

Поездка театра была рассчитана на 10 месяцев. За время пребывания на Дальнем Востоке театр осуществил две новые постановки – «Мадам Бовари» и «Иван Болотников». [10]

Поездки на длительные сроки артистов театров Москвы, их выступления в войсках, дислоцированных на Дальнем Востоке, укрепили связи работников искусств с Красной Армией. В связи с боевыми действиями Красной Армии у озера Хасан и реки Халхин-Гол против японских милитаристов, участие в культурном обслуживании воинов-дальневосточников активизировалось. Расширилась помощь красноармейской самодеятельности, Домам Красной Армии и клубам воинских частей в постановке культурно-художественной работы.

Формы культурного шефства стали более разнообразными. Среди них можно выделить декады искусств, творческие отчеты крупных мастеров театра и эстрады, консультации, семинары по подготовке руководителей художественной самодеятельности в воинских частях и др.

Материалы газеты дают представление о масштабах проведенной культурно-шефской работы в войсках. Если в 1935 г. в частях и соединениях Красной Армии работниками искусств было дано 1950 шефских спектаклей и 6000 концертов, то в 1938 г. только одними выездными бригадами московских театров – около 300 спектаклей и концертов [11]. Театры и концертно-эстрадные организации страны в 1936 г. дали для бойцов и командиров Красной Армии 1135 спектаклей на стационаре, свыше 600 выездных спектаклей и более 8300 концертов [12].

В части и соединения Красной Армии выезжали бригады Большого, Малого, Камерного театров, МХАТ, театра имени Вахтангова, Консерватории, Радиокомитета. Периферийные театры также посылали свои бригады.

Таким образом, опираясь на сведения, содержащиеся в газете «Красная звезда», можно утверждать, что работники искусств принимали активное участие в культурной жизни армии. Из материалов газеты удалось почерпнуть сведения об организации, формах и методах деятельности работников искусств в частях и соединениях военных округов Дальнего Востока. Культурное шефство работников искусств во второй половине 1930-х гг. над частями и соединениями Красной Армии сыграло значительную роль в повышении культурного уровня бойцов и командиров.

Литература

1. Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия (ОКДВА), оперативное объединение Красной Армии. Сформировано в августе 1929 г. как Особая Дальневосточная армия (ОДВА); одновременно выполняла функции военного округа. В мае 1935 г. на базе ОКДВА образован Дальневосточный военный округ, который 2 июня 1935 г. вновь преобразован в ОКДВА с возложением на нее функций военного округа. В связи с усилившейся военной угрозой на Дальнем Востоке, приказом наркома обороны СССР от 28 июня 1938 г. на базе ОКДВА развернут Краснознаменный Дальневосточный фронт. Весь период существования армии ею командовал В.К. Блюхер, с но-

ября 1935 г. Маршал Советского Союза. // Военная энциклопедия: В 8 томах / Председатель Главной редакционной комиссии С.Б. Иванов. – Т. 6: Огарков – М., 2002.

2. Красная звезда. – 1937. – 12 сентября.
3. Там же. – 27 мая.
4. Там же. – 3 декабря.
5. Там же. – 1938. – 6 июня.
6. Там же. – 15 сентября.
7. Там же. – 18 июля.
8. Там же. – 1939. 17 августа.
9. Там же. – 12 января.
10. Там же. – 23 августа.
11. Там же. – 6 января.
12. Там же. – 1937. – 26 марта.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Т. А. Ведрова

Томский государственный педагогический университет

Обращение к теме устной истории вызвано несколькими причинами: 1) это малоизученный метод освещения той или иной проблематики; 2) устная история позволяет рассмотреть поставленную научную проблему в новом ракурсе; 3) устно-исторический метод позволит дать более полный анализ даже для тем с достаточно узкой проблематикой.

Устная история – по определению Сигурда Шмидта, «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами». [1, с. 262] Устная история (oral history) – одно из динамично развивающихся направлений исторических исследований новейшего времени. Оно базируется на введении в научный оборот нового типа источника – устных исторических источников, создаваемых интервьюированием, опросом и расспросом участников и очевидцев изучаемых исторических событий и явлений [3, с. 6]. Главной особенностью этого направления истории является смещение фокуса изучения событий. Поскольку речь идет о интервьюировании рядовых участников событий, то формируется новый взгляд на историю. Одни и те же события в оценке разных представителей общества: официальная наука с одной стороны и «бесмолвствующее большинство» – народ с другой; история получает возможность быть освещенной со слов обычного человека, с позиции тех, кто непосредственно был в центре происходившего, ощутил на себе влияние времени. Подобная практика подвергает сомнению «официальную версию» тех или иных событий, возникает шанс услышать мнение тех, о ком писали со стороны. В самом общем плане можно сказать, что история приобретает новое измерение, как только в качестве «сырья» начинает использоваться опыт самых разных людей. Устная история дает нам источники, весьма на-

поминающие опубликованные автобиографии, но в гораздо более широком масштабе [4, с. 17]. Главной ценностью устной истории можно считать ее способность воссоздать многообразие точек зрения. Еще одной из немаловажных особенностей устной истории является многогранность спектра тем для изучения: история отдельно взятой фабрики; взаимоотношений в рабочей среде; отношение к власти, политике рабочих конкретного региона; история повседневности, интеллектуальная история, история ментальности, микроистория и т.д. Устная история – это история частных, деталей. Это история освобожденная от обобщения, от тенденциозности. Хотелось бы конкретизировать, что с этой позиции устная история больше изучает события с точки зрения краеведения, антропологии, социологии, психологии. В этом проявляется междисциплинарный подход в изучении. Таким образом, создается живая, целостная картина всего общества, в которой затронуты все аспекты жизни народа. Бог, как известно, в деталях, и детали эти – повседневная жизнь общества во всем своем многообразии. Спектр научных исследований расширяется и обогащается; одновременно меняется и его социальная миссия. Попросту говоря, история становится демократичней [4, с. 20].

Главным источником устной истории является интервью. Интервью, проводимое исследователем, должно состоять из четко продуманных этапов вопросника: что хочет узнать историк, на что он акцентирует внимание. Таким образом, само интервью, его результат – как и любой источник, должен быть подвергнут тщательному анализу. По сути, устно-исторический метод – это исследовательско-аналитическая работа на базе «живого материала». С одной стороны, необходимо выявить неточности хронологического порядка в рассказе респондента (события могут, в силу особенностей памяти человека перемешиваться, что-то опускается рассказчиком как маловажный аспект, что-то умышленно не выносится в рассказ). Исследователю придется распутать клубок, из которого соткан рассказ человека, пожелавшего что-то приукрасить, добавить в свое повествование мифологические черты, свои собственные взгляды на политику, общество, в котором он живет; учитывать его стереотипы, ментальность и прочее. Естественно и соотнесение услышанного и записанного с «официальной» версией науки. В любом случае, при всей своей субъективности, устно-исторический источник привносит в историю важные подробности, которые нельзя почерпнуть из документов в архивах. Устно-исторический источник расширяет рамки исторического познания, добавляя к уже имеющимся источникам огромный пласт информации «из первых уст».

Главная «претензия» со стороны академической науки заключается в «сомнительности приводимых рассказчиком фактов», в «субъективности интерпретации прошлых событий». Пол Томпсон в своей книге «Устная история: голос прошлого», противопоставляет устному источнику газетные статьи. Здесь следует заметить, что любой традиционный источник можно подвергнуть критике и усомниться в его объективности (вполне обоснованно),

например «социальная статистика отражает абсолютно достоверные факты не больше, чем газетные репортажи, частные письма или опубликованные биографии: «...все они отражают, с индивидуальной или совокупной точки зрения, социальные представления о фактах; кроме того, все они подвержены социальному давлению породившей их среды. Эти источники дают нам социальный смысл фактов, и именно его следует анализировать». [4, с. 129]

Понятие устной истории появилось относительно недавно. Однако, «устная история возникла вместе с историей как таковой. Она была первой разновидностью истории». [4, с. 35] На стадии общества до возникновения письменности его история другой быть и не могла. Огромное количество информации передавалось из поколения в поколение (ремесла, науки, юридические нормы общества, обряды, сказания и прочее). Вместе с появлением письменности, устно-исторический источник по-прежнему играет важную роль в написании истории. Так, Геродот в V веке до н. э. разыскивал и расспрашивал очевидцев событий для написания истории. С конца XVII века развивается такое направление в русле исторических трудов как биографические мемуары, где естественно используются в первую очередь устные источники. Вплоть до XVIII века историки наряду с документированными письменными источниками пользуются и устными. Создание первого вопросника приписывается Дэвиду Дэвису, приходскому священнику из Беркшира (к. XVIII века), который изучал бюджеты сельских батраков и рассылал печатные тезисы своим потенциальным сотрудникам. В XIX веке на фоне усиления дробления и специализации в науке развитие метода полевых исследований, исторического анализа и социальной теории быстрыми темпами пошло вперед. «Исследовательская» поездка стала специализацией антропологов в колониях, а опрос – социологов, работающих с «современными» обществами. В XIX веке документальная традиция стала основой исторической науки. Шотландский историк Уильям Робертсон отвергает всю устную традицию ранней истории Шотландии: «Все, что лежит за пределами короткого периода, охваченного достоверными анналами, туманно... это область чистых выдумок и домыслов, и ею следует полностью пренебречь» [4, с. 61]. Причем подобные взгляды характерны для большинства историков Европы этого периода. И только в XX веке меняется отношение к устному источнику. Процесс возрождения устной истории носил «поистине взрывной характер» в США. Чикагские ученые в 1920-х гг. использовали прямое интервьюирование, «наблюдение изнутри», документальные изыскания, картографию, статистику, а также жизнеописательный метод для изучения социальных проблем города. Целью этих изучений было освятить жизнь города как можно полнее, вникнуть в самую социальную среду, не просто резюмировать существование проблем, а попытаться объяснить их существование с точки зрения их участников (как социальная среда влияет на человека). Эти исследования, помимо всего прочего, внесли вклад и в криминалистику.

Считается также, что возрождение устной истории связано с появлением в середине XX века звукозаписывающей техники. «Применение технических способов фиксации позволило превратить устную историю в профессиональную отрасль документалистики, архивоведения, источниковедения, она стала признаваться академической историей» [3, с. 12]. Следует также отметить, что применение звукозаписывающей техники для сохранения устной информации, связывают с именем Алана Нэвиса, который брал интервью у известных политических деятелей для изучения политической и дипломатической истории (конец 1940-х гг.).

Начальным этапом развития устной истории, некоторые исследователи, считают 1948 г., когда при Колумбийском университете был создан первый в мире исследовательский центр по изучению устной истории. Среди историков, занимающихся проблемами устной истории и внесших свой вклад в развитие науки целесообразно отметить такие имена как П. Томпсон, В.Р. Йоу, А. Портелли, Я. Вансина, Э. Тонкин, Д.П. Урсу, С.О. Шмидт, М.В. Лоскутова и др.

В России одним из первых устных историков можно считать доцента филологического факультета МГУ В. Д. Дувакина (1909–1982): он записал на магнитную плёнку беседы с более чем 800 респондентами о профессорах МГУ, их работе в университете, научной жизни. В 1991 году на основе его коллекций в структуре Научной библиотеки МГУ был создан раздел устной истории [2, с. 253].

Возрождение устной истории было связано с техническими возможностями, с другой стороны это послевоенное время и связанная с ним мощная волна демократических и освободительных движений. Именно поэтому «исследование новейшей истории методами устной истории стало массовым благодаря как раз протесту против элитарности, предпочтения истории «сильных мира сего», известных видных деятелей. Альтернативой истории верхних этажей общества стала «история снизу вверх» [3, с. 12].

В отечественной историографии Д.Н. Хубовой, М.В. Лоскутовой приняты попытки разработать периодизацию устной истории. В России также попытки устно-исторических исследований были предприняты в конце 1980-х гг. с целью восполнить источниковые и историографические пробелы новейшей (советской) истории России и одновременно поднять на новый уровень исследование запретных ранее тем (репрессии, нарушение прав человека, тоталитарность режима и т.д.). В конце 1980-х гг. было создано Общество устной истории СССР, целью которого было создание широкой источниковой базы по истории 1920 – 1950-х гг. Спектр тем предполагал освещение проблем нэпа, коллективизации, голода, Второй мировой войны, репрессий, культа личности Сталина и т.д.

В международной практике сложилось 2 подхода к изучению устной истории. При первом исследователи не видят «никакой истории», т.е. устная история представляется как возможность «обойти» историческую интерпретацию, выйти «прямо в прошлое». Сторонники этого подхода считают,

что назначение устного исторического источника – помочь человеку соприкоснуться с историей без посредников. Противники этого подхода считают, что такое отношение наносит вред самой исторической науке как форме познания прошлого, происходит подмена научного толкования бытовым. Таким образом, первый подход носит чисто компилятивный характер, ставящий под сомнение саму профессию историка, ее необходимость. При втором подходе устная история – есть способ расширить рамки исторического познания, который открывает возможности постановки новых тем в истории, ранее не освещавшихся (история «безмолвствующего большинства»). Сторонники этого подхода считают устную историю источником исторической информации, которая затем используется традиционным образом для исторических повествований.

При всей спорности предмета устной истории исследователи относят устные исторические источники, согласно принятой источниковой квалификации, к группе источников личного происхождения [3, с. 17]. Источником информации в них является память рассказчика, поэтому иногда их относят к разновидностям мемуаристики.

Устно-исторические источники различаются также и степенью «очевидности» и «мифологичности». Критерием выступает источник информации: «видел или участвовал сам» или «знает с чьих-то слов». Исходя из этого, источники стали делить на «устную традицию» (информация получена от человека, который не был непосредственным участником событий, но пересказывает услышанную историю) и «устный исторический источник» (рассказано непосредственным очевидцем). В первом случае рассказы обрастают неточностями, приукрашиваются со временем. «Устная традиция» относится, как правило, к более далекому прошлому (события начала XX века), «устный исторический источник» относится к проблематике 1940–1980-х гг., он более точен с точки зрения фактов, а также его можно получить от непосредственного очевидца.

Таким образом, среди методов изучения исторического источника является: 1) междисциплинарный подход в анализе полученной информации (комплексное использование методического арсенала социо-гуманитарных наук); 2) Важнейшим методологическим принципом является регионализм (учитываются природно-климатические условия, этно-социальный и этнокультурный состав населения). Далее хотелось бы отметить еще один немаловажный фактор при получении устно-исторического источника: интервью должно быть технически записано. Только в этом случае возникает возможность адекватного восприятия сказанного, исключается искажение вольное или невольное, которое возможно при пересказе. Живая речь человека обладает огромным количеством нюансов, которые невозможно передать на бумаге, даже если текст передан дословно. Это эмоциональное наполнение речи, диалектическое, ментальное. Психологи утверждают, что общаясь, человек только часть информации передает при помощи непосредственно текста, остальное мы получаем при помощи зрения, слуха:

тембр речи, акцентирование, намеренное искажение слов, ирония и прочее. Мы бессознательно проводим анализ услышанного, воспринимая в совокупности все что слышали и увидели и ощутили. Устный исторический источник также несет в себе массу дополнительной информации, помимо текста рассказчика. Об этом важно помнить.

В заключение хотелось бы привести слова английского историка Пола Томпсона о том, что устная история есть «именно та историческая перспектива, что позволяет нам оценить смысл истории в долгосрочном плане», и нежелание выслушивать подобные ретроспективные интерпретации от других – если мы способны определить их как таковые – может быть вызвано лишь стремлением лишить тех, кто прожил жизнь в истории, какой-либо роли в ее оценке. Мы просто не имеем права на домысел, возможный для археологов, изучающих древние эпохи, или историков, занимающихся проблемами семьи в раннее новое время [4, с. 175]. Устная история дает возможность вести двусторонний диалог историка и истории, которую он пишет вместе со своим народом.

Литература

1. Шмидт, С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. – М., 1991.
2. Бонч-Осмоловская, Н. // Московский Университет. – 2007. – № 16.
3. Щеглова, Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул, 2008.
4. Томпсон, П. Устная история. Голос прошлого. – М., 2003.

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ТОМСКИХ ТАТАР НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

А. В. Говязов

Томский государственный педагогический университет

С конца 1980-х гг. в нашей стране под влиянием демократических процессов для многих народов начался период национального возрождения. Не стали исключением и коренные жители Томской области – томские татары.

Томские татары представляют собой немногочисленную этнотерриториальную группу в составе сибирских татар. По данным Всесоюзной переписи 1989 года, на территории области насчитывалось чуть более 20 тысяч человек, которые вплоть до сегодняшнего дня проживают в основном в городе Томске и ряде пригородных и областных сел (Эушта, Барабинка, Кандинка, Черная Речка). Томские татары обладатели очень красивой и самобытной культуры восточного типа, ориентированной на исламские ценно-

сти, основы которой они сумели сохранить в течение столетий. Однако очень многие элементы культуры были утеряны в советское время по тем или иным причинам. Восстановление этих элементов, обращение народа к своим корням, к традиционным ценностям своей культуры и активная их пропаганда, консолидация по национальному признаку и понимается как национальное возрождение. В этой работе предполагается лишь обозначить, как проходил это процесс, какие проблемы возникали и как это процесс освещался. Соответственно, субъектом работы является процесс, условно называемый «национальным возрождением». Объектом выступают томские татары, группа людей, организованная на основе общности языка, традиций, исторического прошлого; группа, обладающая специфическими духовными запросами. Причину и сущность этой организованности еще предстоит определить в дальнейшем и автор не придерживается в этом вопросе какого-то определенного подхода. В силу узости работы и кругозора автора, рассматриваемые хронологические рамки – 1990–2000 годы, как период демократических преобразований в России, как суверенном государстве с новой идеологией, территориальными границами и экономическими условиями, и время становления российской национальной политики; территориальные рамки – город Томск и ряд пригородных сел, в которых в основном сосредоточено татарское население.

Для работы, в качестве источниковой базы, используется законопроекты различного уровня, периодическая печать и воспоминания татарского населения. В историографии данный период отражен слабо. В основном внимание уделяется татарам, проживающим в Поволжском регионе, а томским татарам внимание уделяется лишь как части татарского сообщества. Однако томские татары представляют на наш взгляд особую часть российского социо-культурного и этно-политического пространства, и важную часть пространства Томской области, что создает необходимость говорить о них отдельно. В литературе не плохо отражены культурные традиции и историческое прошлое татар, что очень важно для понимания национальности.

Национальное возрождение проходило по нескольким направлениям: возрождение национального языка, культуры и религии.

Главный инструмент и носитель любой культуры – язык. Проблема томских татар заключалась в том, что родной язык находился в ситуации забвения. Причинами этого, во-первых, было то, что сферой применения языка был и остается быт, а основными носителями – представители старшего поколения [1]. Молодежь с детства привыкала к не востребованности своего языка, а родители, как правило, не настаивали на его изучении. А во-вторых, не было условий для его изучения: отсутствовали педагогические кадры, методические пособия, учебная литература. Как следствие – целое поколение осталось без возможности приобщения к своей родной культуре. Эти тенденции нашли отражение в периодической печати. В январе 1990 года татарская община выступала с обращением к кандидатам в депутаты областного, городского, районных и сельских советов с требованием

создать условия для изучения языка [2]. Показательно также то, что первое татарское общество в Томске называлось «Туган тел» – «Родная речь».

Одной из форм возрождения национальной культуры также является развитие национальных ремесел, преемственность праздников, обычаев, народного творчества. Этот аспект стал едва ли не самым важным и динамично развивающимся. Еще с 1960-х гг. в Томске существовал народный ансамбль под руководством А.Ш. Зинатова. А в июне 1991 года впервые за долгие годы был широко отпразднован традиционный татарский праздник Сабантуй [3], в ноябре того же года был создан самодеятельный театр «Тоян» на базе школы №10, в 1998 году был создан хореографический ансамбль «Шаян кызлар». Открытый в 1994 году Областной центр татарской культуры (ОЦТК) за 1995–2000 гг. провел 51 праздник и 69 концертов, а в 1997 и 1999 годах солисты центра татарской культуры вышли на международный уровень, участвуя в конкурсах «Татарская песня» [4, с. 232].

Пожалуй, самым сложным является проблема исламского возрождения. Ислам для томских татар со времени его принятия был культуuroобразующим фактором. И хотя в исламе нет национальностей, все-таки на его основе сложилась обрядность, развился фольклор, совершенствовался язык и система общественных отношений [5] и обращение к исламу для томских татар означало обращение к самым истокам своей культуры. Ислам, как и любая религия это, прежде всего система ценностей, определяющая место человека в мире, регламентирующая его жизнь от рождения до смерти, и вполне естественно, что татары на рубеже XX–XXI вв., вовлеченные в жизнь современного общества, преимущественно городские жители, не всегда могут соответствовать внешней стороне религии (например, совершать пятикратно в день молитву). Но помимо внешней, существует и внутренняя сторона религии, которая способствует накоплению нравственных ценностей, духовному развитию личности.

Также стоит отметить, что специфика ислама в России заключается в том, что ислам это религия меньшинства и для многих национальностей и вопрос сохранения религии стал вопросом выживания и самосохранения [6]. Это утверждение очень справедливо в отношении томских татар, для которых ислам являлся и является одним из признаков самоидентификации. Нельзя забывать такого важного факта, что рубеж XX–XXI вв. это время социальных, экономических и политических перемен, нестабильности. В таких ситуациях люди находят в религии «моральную опору и надежду на улучшение жизни» [7].

Возрождение ислама в Томске было связано с возвращением верующим культовых зданий – Белой и Красной мечетей. Этот процесс также освещался в прессе: в статье «Дорога к храму» [8] приводится короткая историческая справка о томских мечетях, сообщается о трудностях возвращения мечети в 1990 и возведении нового минарета спустя три года, которое воспринимается верующими как праздник. Но из татарской периодической печати мы узнаем что это процесс проходил не так уж и гладко, были люди не

желающие восстановления Красной мечети, которая не восстановлена и по ныне [9]. Следует отметить, что городские власти оказали значительную поддержку делу восстановления, в том числе и финансовую. Позже, в 1996 году в прессе появляются заметки, сообщающие о значимых датах и событиях мусульманского календаря (месяц священного поста Рамадан, Хаид, Науруз и др.), что также имеет непосредственное отношение к томским татарам, как к наиболее крупной группе мусульман в Томске [10].

О проблемах ислама в Томске на рубеже веков хорошо сказано в воспоминаниях Марзии Галямовой, внучки томского мулы Фахредина Галямова, записанных в 1999 году: «Ныне в мечетях Томска полуграмотные люди, не знающие религию, не способные на толкование Корана, а зачастую даже не говорящие на татарском – случайные люди» [11]. Таким образом, не смотря на проблемы с духовным образованием, которое в Томске негде получить, традиция ислама не прерывается. Более того она не прерывалась и в советское время, когда религия была под запретом. И функция сохранения и передачи этой традиции в Томске выпала татарам.

Нельзя отрицать и внешней помощи, оказанной томским татарам в процессе их возрождения. Большое значение для татар имеет Республика Татарстан, которая воспринимается всем татарским сообществом России как духовный и исторический центр [12]. В соответствии со статьей 14 республиканской Конституции «Республика Татарстан оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан». Содействие это выражалось в передачи литературы на национальном языке, благодаря чему удалось создать библиотеку, в подготовке кадров на курсах Министерства культуры Республики. На очень многих праздниках и мероприятиях проводимых томскими татарами присутствовали гости из Татарстана. В 1993 году знаменательным событием стала этнофольклорная экспедиция АН Татарстана [12].

Существенную роль в процессе возрождения национальной татарской культуры была и роль государства. В России с начала 1990-х гг. активно создавалась законодательная база международного, федерального и местного уровня, защищающая права национальных меньшинств. В Конституции Российской Федерации 1993 года статья 19 запрещает «любые формы ограничения прав граждан по признакам ... национальной, языковой или религиозной принадлежности», статья 26 фиксирует «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». В 1995 году Россия подписала Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств, принятую Советом Европы, ратификация которой состоялась в 1998 году. Статья 5 этого документа гласит: «Участники обязуются содействовать созданию необходимых условий лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, для сохранения и развития их культуры и сохранения основных элементов их самобытности, а именно: их религии, языка, традиций и культурного наследия» [13].

В 1996 году была принята Концепция государственной национальной политики, в которой сформулированы основные принципы национальной политики, подчеркивались важность развития национальных культур и межнационального диалога. На основе концепции стало возможным разрабатывать законодательные акты, регулирующие межнациональные отношения.

На местном уровне права татар, как национального меньшинства отстаиваются в Уставе Томской области. Статья 29 гласит: «В области ... создаются условия для сохранения и развития культуры лиц разной национальности, проживающих на территории области» [13]. В 1999 году при губернаторе был создан Координационный совет по делам национально-культурных объединений с совещательными функциями, основной костяк которого составили председатели национально-культурных центров и объединений [14]. Деятельность данного органа сближает власть и представителей различных национальностей, а также способствует более качественному межкультурному диалогу в Томской области. Конкретная помощь государства выражалась, например, в создании Общественного центра татарской культуры и передачи ему усадьбы купца Хамитова, который должен был стать «местом возрождения татарской культуры» [15]. В целом можно сказать, что поддержка государства являлась важной, но не определяющей. Это можно увидеть из того, что основные качественные сдвиги в национальном возрождении происходили до принятия законодательных актов по тем или иным аспектам.

Говоря о томских татарах нельзя не отметить того, что они никогда не являлись замкнутой национальной группой. Во многом здесь сказалась традиция совместного проживания на протяжении нескольких веков с другими народами (главным образом с русскими), когда процесс культурного диалога шел только в направлении взаимного обогащения, а конфликты были редкостью и носили преимущественно хозяйственный характер [16]. В рассматриваемый период тенденция к изоляции тоже не была зафиксирована. Татарские национальные праздники всегда были открыты, в них традиционно принимали участие представители различных национальностей, сами татары очень активно занимались и занимаются презентацией собственной культуры, внося свой вклад в развитие толерантности и культурного многообразия региона. Татарам не чужды проблемы современного российского общества, они являются его органической частью, независимо от своего культурного своеобразия. В законодательстве это нашло отражение в виде формулы: «стремление ... к самоопределению и объективный процесс интеграции российского общества» [17].

В целом же, все татарское сообщество, включая томских татар, сейчас стоит перед проблемой: как сочетать в своем развитии «неизбежность модернизации, связанной с мировыми интеграционными процессами, развитие общероссийской идентичности и стремление сохранить свою этничность, этнокультурные особенности» [18]. Решение этой проблемы во многом зависит от правильности политических решений, которые будут пред-

приниматься на Федеральном и местном уровнях, а так же от стремлений и инициатив, проявляемых самими татарами.

Литература

1. Территория согласия. – 2003. – Июль. – №1.
2. Красное знамя. – 1990. – 26 января.
3. Красное знамя. – 1991. – 6 июля.
4. Томские татары в прошлом и настоящем. Сб. документов и материалов. – Томск, 2006.
5. Абашева, А. З. Исламские традиции в жизни томских татар // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность : Материалы конференции 16 – 17 мая 2002 г. – Томск, 2002.
6. Ермаков, И. А. Ислам в культуре России в очерках и образах / И. А. Ермаков. – М., 2001.
7. Этнография Татарского народа. – Казань, 2004.
8. Красное знамя. – 1993. – 13 ноября.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 5666. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.
10. Выходной. – 1996. – 27 января.
11. ЦДНИ Ф. 5666. Оп.1 Д. 21. Л. 3.
12. Мирсяпов, И. И. Национальная идеология и национальные взаимоотношения в республике Татарстан / И. И. Мирсяпов. – М., 2004.
13. Красное знамя. – 1993. – 28 сентября.
14. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств : Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02353&all=all>
15. Томская область. Устав (Основной закон) : Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.tomsk.gov.ru/ru/rule/documents.html>
16. Постановление от 19 апреля 1999 г. № 140 «О координационном совете по делам национально-культурных объединений» : Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.tomsk.gov.ru/ru/civil_society/national_association/documents.html
17. Красное знамя. – 1996. – 13 апреля.
18. Гончарова, Т. А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI вв.) / Т. А. Гончарова. – Томск, 2006.
19. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации : Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.oftb.org/rus/problem/concept_political.html
20. Татары / Рос. АН Ин-т этнологии и антропологии. АН Татарстана. Ин-т ист. ; отв. ред. Р. К. Урмазанова, С. В. Чешко. – М., 2001.

ВЛИЯНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЦЕНЗУРЫ НА ПИСЬМА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. В. Громова

Томский государственный педагогический университет

Несмотря на обилие отечественных исторических исследований, посвященных Великой Отечественной войне, социально-антропологический аспект войны (то есть изучение поведения, мировоззрения психологии человека на войне) изучен недостаточно. В последнее десятилетие в отечественной исторической науке произошли серьезные изменения: стали широко разрабатываться социально- психологические проблемы войны, и ее духовные аспекты. В связи с этим, наиболее интересным, своеобразным и необходимым источником являются письма. Именно их изучение позволяет внести ощутимый вклад в решение проблемы «человек на войне» [1, с. 131–135].

Письма – наиболее информативный из всех источников личного происхождения. Анализ писем дает прочувствовать эпоху, понять эмоциональное состояние людей, их духовный мир, индивидуальность. В письмах дается представление о противнике, рассуждения о жизни и любви. Они помогают раскрыть внутренний мир комбатанта, узнать какими были солдаты Великой Отечественной войны, представить личную жизнь человека.

Однако при изучении писем следует помнить, что это субъективный источник. Содержание писем варьируется в зависимости от ряда признаков, прежде всего от того, в каких родственных связях состояли адресат и отправитель. Большое влияние имел и социальный статус отправителя: письма интеллигенции существенно отличаются от писем жителей деревень, как по содержанию, так и по эмоциональной окраске, а также по уровню грамотности. Письма женщин всегда более эмоциональны и содержат описания значительно большего количества бытовых и межличностных подробностей. Известным фактом является то, что военная переписка не оставалась без внимания властей. Существовало понятие «перлюстрация писем», т.е. вскрытие и просмотр корреспонденции без ведома адресата. Занимались этим органы НКГБ, они регулярно задерживали почтовые отправления. На большинстве корреспонденции того периода стоит штамп «Просмотрено», в некоторых случаях встречаются и тщательно затушеванные строки.

Авторы фронтовых писем знали, что вся почта попадает в руки цензуры и поэтому сообщали о своей жизни очень скупое. Лаконичность и краткость свойственны всем письмам Великой Отечественной войны. Например, Виктор Яковлевич Щеполин, курсант 3-й Чкаловской военной авиационной школы пилотов, писал матери в сентябре 1941 г.: «Вы, наверное, замечаете, что я очень мало пишу о себе. В жизни много интересного, но писать это не положено, особенно в военное время» [1, с. 132].

Кроме того, необходимо понимать, что автор при написании письма мог додумать что-либо или, наоборот, умолчать об известных фактах. Из-за

подобных явлений многие духовные ценности того времени, мысли, оценки, прогнозы остались недоступными современным исследователям.

Как уже отмечалось ранее недооценивать влияние на человека военной цензуры и советской идеологии нельзя. Основным механизмом внедрения идеологии в массовое армейское сознание в годы Великой Отечественной войны, являлись агитация и пропаганда в войсках, а также партийные установки, благодаря которым идеология Советского государства была очень сильна. Кроме того, советский патриотизм и вера значительной части населения в безусловную справедливость идей большевизма не могла не отразиться на настроениях армии, которые особенно ярко проявляются во фронтовых письмах. Большинство красноармейцев были искренне преданы государству, были готовы его защищать, чего бы им этого не стоило: «Если я погибну, то я погибну за нашу прекрасную Родину, за славное будущее, за коммунизм!» [2, с. 512] писал рядовой Александр Михайлович Савичев родителям.

Очень патристичны строки из письма Младшего лейтенанта Даниила Семеновича Палкина (он был командиром отделения боепитания 552-й батареи 55-го зенитного артиллерийского дивизиона ПВО Черноморского флота). Писал домой: «Мы разобьем гадов и погоним их, другого у нас выхода нет... Я, как коммунист, буду драться до последней капли крови, до последнего дыхания и до тех пор, пока будет биться мое молодое сердце». Это письмо он отправил родителям, дата отправки не сохранилась, примерно январь 1942 г. [2, с. 14].

Многие верили в победу и скорое завершение войны. Ярким примером является письмо Даниила Ильича Глицевича начальника штаба 407 стрелкового полка, 108 стрелковой дивизии. Он писал жене от 1.02.1942.: «Мы знаем, что победим, потому, что наше дело правое, потому, что наши силы растут, крепнут, мужают в самом ходе войны» [3, с. 39]. Хотя такая точка зрения, возможно, обусловлена его положением, будучи начальником штаба, он «не мог» писать другие письма, иметь другую точку зрения.

В официальной идеологии военного периода проводилась идея национальной сплоченности. Велась пропаганда о том, что советский народ является наследником героических традиций, носителем лучших качеств национального характера [4, с. 41–43]. Эти идеи также находят свое отражение в исследуемых письмах: «Я здесь воочию убедился: каждый советский человек – стойкий большевик! Такой народ никто не победит» [5, с. 365] писал капитан Рубен Ибаррури (испанский революционер, воевавший в годы Великой Отечественной Войны за Советский Союз) домой от 30.06.1941 г. Младший лейтенант Василий Васильевич Петухов 13.10.1941 г. писал жене: «...Ася помни: наш народ могуч, у него богатырская сила и он в ближайшее время разгромит фашистские орды. Пробьет час, и мы одержим победу в великой и справедливой битве, за честь, свободу и счастье». [5, с. 395]

Для начального этапа войны вообще характерны письма подобного характера, в них видны надежда на скорое окончание войны и уверенность в силе советского народа. Такая точка зрения была сформулирована советским правительством и распространялась в массовом сознании при помощи средств массовой информации. Однако подобные рассуждения были характерны не только на начальном этапе войны, но и позже. В 1945 г. Александр Михайлович Денисов, командир разведгруппы, писал племяннику: «Да Шурочка, мы Коммунисты. А ленинградские коммунисты – люди особого покроя, они скроены из особого материала. И войну мы вели и будем вести по-особенному, не жалея жизни!» [6, с. 112].

Прославление Родины, воспевание патриотизма сопровождалось верой в социалистическую идею и ее главного вдохновителя И.В.Сталина. Победа в отдельном бою зависела от ее участников, но, прежде всего от сталинской тактики. В сознании общества складывалось представление об особом величии подвига, совершенного народом, который, однако, не мог состояться без И.В.Сталина [7, с. 7–12]. «Надо драться за каждую березку, за каждую травинку – за нашу Родину, за ее народ и за нашего вождя И.В.Сталина. Ведь только он выведет нас вперед!». Это строки из письма рядового Алексея Мишина. В его письме виден патриотический настрой и безграничная преданность вождю И.В. Сталину. Адресат не разборчив 1942 г. [3, с. 512].

28 июля 1942 года появился приказ Народного Комиссара обороны №227, вошедший в историю под названием «Ни шагу назад!» Отношение к приказу было неоднозначным. Но большинство фронтовиков признают, что он сыграл отрезвляющую роль, помог укрепить дисциплину и организованность, повысить ответственность военнослужащих за выполнение своего долга. «С первого числа мы пошли в наступление... По приказу любимого вождя тов. Сталина – «Ни шагу назад, только вперед!» так писал рядовой Иван Абрамович Веселов брату, в августе 1942 г.

Письма, подобные этому, помогают увидеть крупные исторические события глазами «маленького» человека, рядового солдата. А значит, помогают лучше понять суть события, раскрыть его историческую роль.

Навязанные установки делают письма периода Великой Отечественной войны похожими друг на друга. Нельзя не отметить часто неестественный, казенный слог некоторых писем. Живая и непосредственная, простая речь иногда заменяется газетными штампами и официальными формулировками: «гитлеровские головорезы», «фашистское иго», «смерть немецким оккупантам»; «Советская Родина», «защита Родины», «святой долг», «война советского народа»; «Героическая Красная Армия», «Священная Земля» и т.д. Подавляющее большинство писем предваряет фраза, являющаяся стереотипной для того времени: «Жив, здоров, чего и вам желаю». Нередко письма заканчиваются заверениями в любви родным и благодарностью товарищу И.В. Сталину и доблестной Красной Армии, а также словами о готовности собственным трудом служить на благо Родины.

Осуществленные в советское время публикации писем нередко специально отредактированы и подобраны с целью показать героизм и патриотизм советских людей, их высокие душевные качества. Письма, которые не соответствовали этой идеологической установке, не помещались в сборниках, не упоминались в печати. В результате такого подхода жизнь человека на войне представлялась односторонне, в героико-романтизированном виде, а большинство военных писем оказались однотипными лишёнными индивидуальности.

Конечно, не все письма однотипны и написаны они вовсе не по одной схеме. Встречаются и простые, бесхитростные письма, авторы которых обошлись без громких слов и клятв, а просто написали то, что им казалось важным. Люди писали близким, родным, любимым. Спрашивали об их жизни, здоровье, задавали простые будничные вопросы, стараясь таким образом отвлечься, «уйти» от тяжелых, страшных реальностей войны. Ответы на вопросы действительно были важны для солдат, ведь тогда письма были единственным источником для связи с родными. Получение солдатом на фронте письма и его написание являлось залогом устойчивости, доказательством того, что человек жив. В нечеловеческих условиях войны письма помогали комбатанту сохранить в себе «человеческое».

Как отмечалось ранее, в письмах с фронта зачастую прослеживается сходство мыслей, переживаний, оценок, чувств. Это обусловлено условиями военного времени и стремлением власти обезличить процесс переписки, сделать его стандартизированным, управляемым посредством жесткого цензурирования и перлюстрации, разработанных правил написания посланий домой, доводившихся до солдат и публиковавшихся во фронтовых газетах.

Таким образом, письма как исторический источник содержат массу противоречий и в силу противоречивости самой советской эпохи, их необходимо фактически подкреплять и подтверждать другими источниками. Порой, чтобы действительно понять то, что хотел сообщить солдат, письмо необходимо читать «между строк», смотреть сквозь газетные штампы и идеологические формулировки. И все же, при анализе писем вполне возможно проанализировать войну, проникнуть в человеческое сознание и попытаться понять духовный мир индивидуальности, ведь помимо навязанных установок солдат Великой Отечественной Войны волновали чувства и мысли о семье, близких и оставшихся в тылу родных людях.

Литература

1. Сомов, В. А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. – 2007. – № 8.
2. Последние письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. Т. 3. – М., 1994.
3. Последние письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. Т. 2. – М., 1991.
4. Реброва, И. В. Мемуары о Великой Отечественной войне как исторический источник // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 5.
5. Последние письма с фронта. 1941–1945 гг. Сб. Т. 1. – М., 1990.
6. Последние письма с фронта. 1941 – 1945 гг. Сб. Т. 4. – М., 1994.

7. Сениявская, Е. С. Идеологический фактор в войнах XX века // История. – 1999. – № 31.

ИСТОРИЯ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

М. В. Громова

Томский государственный педагогический университет

В отличие от ФРГ, где после войны был образован федеральный орган по учёту и поиску пропавших без вести немецких солдат, мы, потерявшие в этой войне своих сограждан, не имели и не имеем аналогичной структуры. Неудивительно, что у нас сначала было подсчитано количество произведённого и потерянного вооружения за годы войны, и лишь в 1993 году опубликованы официальные (заниженные) цифры людских потерь. О точных цифрах потерь гражданского населения речи вообще пока не идёт. Государству оказались ненужными судьбы людей, спасших его, и потому оно даже не удосужилось сосчитать – сколько же их погибло и пропало без вести.

История распорядилась таким образом, что заботу о розыске пропавших людей и их родственников взяли на себя, в основном, простые люди, положившие начало поисковому движению, а не военное ведомство или государство.

Поисковое движение – это общественное движение в деле увековечения памяти павших защитников Отечества 1941–1945 гг., которое в настоящее время по своему содержанию является военно-патриотическим, культурно-историческим и благотворительным движением.

Основными целями поискового движения считаются поиск, сохранение и увековечение памяти погибших солдат в годы Великой Отечественной войны, установление имен пропавших без вести, мест их захоронения, ведение научной и учебной деятельности в области военной истории, археологии и краеведения.

Принято считать, что поисковое движение основал Николай Орлов из Новгородской области и писатель Сергей Смирнов, написавший очерк «Комендант «Долины Смерти» о Николае Орлове. Однако следует отметить, что таких, делавших благородное дело людей по разным регионам бывшего СССР можно собрать довольно много. Тех, кто десятками лет вел и ведет архивные исследования, поиски на местности, не ожидая известности и славы. Первые поисковые работы проходили у маленькой новгородской деревни Мясной Бор в знаменитой «Долине смерти». «Невский пятак» и Синявинские болота, Ржевский выступ и Вяземские леса, заполярные сопки и Мясной Бор объединяет общая для них черта – огромное количество незахороненных останков и числящихся без вести пропавшими солдат. В каждом из этих районов шли жесточайшие бои, до сих пор вызывающие неоднозначные суждения историков и современников. Не последнюю роль в различии мнений сыграла работа поисковиков, часто проби-

равшихся вглубь искореженного леса по фронтовым дорогам, постоянно рискуя собою. Мины и снаряды встречались на каждом метре площади леса, остовы машин, танков, орудий, в бесчисленном множестве заполняли территорию. И если бы только это, – там были тысячи людей. У каждого были родственники, близкие, кто так и не дождался похоронки.

В 1970-х гг. пришла необходимость упорядочить лесные угодья. Почти одновременно с лесостроителями прошли энергетики. Так, большинство останков оказались попросту перекопаны.

До 1988 г. поисковая работа на территории, как Новгородской области, так и бывшего СССР проводилась не связанными друг с другом группами энтузиастов, своими силами и средствами, на свой страх и риск.

15 марта 1988 г. на 1-м Всесоюзном сборе представителей поисковых отрядов Советского Союза было принято решение о создании Всесоюзного координационного Совета поисковых отрядов. В мае 1989 г. под Новгородом, на месте гибели 2-й Ударной Армии прошла первая общесоюзная «Вахта Памяти», за 10 дней работы было поднято и перезахоронено 3400 человек, установлено 89 имен. За ней в 1990 году последовала еще одна Всесоюзная Вахта – в Смоленской области, (1200 искателей перезахоронили 3320 бойцов, погибших в вяземских окружениях 1941 – 42 гг., установили за 10 дней работы 52 имени). А затем аналогичные Вахты стали проводиться во многих областях: Смоленской, Брянской, Калужской, Тверской, Ленинградской, Мурманской, Псковской, Курской, Витебской, – в общегосударственном масштабе [1].

Сегодня Союз поисковых отрядов – это 6 межрегиональных, 46 республиканских, краевых и областных объединений, всего 564 поисковых отряда общей численностью более 60 тысяч человек. Активные поисковые работы проводятся практически каждый год на территории 19 субъектов Российской Федерации. В общей сложности за период активных поисковых работ (с 1989 года) найдены и захоронены с соответствующими воинскими почестями останки более 120 тысяч погибших воинов, установлены тысячи имен тех, кто считался пропавшими без вести, уничтожено в ходе поисковых работ более 100 тыс. взрывоопасных предметов. А Новгородская экспедиция «Долина» памяти Н.И Орлова является крупнейшим в РФ военно-патриотическим объединением. В состав экспедиции входят 38 новгородских отрядов, которые объединяют около 800 поисковиков. Еще около двух тысяч волонтеров приезжают на новгородскую землю из 40 регионов РФ и из Казахстана для участия в Вахтах Памяти, ежегодно проводящихся в апреле-мае и в августе.

Окончательно решить проблему дела увековечения памяти павших в нашей стране позволяет наличие действенного законодательства, которое также имело свою историю. В Российской Федерации сегодня созданы достаточные правовые основы существования поискового движения – «Союза поисковых отрядов». Законодательное обеспечение поисковой работы составляют:

- Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 года;
- Закон Российской Федерации «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 26 мая 1995 года;
- Закон Российской Федерации «О погребении и похоронном деле» от 12 января 1996 года;
- Указ Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» от 16 мая 1996 года;
- Решение Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы и членов их семей от 31 января 1996 года;
- Директива МВД РФ о введении единого образца удостоверения члена поискового отряда;
- Директивы Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации «Об участии в проведении поисковой Работы».

Кроме того, 4 декабря 2007 г. был издан приказ министра обороны Российской Федерации № 505 об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества» и знака отличия «За отличие в поисковом движении». Знаком отличия награждаются военнослужащие и лица гражданского персонала Вооруженных Сил за большой личный вклад в установление имен погибших и судеб, пропавших без вести военнослужащих. Знак отличия имеет три степени: знаком отличия III степени награждаются лица, активно участвующие в поисковой работе не менее трех лет и достигшие существенных результатов поиска; знаком отличия II степени – лица, активно участвующие в поисковой работе менее пяти лет; знаком отличия I степени – лица, активно участвующие в поисковой работе не менее семи лет.

Поисковое движение получило свое развитие и в Томской области. Сегодня здесь существует около шести поисковых отрядов, но самым известным (даже за пределами Томской области) является поисковый *отряд* «Прометей». С 1996 года томичи принимают активное участие в поднятии и перезахоронении останков воинов павших в годы Великой отечественной войны на Волховском фронте. Отряд «Прометей» принимал участие и в перезахоронении погибших воинов в Мясном бору.

Поисковую работу отряд «Прометей» и его бессменный лидер И.Г. Харченко ведут и сегодня. Цель экспедиций – поиск, подъем и захоронение останков воинов, *погибших* в годы войны. Каждый раз работа предстоит опасная, тяжелая и физически, и морально. Участникам поисковых экспедиций приходится прочесывать десятки километров начиненной минами и снарядами земли, поднимать останки воинов, очищать от грязи и готовить их для захоронения, взрывать найденные боеприпасы, сдавать

оружие милиции. По словам И.Г. Харченко, каждый день экспедиции – это день потрясений. «На территории Великого Новгорода работа проходит в сырости, грязи, без права отступать. О том, что на этой земле шли ожесточенные бои, нам рассказывает не только земля, изрытая воронками. Остались блиндажи и окопы, провода телефонной связи, гранаты, немецкие и наши ящики от мин и снарядов, винтовки. Каждый день гремят взрывы найденных мин и снарядов. Особую опасность представляют детонаторы от гранат. Мы находим обрывки истлевших шинелей, петлички, хорошо сохранные ремни, и очень мало медальонов» [2, с. 27–30]. Медальоны должны были находиться при каждом солдате, в них были записаны все данные о владельцах на случай гибели. Но солдаты называли медальоны смертными, существовала примета: если заполнишь медальон, то обязательно погибнешь. Поэтому многие солдаты их не заполняли. Из-за этого поисковикам невозможно установить личность погибшего, что значительно затрудняет работу по захоронению.

За все время существования отряда было поднято 4633 воина, найдено 159 солдатских медальона.

В августе 2008 г. отряд «Прометей» совершил очередную экспедицию. Правда, район поиска был изменен, им стал не традиционный Новгородский Мясной Бор, а место в 190 км от него, на самой границе с Псковской областью. За 12 дней поиска нами были обнаружены и захоронены останки 113 солдат и командиров. К сожалению, установить имена погибших воинов не удалось. Ближайшая экспедиция и Вахта Памяти, в которой примет участие поисковый отряд «Прометей» состояться в апреле – мае 2009 г.

Экстремальный характер деятельности военно-поисковых отрядов связан с определенными физическими и моральными перегрузками. Это походный полевой быт с палатками и кострами при любой погоде, подчас тяжелые земляные работы и длительные переходы по лесной, болотистой или горной местности, напряженное внимание, возможные встречи с взрывоопасными предметами или работа с военной техникой – на местах падений самолетов и потерь танков и конечно работа с человеческими останками.

Нельзя не затронуть тему отношения к останкам погибших солдат армии бывшего противника. Тема эта достаточно сложная и болезненная. Отношение к ним у россиян неоднозначное, несмотря на сближение наших государств. Многие поисковики считают, что следует уважать потомков немецких солдат и помнить, что бывшие враги наши это тоже жертвы той войны. Узнать немецких солдат довольно просто, как правило, немцы своих хоронили в форменной одежде и с личными вещами, поэтому с останками всегда можно обнаружить как минимум форменные пуговицы [3, с. 36–38]. Некоторые поисковики поднимают немецких солдат, сообщая об этом в определенные инстанции, другие предпочитают не заниматься подъемом и оставляют это на совести немецких коллег, которые часто просто не имеют возможности проводить поиск из-за финансовых и делопроизводственных трудностей.

Добровольный и бескорыстный труд поисковиков по обнаружению и захоронению с почестями останков погребенных защитников Отечества производит большое впечатление на общество и не вызывает отрицательных эмоций. Жители близлежащих деревень и сел активно помогают поисковикам, предоставляя им, по возможности, то, в чем нуждается поисковая группа.

В рядах поискового движения объединились люди разных возрастов и профессий, разного социального положения. Здесь вместе работает и молодежь (в том числе и так называемая «трудная»), и ветераны войны. Поисковое движение сегодня является живой связью между поколениями. Для одних поисковая деятельность – это попытка восстановить справедливость по отношению к нашим предкам и ныне живущим соотечественникам (поиск стал делом их жизни). Для других это хобби, возможность отвлечься от каждодневных забот, провести время с пользой для людей и найти новых друзей. Для подростков – возможность проверить себя в необычных условиях, ведь поисковые экспедиции в определенном смысле бывают приближены к экстремальным условиям. В особенности для начинающих, которые слышаны о жуткой опасности таких экспедиций.

Поисковое движение сегодня имеет большую популярность и, на мой взгляд, можно говорить о его расцвете, несмотря на многочисленные трудности (прежде всего финансовые), возникающие у поисковиков. Однако этим занимаются люди по настоящему увлеченные, которых не смущает отсутствие средств, ведь когда-то все начиналось с одного энтузиазма и самодельных металлоискателей, и, конечно, без того финансирования, которое существует сегодня.

Таким образом, становится очевидным, что работа поискового движения в нашем обществе является очень важным делом. Все меньше становится очевидцев военных лет, оказывающих незаменимую помощь в поиске утерянных могил и не погребенных останков воинов. И, на мой взгляд, поисковая работа необходима и выгодна современному обществу по ряду причин:

а) геополитически – поисковая работа объединяет все национальности и концессии;

б) политически – в России существует молодежное движение, которое объединяет не «идея», а конкретное дело;

в) экономически – государственные расходы на увековечение памяти павших защитников Отечества существенно сокращаются, так как работы проводятся на добровольной основе общественного поискового движения.

г) нравственно – поисковая работа снимает с государства обвинение по многолетнему забвению проблем увековечения павших, повышает у населения культуру и уважение к погибшим, сближает старшее поколение и молодежь, а, кроме того, направляет энергию молодежи на созидание, а не на разрушение.

Поисковое движение сегодня достигло небывалого размаха и сделало значительный вклад в формирование нашего общественно-исторического сознания. Работа поисковиков незаменима, так как такая трудная и кропот-

ливая работа может строиться только на конкретном интересе энтузиастов. Именно поэтому государству необходимо поддерживать и развивать поисковое движение, привлекая к сотрудничеству с ним все заинтересованные инстанции государственной власти.

Литература

1. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.otchestvo@ipian.kazan.ru>.
2. Харченко, И. Г. Мужай и здравствуй томский «Прометей». – Томск.
3. Котилевский, С. С. Теория и практика поисковых работ. – Казань, 2004. // [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.otchestvo@ipian.kazan.ru>.

Социально-психологический облик городской рабочей семьи Западной Сибири: изменение в укладе жизни семьи и семейных отношениях на рубеже XIX–XX веков

Т. В. Доронина

Омский государственный педагогический университет

Семейные отношения в дореволюционной России регулировались особой отраслью права – семейным правом. В томе X Свода законов Российской империи («Своде законов гражданских») содержались законы, регламентирующие брачно-семейные отношения [10]. В целом брачно-семейное законодательство Российской империи содержало целый ряд архаичных черт, утверждавших патриархально-авторитарные отношения в семье [5, с. 207]. Так, по закону главенство в семье закреплялось за мужчиной: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угодение и привязанность, как хозяйка дома» [10, Ст. 107].

Огромное влияние на патриархально-авторитарный характер внутрисемейных взаимоотношений в городах в конце XIX – начале XX вв. оказывали социально-экономические факторы. Как справедливо отмечает Н.А. Араловец, в России «численно преобладало сельское население с патриархальными устоями брачно-семейных отношений. Немалую роль играла миграция крестьян в индустриально-развитые центры. Сельские жители, оседая в городах, вступали в брак и создавали семьи на понятной для них традиционной основе» [3, с. 95].

Внутренний строй русской крестьянской семьи накладывал сильный отпечаток также и на семейную жизнь городских рабочих Западной Сибири, поскольку большинство из них были выходцами из деревень, а потому имели с сельским миром прочные связи. Для городских рабочих семей, как и для сельских, в конце XIX – начале XX вв. была характерна полная под-

чиненность всех членов семьи ее главе – мужчинам. В связи с этим существовала определенная сложная иерархия внутрисемейных взаимоотношений, когда женщины подчинялись мужчинам, дети – родителям, младшие дети – старшим, младшее поколение – старшему. Женщины в данной сложившейся системе занимали неравноправное положение. Жены, дочери обязаны были полностью и беспрекословно подчиняться мужьям, отцам, братьям. Глава семьи, или «начальник семейства», как он назывался по закону, распоряжался единолично семейным имуществом и личной судьбой каждого из них, женил детей по своему усмотрению и мог отдать их независимо от возраста на работы на определенный срок без согласия жены, а тем более воли самих детей. Его приказания должны были выполняться всеми членами, и в случае непослушания он мог применить телесные наказания.

Главной обязанностью жены была организация и ведение семейного быта. Как правило, замужние женщины в основном не работали, а занимались домом и воспитанием детей. Матери старались с раннего возраста привить у детей уважение к старшим, приучали их к дисциплине: возвращаться домой в положенный час, выполнять все работы по дому, какие от них требовались. В рабочих семьях детей очень рано приучали к труду. Матери включали девочек в дела по дому: заставляли их убирать, стирать, готовить, обучали их также и рукоделию. Иными словами знакомили девочек с обязанностями хозяйки дома. Мальчики помогали своим отцам выполнять всю тяжелую физическую работу по дому, а в отсутствие главы семьи самостоятельно вынуждены были выполнять все его трудовые функции. Н.А. Абрамов в своих наблюдениях о жизни в г. Тюмени отмечал: «Там дети с 8-летнего возраста уже приучаются к какому-нибудь ремеслу или рукоделию... Приглядываясь к семейным нравам, можно видеть любовь, согласие, повиновение родителям, уважение к старшим и властям...» [2, с. 403–404].

Осложняли отношения в семье пьянство, которое было довольно частым явлением среди большинства работающих мужей [1, с. 3]. В сибирской периодике рассматриваемого периода неоднократно приводились многочисленные примеры избиения жен в результате алкогольного опьянения мужа. До какой степени жестокости доходили мужья в состоянии опьянения в обращении со своими женами, можно судить благодаря следующим примерам: «Одна женщина жаловалась, что муж «вырвал у нее косу»; другая – что муж «без всякой причины колотит ее чересседельником, в котором вдето железное кольцо»; третья – что муж, «наноса побои, раздевает ее в поле до-нога»; четвертая – что муж «бьет ее сапогами и железным гвоздем, которым обдирает ее лицо, и грызет ее зубами»; пятая – что муж «ударом в глаз свалил ее, схватил за волосы, бил смертными побоями и давил в землю лицом, чтобы не кричала» и т.д.» [12, с. 4].

Уголовная статистика регистрировала высокий процент женской преступности, в частности, мужеубийств и отравлений, где главным мотивом совершения убийства являлось пьянство мужей и избиение на этой почве своих жен. Жалобы женщин в волостные суды на жестокость мужей вместо

законного удовлетворения в большинстве случаев оканчивались тем, что сами приговаривались к телесному наказанию. Таким образом, жена являлась некой собственностью своего мужа, «сбежавшую жену можно потребовать по этапу, жена обязана беспрекословно повиноваться мужу, и к исполнению этой обязанности можно заставить ее всеми средствами» [12, с. 4]. Получить раздельное жительство она также не могла, так как по закону «супруги обязаны жить вместе», «жена должна следовать за мужем» [10. Ст.103]. К тому же получить паспорт она могла только с разрешения своего мужа. Однако в некоторых исключительных случаях властью губернаторов и земских начальников такие паспорта могли выдаваться женщинам, но только на год, «значит, каждый год нужно подавать прошение, а властям производить расследование, «заслуживает ли» жена такого-то отдельный паспорт и т.д.» [13, с. 3].

Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. в семьях городских рабочих Западной Сибири происходят значительные изменения в системе межличностных взаимоотношений, меняются роли отдельных членов семьи. Этому способствовало распространение нуклеарных или простых рабочих семей в результате миграций переселенцев в Сибирь, так как происходило естественное дробление больших патриархальных семей на мелкие. Вследствие этого развитие семейного строя шло на пути смягчения авторитарности, разрушения традиционного уклада семейной жизни. Отношения между членами рабочей семьи менялись, становились все более равноправными.

Рост промышленности в городах Сибири, увеличение в процессе естественного дробления числа семей, нуждающихся в заработках всех ее взрослых членов и даже малолетних и подростков, приводили к серьезным конфликтам в авторитарной рабочей семье, разрушая почву, на которой базировался патриархальный семейный быт. В частности, низкая оплата труда, плохие жилищные условия, невысокий уровень образования и культуры негативно действовали на рабочую семью: «Жилищная скученность, бедность, усугублявшаяся пьянством, оставляли мало возможностей для счастливой и стабильной брачной жизни» [9, с. 50].

В условиях интенсификации производства в городах Сибири глава семейства – муж и отец – был максимально занят на производстве. Несмотря на то, что по законодательству 1897 г. трудовой день составлял 11,5 часов в сутки, на самом деле рабочий вынужден был проводить на предприятии гораздо больше времени. Поэтому все обязанности по дому, включая и наиболее трудоемкие, ложились на жену и детей. В наиболее бедных семьях женщины вынуждены были совмещать работу на производстве и по дому. В письмах Н. Семилужинского (Н.М. Ядринцев) о сибирской жизни отмечалось, что «промышленная жизнь вызвала к деятельности... женщину. Ее можно видеть торгующую на рынке, в лавке и работающую в швальной мастерской» [14, с. 75].

Таким образом, «иная экономическая основа рабочей семьи, в которой были вынуждены работать женщины и дети, формировала новый тип се-

мейных отношений, отличающихся большим равноправием. Появилась новая пословица: «В старые годы бывало – мужья жен бивали; а ныне живет, что жена мужа бьет» [5, с. 240].

Так или иначе, вовлечение женщины в профессиональную деятельность способствовало ее общественной активности и тем самым оказало огромное влияние на изменение социально-экономического статуса мужчин. Например, в семье городских рабочих наблюдалось уже добровольное разграничение традиционных обязанностей. Женщина становилась уже более самостоятельной в своих решениях и поступках. Без участия мужа она могла уже не только делать покупки, но и участвовать в воспитании и судьбе детей, наконец, самостоятельно принимать ответственные решения, если не было рядом мужа. Известны случаи, когда жена в силу обстоятельств вынуждена была одна содержать всю свою семью, включая мужа и родителей. [4. Л.4(об)–5]. Очень часто голод и нищета семьи толкали женщину на крайности. По свидетельствам некоторых исследователей, именно среди рабочих семей был высокий процент женщин, занимающихся проституцией [9, с. 50].

Большинство современников рассматриваемого периода отмечали особое положение сибирской женщины в обществе, а именно: по их описаниям, в отличие от женщин других регионов России, они были энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, «с мужьями держат себя гордо и не позволяют собою помыкать» [11, с. 83]. Как справедливо отмечал А.И. Желобовский, на рубеже XIX–XX вв. «женщина городских сословий сама стремится приобрести себе более самостоятельное положение не только в семье, но и в обществе. И надо признать, что она в этом своем стремлении вступила на правый путь: она борется за труд, старается облегчить заботы о ней отца, брата, мужа, и тем завоевать себе независимость» [7, с. 63]. В тех рабочих семьях, где отношения между супругами осложнялись пьянство и избиение жен, женщины предпочитали получать раздельное жительство и самостоятельно воспитывали детей, зарабатывая на жизнь личным трудом [15, с. 3].

Итак, в рабочей среде разрыв с традицией был наиболее резким. При этом материальные трудности, плохие жилищные условия, отсутствие организованной медицинской помощи и другое оказали значительное влияние на изменение и детского воспитания в семьях городских рабочих. Ввиду занятости на производствах обоих супругов, а также продолжительности рабочего дня, они лишь в незначительной степени могли контролировать своих детей. Ситуация осложнялась также и тем обстоятельством, что практически на всех сибирских предприятиях отсутствовала организованная система детских учреждений в виде детских садов и школ, где работающие родители могли бы оставить под присмотром своих чад. В результате именно из среды рабочих в основном вырастали неблагонадежные дети, лишенные родительского внимания и воспитания. Согласно воспоминаниям одного из рабочих Жабынского механического завода в г. Тюмени, такие дети «очень скоро

портятся от обстановки и общества, в которое попадают, и не более, как через месяц-другой из тихого и скромного мальчика выходит отпетый заводской шалун, который разве немного, в смысле испорченности, отстаёт от других подростков, проработавших на этом заводе много лет» [8, с. 1–2].

Во многих семьях городских рабочих Западной Сибири, где уже была подорвана эмоциональная привязанность детей к родителям, росли конфликты между ее членами. В частности, молодые люди все больше стремились к полной независимости в своих решениях и построении своей судьбы не зависимо от воли родителей. Они стали активно сопротивляться вступлению в брак по решению родителей, все более их не устраивала традиционная организация быта, противились замкнутому образу жизни семьи. «Нарастающая неудовлетворенность молодых людей авторитарными проявлениями родительской воли, старыми порядками, по которым жило старшее поколение, часто завершалось отделением молодых супружеских пар от родителей» [3, с. 105].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. наблюдались важные изменения в традиционных семейных отношениях рабочих. Рост промышленного производства в городах Сибири, активно начавшийся процесс урбанизации, увеличение миграций населения в города постепенно разрушали традиционный уклад семейной жизни. Распространение нуклеарных (простых) городских рабочих семей способствовало смягчению авторитарного характера внутрисемейных взаимоотношений, разрушению патриархальных семейных ценностей.

Литература

1. Volana. Кожевенные заводы г. Томска // Восточное обозрение. – 1900. – № 177 (9 авг.). – С. 3.
2. Абрамов, Н. А. Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. – Тюмень: СофтДизайн, 1998. – 576 с.
3. Араловец, Н. А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. – М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2003. – 233 с.
4. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 414.
5. Гончаров, Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 358 с.
6. Демидов, Н. Отражение семейного быта и нравов в народной поэзии Велюкорусов // Мир Божий. – 1899. – Апрель. – С. 25.
7. Желобовский, А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. – Воронеж, 1892.
8. Из воспоминаний рабочего // Сибирский листок. – 1897. – № 42 (1 июня). – С. 1–2.
9. Кон, И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. – М.: ОГИ, 1997. – 464 с.
10. О правах и обязанностях, от супружества возникающих // Свод законов Российской империи. – Т. X. – Ч. I. – СПб., 1900. – Гл. 4.
11. Петров, М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская. – М., 1908.
12. Русская жизнь (раздельное жительство супругов) // Сибирская жизнь. – 1898. – № 273 (20 дек.). – С. 4.

13. Русская жизнь (русская печать) // Сибирская жизнь. – 1902. – № 230 (22 окт.). – С. 3.
14. Семилужинский, Н. Письма о сибирской жизни // Дело. – 1868. – Май. – С. 75.
15. Томская хроника // Вестник Сибири. – 1906. – № 1 (1 янв.). – С. 3.

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК СИБИРСКОГО И ПРИАМУРСКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

С. В. Зубков

Томский государственный педагогический университет

Накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. в состав Сибирского военного округа входили: «4 губернии (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская), которые занимали площадь в 9.425 тысяч квадратных верст, что составляло почти половину всей Российской Империи» [1, с. 108]. Значительная часть призывного контингента СибВО назначалась для несения службы в Приамурском военном округе.

Русско-японскую войну войска Приамурского военного округа встретили в следующем составе:

1-й Сибирский корпус: 1, 2, 6 стрелковые бригады, имеющие в своем составе по 4 полка 2-х батальонного состава; 8 батарей; Уссурийская конная бригада; один саперный батальон. Итого: 8 батальонов, 14 эскадронов и сотен, и 64 орудия.

2-й Сибирский корпус: 3, 4, 5 стрелковые бригады такого же состава, как и первые три; Забайкальская казачья бригада; Амурский и Аргунский казачьи полки трех сотенного состава; 11 батарей; один саперный батальон.

Кроме этого в состав Приморского военного округа входили: 2 бригады (31-я и 35-я с двумя артиллерийскими дивизионами). Они прибыли в округ из Европейской России осенью 1903 года; Уссурийская и Заамурская железнодорожные бригады; первая резервная бригада; крепостные войска Владивостока, Порт-Артура и Николаевска; войска Заамурского округа пограничной стражи.

С развитием экономической инфраструктуры Дальнего Востока и при одновременном ведении боевых действий в ходе Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., в действующей армии возникла необходимость реформирования всех имеющихся тыловых служб. В ходе боевых действий приказом военного министра было создано «Тыловое управление при главнокомандующем маньчжурскими армиями», прообраз оперативного тыла фронтового и армейских тыловых районов. Тыловое управление имело в своем распоряжении различные части и учреждения, и выполняло функции по

снабжению и эвакуации. Главнокомандующему Приморского военного округа генерал-адъютанту Куропаткину были подчинены:

- начальник штаба полевого управления при Главнокомандующем генерал-лейтенант Сахаров. Начальнику штаба были непосредственно подчинены генерал – квартирмейстер (его еще называли генералом военных действий, он имел задачу ведать сведениями о противнике, составлять диспозиции войск и передавать приказания в армии), дежурный генерал и начальник железнодорожного отдела, окружной интендант;

- командующий 1-й армией генерал от инфантерии Линевиц (начальник штаба 1-й армии генерал – лейтенант Харкевич);

- командующий 2-й армией генерал-адъютант Грипперберг (начальник штаба 2-й армии генерал-лейтенант Рузский).

Командующему армией были подчинены:

- начальник полевого штаба, которому, в свою очередь подчинялись генерал – квартирмейстер армии, канцелярия полевого штаба и дежурный генерал армии, которому в свою очередь были подчинены: инспектор полевых госпиталей; полевой военный медицинский инспектор; уполномоченный Красного креста; комендант главного квартирмейстера; главный полевой священник; заведующий военной судной частью; армейский интендант; инспектор артиллерии армии; инспектор инженер армии; полевой казначей; полевой контролер.

Из-за недостаточного развития железнодорожной сети в Сибири и на Дальнем Востоке, органы военных сообщений в ходе войны, не всегда справлялись со своей работой. Поэтому на Дальнем Востоке были сформированы специальные этапные батальоны для обслуживания и ремонта имеющихся дорог.

В период Русско-японской войны впервые стали появляться, как необходимость, прообразы хорошо организованной военной торговли в период ведения боевых действий. Об организации такой торговли подробным образом описывается в Приказании войскам Маньчжурской армии от 8-го октября 1904 года № 559. В нем, в частности, говорилось: «Командующий армией, приказал – устроить вагоны-лавочки, по одной на каждую дивизию, с тем, чтобы части, не входящие в состав дивизий, по указанию командиров корпусов, были приписаны, в отношении пользования лавочками, к соответствующим дивизиям. Признав этим необходимость обеспечить офицеров и нижних чинов подвозом по железной дороге предметов первой необходимости, отпуск которых из казны не положен...» [4] Для заведования вагонами – лавочками от каждой дивизии назначался один офицер с несколькими нижними чинами. Задача офицера, заведующего вагоном-лавочкой, заключалась в получении от частей дивизии заказов на товары и закупки, необходимые для офицерских собраний и солдатских лавок, приобретении этих предметов в г. Харбине и доставке затем на ближайшую к дивизии железнодорожную станцию для сдачи приобретенных запасов приемщикам от частей, вызываемых по времени прибытия вагона – лавоч-

ки. Обеспечение приобретения в г. Харбине потребных товаров хорошего качества и по недорогим ценам командующий армии было поручено заботам начальника военно-окружного управления. В отношении обращения вагонов-лавочек по железной дороге на основании указанного опыта, устанавливался следующий порядок: офицеры, назначенные от дивизий, для заведования вагоном-лавочкой, вместе с состоящими при них нижними чинами отправлялись в г. Харбин обычным порядком. В г. Харбине названные офицеры, после сбора своего груза, являлись в управление окружного начальника военных сообщений для получения вагона-лавочки, в который помещали приобретенный товар. На вагоне должна быть прикреплена холщовая вывеска с надписью «Вагон-лавочка № дивизии». Подлежащие отправке из г. Харбина вагоны-лавочки прицеплялись ко всем воинским эшелонам (кроме санитарных). Офицеры, сопровождавшие вагон, помещались в классном вагоне данного эшелона, а нижние чины в вагоне-лавочке. По прибытии на станцию назначения офицер, заведующий вагоном-лавочкой, заявлял о своем прибытии коменданту станции, распоряжением которого вагоны-лавочки ставились на запасные пути на 2 суток, затем они должны были быть очищены от груза и направлены в распоряжение станции назначения. Если в пути вагон-лавочка подлежал, по технической неисправности вагона, отцепке, то вагон немедленно перегружался распоряжением комендантов или начальников станций. Относительно оборудования вагона-лавочки в хозяйственном отношении частям следовало руководствоваться особым распоряжением.

Из-за неорганизованности и нераспорядительности тыловых начальников в ходе Русско-японской войны русская армия не раз испытывала перебои в снабжении продовольствием и фуражом, средствами хлебопечения. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Порт – Артуре, что в конечном итоге привело к трагичной развязке общего ведения обороны крепости. Об этих событиях так говорилось в описаниях боевых действий. «В продовольственном отношении мы с грехом пополам справились, хотя уже ко времени обложения у нас вышли запасы мяса, консервов и овощей. Это повлекло необходимость выдавать конину вместо мяса, причем впоследствии и эти пропорции пришлось уменьшать до минимума, и это было в то время, когда особо форсированная работа людей требовала наибольшего питания для поддержания сил солдата. Достаточными были только запасы муки, так как даже к моменту сдачи крепости хлеб еще был» [2, с. 415]. Роковой ошибкой интендантов крепости было и то, что с их стороны не было принято мер по обеспечению войск запасами солонины и соленой рыбы. «Не был использован достаточно район в смысле обеспечения рогатым скотом и продуктами рыболовства, между тем как добыча рыбы по побережью Квантуна достигла 200000 пудов в год (1904 год), и рыба при недостатке мяса, могла бы быть хорошим подспорьем в продовольствии гарнизона. Не было установлено никакой связи между продовольственной частью морского, сухопутного и гражданского ведомства, что затрудняло возможность точно опреде-

лить продовольственные силы, и влекло за собой совершенное незнание о существовании технических или других предметов снабжения» [3, с. 281]. Недостаток питания при изнурительных работах и огромных затратах сил повлек за собой развитие заболеваемости цингой, принявшей под конец обороны крепости, угрожающие размеры. Снабжение питьевой водой не встречало особых затруднений – пока водопроводный редут находился в руках защитников крепости, город имел воду в изобилии. С переходом же редута в японские руки, начал действовать опреснитель, который вполне удовлетворял потребности гарнизона крепости. Затруднения были в доставке воды на высотные позиции, на которых колодцев не было.

Хуже обстояло дело с одеждой и жилищами. Теплое летнее время и хорошая осень заставили позабыть о зимних невзгодах, но и в теплом платье ощущался недостаток. В особенности плохо было с комплектованием обуви. Интендантство вынуждено было скупить все даже машинные ремни, которые, и шли на починку обуви.

Что же касается помещений в виде блиндажных казарм и разного рода блиндажей, для резервов, таковых выстроено не было, и они вынуждены были помещаться в открытых казармах и других городских зданиях. Точно также не имелось укрытых помещений для госпиталей, которых в Порт-Артуре было два: один около гавани, другой в северной части города. В обоих госпиталях считалось 20 кроватей офицерских и 400 для нижних чинов, в военное время эти госпитали могли принять больных и раненых вчетверо больше. Кроме того, вскоре после объявления войны в Порт-Артур были присланы 2 запасных госпиталя, по 400 мест каждый, а также имелось еще 3 госпитальных судна, которые могли вместить до 1000 человек больных и раненых (позднее все эти суда были потоплены противником). Так же был открыт госпиталь Красного креста, который был рассчитан на 600 мест. Конечно, всех этих средств не хватало и пришлось обращаться к помощи частных лиц, помещая больных и раненых в дома обычных горожан. Что касается медицинского персонала, то он был недостаточен: не хватало сестер милосердия. Уже в сентябре 1904 г. больных и раненых было так много, что на каждую сестру приходилось более 100 человек. Медикаментов и, в особенности, перевязочных средств не хватало, в этом отношении доходило до того, что пользовались парусиной из морских складов.

В ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. остро возникла необходимость создания специализированных военных госпиталей – хирургических, инфекционных, психиатрических. Военные медики Дальнего Востока встретили Русско-японскую войну слабо подготовленными. Для России эта война была непомерным испытанием и в последствии тысячи больных и раненых нескончаемым потоком тянулись через лазареты и госпитали дальневосточных гарнизонов. Не хватало медикаментов, белья, продуктов, и, конечно, рабочих рук. В Хабаровском лазарете, например, было всего четыре врача. Но персонал медицинских учреждений самоотверженно тру-

дился, лечебная работа соответствовала уровню развития медицины того времени. Только врачами Хабаровского лазарета было сделано более четырехсот операций: хирургических, глазных, на ЛОР-органах, среди них довольно сложные, такие как лапаротомия при ранениях, удаление почки, высокая ампутация бедра. Тем не менее, смертность среди пациентов была очень велика, особенно от туберкулеза (сорок пять процентов от всех умерших). Чтобы изменить создавшееся положение, необходимо было перестроить всю организацию медицинской службы. На основании Высочайшего приказа от 25 ноября 1904 года № 721 ветеринарная часть в армиях, дивизиях, на Дальнем Востоке, а также в тылу, была выделена из ведения полевых военно-медицинских инспекторов и окружного военно-медицинского уровня. Ветеринарные отделы полевых военно-медицинских управлений, учрежденные согласно приказов по военному ведомству 1904 года за № 141 и 607 были переименованы в управления полевых ветеринарных инспекторов. На основании этого приказа была сформировано Управление полевого ветеринарного инспектора 3-й Маньчжурской армии.

Главный вывод, который был сделан по итогам Русско-японской войны – никаких запасов вооружения, техники и материальных средств не хватит на всю войну, снабжение армии в значительной мере зависит от успешной работы промышленности и сельского хозяйства в ходе всего периода войны. Роковую роль в неудачах Русской армии сыграло также то обстоятельство, что накануне войны в дальневосточных армиях не был создан достаточный запас материальных средств. Ресурсов хватило всего на один месяц ведения боевых действий. В неудовлетворительном состоянии находился транспорт, крайне недостаточно было медицинских учреждений. Тыловые воинские части и подразделения оказались слабо подготовленными, к войне. Например, если в Германии на одного интенданта приходилось в тот период – 226 человек, во Франции – 393 человека, то в России – 525. Кроме этого, специальная подготовка кадров службы тыла находилась на крайне низком уровне. Просчетом России было и то, что военно-политическое руководство не предусматривало мобилизацию для нужд фронта экономики всей страны. Тыл действующей армии был громоздкий. При этом материальных запасов и транспортных средств на Дальнем Востоке оказалось недостаточное количество. И только после Ляоянской военной операции при Главнокомандующем на Маньчжурском направлении было создано управление тыла (прообраз фронтового), с функциями снабжения и эвакуации.

В 1904 году на снабжение войск Дальнего Востока стали поступать полевое обмундирование защитного цвета и непромокаемые накидки, что отразилось на боеспособности действующих подразделений (до 1904 года на обеспечении частей вещевым имуществом были белые рубахи, которые были прекрасными мишенями для противника на поле боя). И только в 1911 году на снабжение войск Русской армии на Дальнем Востоке поступает новая полевая форма одежды (гимнастерка, шаровары, фуражка – защитного цвета, шинель, папаха, сапоги).

Литература

1. Копылов, В. А. Сибирский Военный Округ. Первые страницы истории / В. А. Копылов, В. П. Милюхин, Ю. А. Фабрика. – Новосибирск, 1995.
2. Левицкий, Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / Н. А. Левицкий, П. Д. Быков. – М., 2003.
3. Шишов, А. В. Неизвестные страницы русско-японской войны 1904–1905 гг. / А. В. Шишов. – М., 2004.
4. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.tyl.mil.ru>

БОНА СФОРЦА – ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА РЕНЕССАНСА В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Р. В. Калачев

Томский государственный педагогический университет

«Им кажутся особенно развратными великие люди просто потому, что мало кому известны биографии остальных» [2, с. 96]. Эти слова принадлежат философу и публицисту Григорию Ландау, и они как нельзя более точно выражают отношение к большинству великих людей. Зачастую мы с большим энтузиазмом поддаемся обсуждениям слухов и домыслов, нежели реальной деятельности человека. Не исключением в этом смысле стала и неаполитанская принцесса, польская королева Бона Сфорца д'Арагона. Легенды об этой, поистине великой женщине по сей день, вызывают неоднозначную реакцию у читателей. Целью данной работы является акцентирование внимания на деятельности королевы Боны, и ее последствиях для Польско-Литовского королевства.

Литература, использованная при подготовке данной публикации, в большинстве своем является обобщающей, в ней рассматривается общий ход развития польской, а так же литовской культуры в XVI веке. Что же касается работ посвященных личности королевы Боны, то из их небольшого числа в русскоязычном варианте стоит отметить труд Галины Аудерской «Королева Бона». Книга является исторической хроникой, в ней описывается жизнь и деятельность Боны Сфорца с момента приезда в Польшу (1518 год), и до самой смерти в 1557 году [1].

Будущая польская королева родилась 2 февраля 1497 года в итальянском городе Бари. Ее родителями были миланский герцог Джан Галеаццо Сфорца и Изабелла Арагонская. Еще, будучи в отчем доме юная принцесса получила блестящее образование. Она знала право, географию, латынь, теологию, философию, математику. Ее учителем был декан школы при Базилике Святого Николая в Баре Джакомо Бонджовани. С самого детства ей был привит хороший вкус, этому в большой степени способствовала то, что в доме родителей работал великий Леонардо да Винчи.

Для овдовевшего, и не имевшего к тому времени престолонаследника польского короля Сигизмунда I она была хорошей партией. 18 апреля 1518 года в Кракове состоялось их бракосочетание и одновременно коронация Боны. Ему было уже 51, ей- 24.

С первых дней своего пребывания в Вавеле королева Бона приступает к активным действиям. Она выписывает итальянских садовников чтобы, по выражению Галины Аудерской, «превратить эти жалкие клочки земли в роскошные цветники» [1, с. 19]. С появлением итальянки дворцовая жизнь претерпевает ряд изменений. Королева привезла с собой и новые вкусы, в прямом и переносном смысле этого выражения. Именно с ее подачи Польша узнала не известные ей до того сельдерей, лук-порей, цветную капусту и салат, а на столах магнатов появились апельсины, лимоны, оливки, инжир, миндаль, изюм. Изначально в королевском дворце, в последующем и при дворах знатных людей, начинают раздаваться голоса экзотических попогуев. В среде аристократок появляется мода на платья с глубоким декольте. И даже вилки начинают использоваться только с появлением Боны.

Но вклад королевы измеряется не только изменениями в эстетической культуре польской аристократии. Ее влияние отразилось в различных сферах жизнедеятельности польского народа, хотя и в ограниченных кругах. Бона Сфорца дала дорогу в жизнь произведениям Николая Гусовского. В 1523 году в Кракове была издана его единственная прижизненная книга, в которую вошло такое знаменитейшее произведение, как «Песнь о Зубре». Также с именем королевы связана деятельность еще одного не мало известного поэта Анджея Кржицкого, который долгое время находился при королевском дворе, и служил там секретарем. В 1522 году он получил доходное епископство Перемышля, а через пять лет занял кафедру в Полоцке. Уже в 1535 году Кржицкий стал архиепископом Гнезда и примасом Польши, теперь в его планах была краковская кафедра. Но ее занял Ян Латальский, которому покровительствовала Бона Сфорца. Произшедшая ситуация поссорила королеву и А. Кржицкого, и он тайно распространил эпиграмму на родовой герб Сфорца (змей, глотающий младенца). Вот как описывает эту ситуацию И.Н. Голенищев-Кутузов: «...сопоставив древнюю краковскую легенду о змее с чудовищем, символом рода Сфорца, Кржицкий создал весьма эффективную и злую параллель:

Если когда-то дракон, скрываясь в глубоких пещерах,
Краков, в утробе своей горожан твоих поглощал,
Что же дивиться, коль он, восседая теперь на престоле,
Всех, ненасытный, пожрал пастью ужасной своей» [3, с. 243].

В дальнейшем Кржицкий написал еще ряд эпиграмм, в которых высмеивал деятельность, а зачастую и пороки, своих противников.

История польской музыки эпохи Ренессанса также ощутила на себе влияние королевы Боны. Через несколько лет после ее появления, при королевском дворе начали работать представители Феррарской музыкальной культуры Алессандро Пезенти и Ипполито д'Эсте. С их подачи в Польше

стала развиваться вокальная музыка, в которой отличились такие польские композиторы как: Киприан Базилик, Вацлав из Шамотула, Ержи Либан из Легницы и другие.

В истории развития и усовершенствования скрипки также не обошлось без королевы Боны. Об этом в своей работе «Скрипка, вопросы истории происхождения» рассказывает Сергей Муратов. Автор говорит о возможности того, что в Италию скрипка, в первоначальном своем виде, попала именно во времена Боны, благодаря установившемуся тесным связям. В подтверждение этой версии С. Муратов указывает на присутствие изображения скрипицы, предшественницы классической скрипки, на надгробии епископа краковского, архиепископа гнезенского, кардинала Фредерика Ягеллона (1510 год), в Италию же, по мнению автора, инструмент проникает на десятилетия позже. Так же в доказательство своей гипотезы автор приводит факт того, что итальянские скрипичные школы изначально развивались на северных, находившихся не далеко от польских, территориях.

Еще одной сферой, куда королева Бона приложила свой труд, было виноградарство. Не смотря на то, что эта отрасль существовала и до ее появления, во времена «итальянской» королевы она приобрела более широкий размах. В правление Боны Сфорца выращивание винограда, в основном для производства вина, происходило на принадлежащих ей территориях. Среди них можно выделить владения Городненское, Давид-Городокское, Клецкое, Пинское, Кременец, и ряд других.

Что же касается влияния королевы Боны в сфере архитектуры, то по этому поводу у исследователей нет единого мнения. Вероятно это связано с тем, что начало деятельности итальянских мастеров приходится на самое начало XVI века. Так уже в 1502–1505 годах Франческо да Фиренце (Франциск Итальянец) создает первое ренессансное произведение на территории Польского королевства – эдикулу, обрамляющую надгробие короля Яна Ольбрахта. Также указывается на то, что деятельность еще одного выдающегося итальянца Бартоломео Береччи в Польше начинается с 1516 года, он занимался строительством усыпальницы для покойной жены Сигизмунда I, Варвары Запольской. Но в тоже время не отрицается тот факт, что работы по перестройки Краковского замка приходятся именно на время королевы Боны. Однако и этот момент не может быть оценен однозначно, так как известно, что в 1499 году в Вавеле произошел пожар, а работы по реконструкции были начаты еще при короле Александре. Но, несмотря на это расцвет вавельской архитектуры приходится все же на время правления королевы Боны. Обновление литовской столицы, Вильны, связано непосредственно с появлением Боны Сфорца. Итальянские архитекторы во главе с Бернардино де Джанотис из Рима около 1530 года выстроили для королевы вилениский дворец в стиле Возрождения. В дальнейшем моду на строительство роскошных резиденций подхватили польские и литовские аристократы. Так появились замки в Виснице, Красичине и Ланьцуте. Порой отстраи-

вались и целые города, примером этого может служить г. Замосць, построенный родом Замоиских.

Не смотря на все те положительные, по крайней мере, не отрицательные влияния, королева Бона очень скоро стала не любима шляхтой. Основной причиной этого, почти все исследователи отмечают бурное вмешательство Боны в дела политические, а также неумную жажду наживы. Именно по настоянию королевы и вопреки всем правилам малолетний Сигизмунд Август был коронован еще при живом отце.

Распространению реформационных движений в Польше также во многом способствовала сама королева, не смотря на то что, Сигизмунд I был яростным католиком. С приездом Боны в Польшу, туда попадает значительное число гуманистов. Одной из самых заметных фигур в то время был Франциск Лисманин, «соотечественник и духовник королевы, принадлежал к самым пламенным пропагандистам борьбы с церковью» [5, с. 95]. Именно этого человека королева Бона в начале 40-х гг. XVI века делает комиссаром ордена францисканцев, а это значит, что все монастыри ордена будут подчинены ему.

Продажа должностей, причем как светских, так и духовных, также не могла вызвать одобрения со стороны шляхты. Со смертью Сигизмунда I в 1548 году и приходом к власти Сигизмунда II Августа Бона Сфорца все больше отдаляется от дел политических, хотя и не до конца. Когда открылся тайный брак нового короля с Барбарой Радзевилл, это стало главным предметом обсуждения на Пиотрковском сейме 1548 года. Великий коронный маршал Петр Клима, примас Держговский, великопольский генеральный староста Анджей Гурка, поддерживаемые Боней, требовали расторгнуть брак. Но Сигизмунд II настоял на своем и через два года после закрытия сейма Барбара была коронована Гнезненским архиепископом. Через год молодая королева скончалась, Бону стали подозревать в ее отравлении, это еще в большей степени усугубило и без того сложные отношения между матерью и сыном. В 1556 году, после отказа от имущества, Бона покинула Польшу и поселилась в имении Бари в Италии.

Бона Сфорца д'Арагона умерла в 1557 году, была похоронена в Кафедральном Соборе. Однако ее дочь, королева Анна, добилась разрешения у Папы перенести тело в Базилику Святого Николая. В 1593 году в Базилике был установлен мавзолей Боны Сфорца. Скульптором памятника был Андреа Сарти из Каррары.

Таким образом, деятельность королевы Боны явилась неким катализатором, при помощи которого проникновение и укрепление Ренессансной культуры в Польско-Литовском государстве приняло более интенсивный и более масштабный характер. Своим примером она учила восточноевропейское аристократическое общество жить по-новому, следуя установившимся модным тенденциям.

Литература

1. Аудерская, Г. Королева Бона / Г. Аудерская. – М., 1989.

2. Большая книга афоризмов / Сост. Душенко К. – М., 2007.
3. Голенищев-Курузов, И.Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV- XVI веков / И.Н. Голенищев-Курузов. – М., 1963.
4. Голенищев-Курузов, И.Н. Гуманизм у Восточных славян / И. Н. Голенищев-Курузов. – М., 1963.
5. Любович, Н. История реформации в Польше / Н. Любович. – Варшава, 1883.
6. Муратов, С. Скрипка, вопросы истории происхождения. (Русский вариант книги «The Art of the Violin Design»). [электронный ресурс], режим доступа http://www.all-2music.com/violin_history_murатов.html
7. Погодин, А.Л. Очерк истории Польши / История Польши. – М., 2002. – С. 47–75.
8. Подьяпольский, С. Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI века. // Советское искусствознание. – 1986. – № 20. – С. 62–91.
9. Смоленский, В. История польского народа / В. Смоленский. – СПб., 1899.
10. Сокровища базилики Святого Николая в Бари. – М., 2005. С. 25–53.
11. Шмитт Г. История польского народа. В 3 т. – Т. 2. – СПб., 1866.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛЬМА А. НЕВЗОРОВА «ЧИСТИЛИЩЕ» О ШТУРМЕ Г. ГРОЗНЫЙ В ЯНВАРЕ 1995 Г.

Г. А. Кречетов

Томский государственный педагогический университет

Война на территории Чеченской Республики является одной из самых сложных и противоречивых проблем отечественной истории новейшего времени. Большое количество научной и публицистической литературы, тем не менее, не дает исчерпывающего ответа на все вопросы, связанные с этим конфликтом. К концу 1990-х свой взгляд на происходившие события стали высказывать и тележурналисты, накопившие достаточный видеоматериал, свидетельства очевидцев событий по обе стороны баррикад. В числе первых, кто решил сказать свое слово о войне в Чечне, был известный еще с периода перестройки петербургский тележурналист Александр Невзоров. В своем наиболее известном и неоднозначном фильме «Чистилище» он представляет собственную версию печально знаменитого новогоднего штурма Грозного в январе 1995 г.

Актуальность фильма А. Невзорова не вызывает сомнений, однако уровень подачи материала, тенденциозность авторских оценок и степень достоверности излагаемых событий требуют более тщательного и критического осмысления. Сами авторы этой картины – Александр Невзоров и Михаил Ермолов говорят, что фильм снят на полудокументальной основе, что лишний раз подтверждает необходимость более взвешенного и скрупулезного

рассмотрения событий «Чистилища» с привлечением доступных источников и научной литературы.

Цель данной публикации – предельно точно и непредвзято восстановить реальные события бывшие в Грозном в январе 1995 г., изучить участие в этом штурме 131 омсбр (отдельная мотострелковая бригада) и 81 мсп (мотострелковый полк), описать реальную судьбу некоторых персонажей фильма «Чистилище» (это реальные люди, но их судьбы в фильме по непонятным причинам исковерканы). Также в перечень задач входит выявление фактических ошибок, допущенных А. Невзоровым при создании этого фильма.

В основу фильма «Чистилище» был положен другой фильм А. Невзорова – «Ад», а это уже реальные фронтовые записи. Отдельный сюжет этого фильма – это оборона федеральными войсками 1-й горбольницы по ул. Госпитальной. А фильм «Чистилище» полностью посвящен обороне этой больницы.

Решение о штурме Грозного было принято 26 декабря 1994 г. на заседании Совета безопасности РФ. Штурм предполагалось проводить по четырем направлениям, по которым и были поделены группы армий: «Север» (под командованием генерал-майора К. Пуликовского) общая численность этой группировки 4100 чел., 80 танков и 210 БМП, 65 орудий и минометов. «Северо-Восток» под командованием генерал-лейтенанта Л. Рохлина, численность группировки: 2200 чел., 7 танков, 125 БМП и БТРов, 25 орудий и минометов. Группа «Запад» под командованием генерал-майора В. Петрука и группа «Восток» под командованием генерал-майора Н. Стаськова – 3000 чел., 45 танков, 70 БМД, 35 орудий и минометов. Общая численность группировки была не более 15 000 чел., около 200 танков, свыше 500 БМП и БТРов, 200 орудий и минометов. Кроме того, в резерве было более 3500 чел., 50 танков, 118 орудий и минометов [1].

В ходе операции предполагалось, наступая с северного западного и восточного направлений, войти в город и во взаимодействии со спецподразделениями МВД захватить президентский дворец, здания правительства Ичкерии, железнодорожный вокзал и другие важные объекты в центре города, блокировать центральную часть города. Группировке «Север» и штурмовому отряду группировки «Северо-Восток» ставилась задача блокировать северную часть города и президентский дворец с севера.

И вот, штурм Грозного начался 31 декабря в 6 часов утра – группа «Север» (упомянутая Невзоровым в его фильме) вошла в Грозный. Однако, боевики не торопились оказывать сопротивление, они собирались запустить федеральные войска поглубже в город и потом, что называется «захлопнуть ловушку». К 13 часам эта группировка вышла к ж/д вокзалу, куда сумели выйти 2 батальона (также упомянутой А. Невзоровым) 131-й омсбр, направленные из резерва решением командующего «для закрепления успеха и наращивания усилий». Вот тут-то боевики и стали оказывать ожесточенное сопротивление. Такой штурм Грозного продолжался весь остаток дня и всю

новогоднюю ночь, в ходе боев только за эту ночь федеральные силы понесли большие потери. Как говорил позднее генерал Л. Рохлин – операция по штурму Грозного не была скоординирована и шла спонтанно, между армиями не было никакого взаимодействия [4]. И все это, в конечном счете, привело к тому, что уже к вечеру 1 января наступление, что называется «захлебнулось» – а это уже очень сильно затрудняло поддержку федеральных сил с воздуха, были случаи когда российские танкисты по ошибке атаковали своих, или расстреливали своих же из минометов и другого оружия. А город был также под контролем боевиков. По Грозному блуждали мелкие группы российских войск, уцелевшие в новогоднюю ночь. Весь город был усеян подбитой техникой и трупам российских военнослужащих.

Большие потери несла 131-я омсбр (комбриг Иван Алексеевич Савин, а вовсе никакой не Суворов Виталий Николаевич, упомянутый А. Невзоровым в его фильме). Также, по версии А. Невзорова, задачей этой бригады была оборона горбольницы. Хотя на самом деле эта бригада во главе с И. Савиным никакую горбольницу не обороняла: у них была совершенно другая задача, а именно – 31 декабря 131-я омсбр вошла в Грозный и захватила ж/д вокзал, здесь они продержались всю новогоднюю ночь и день 1 января. Они сражались мужественно и несли очень большие потери, что было отражено в фильме. Однако здесь почему то А. Невзоров показал это все на примере обороны больницы, а не вокзала, и почему у Невзоровского комбрига фамилия Суворов, а не как положено – Савин? В фильме показан тяжелый бой, но почему то за больницу, а не за вокзал, при обороне которого большинство солдат было ранено, в том числе и И. Савин. Так, например, если смотреть документальный фильм «Чеченский капкан», там есть запись переговоров И. Савина по радиации с другими подразделениями: он без конца запрашивал помощь, но ее не дождался. И тогда, он решил прорываться к своим из окружения сам. Так, 2 января на 2 оставшиеся БМП они погрузили раненых и стали отходить, но на перекрестке ул. Маяковского и Старопромысловского шоссе 1-й БМП, где находился И. Савин подбили из гранатомета, часть экипажа во главе с Савиным спаслись и ушли в сторону автобазы, где и приняли последний бой. Остальных выживших боевики просто добивали, еще двое бойцов: начальник группы планирования, подполковник В.И. Зрядний и огнеметчик 3 мср 131 омсбр, рядовой Николай Рябцев попали в плен, последнему в отличие от В. Зрядного удалось выжить, а подполковник Зрядний позже был расстрелян в селе Харсеной по приказу Р. Гелаева.

Что касается последнего боя И. Савина, то он со своими людьми укрывался во дворе автобазы, с ними было человек 10-15. На самой базе же, было 5–6 боевиков-ополченцев, которые засев в пожарных боксах открыли шквальный огонь. Потом, в сторону, где находились И. Савин и авианаводчик 131-го омсбр, старший прапорщик В. Шибков, боевики кинули гранату. На одном сайте, выложены воспоминания В. Удовицкого: «Гранату кинули.

Его [Савина] осколком в глаз. Осколок в глаз ему попал так он минуты 3 еще подышал и умер» [3].

Так погиб 2 января 1995 г. командир 131 омсбр полковник Иван Савин, то есть 4 января 1995 года, его уже не было в живых – эта дата указана в фильме А. Невзорова «Чистилище». И так бессовестно отразил Невзоров в своем фильме судьбу реального человека И. Савина. Невзоров показал здесь события бывшие не там где они реально были и еще он не называл вещи своими именами. Кстати, в этом фильме позывной командира 131-й омсбр был «Сугроб-2» хотя на сайте memoriesnorth.narod.ru выложен список позывных 131-й омсбр и 81 мсп и там такой позывной не обнаружен и относительно этого человека Невзоров позволил себе многого нафантазировать.

Еще один человек, с кем так же беспардонно обошелся А. Невзоров – это был реальный человек, успевший незадолго до своей смерти дать А. Невзорову интервью в фильме «Ад» – это танкист Игорь Андреевич Григоращенко. В фильме А. Невзорова он был распят боевиками 4 января 1995 г. за отказ воевать на их стороне. На самом же деле, его никто не распинал, его смерть была обычной для войны. И погиб он вовсе не 4 января, 8-го – был убит осколком мины, когда спускался в танк.

Если говорить о штурме самой горбольницы в Грозном, то это была 1-я горбольница и ее обороной командовал никакой не полковник Суворов, а генерал-лейтенант Л. Рохлин, в фильме А. Невзорова «Ад» показано, что в подвале этой больницы был оборудован штаб, сама больница была в руках федеральных сил, но постоянно обстреливалась боевиками из артиллерии и минометов.[6] К утру 1 января – это еще до захвата больницы группировке Л. Рохлина удалось захватить консервный завод и оборудовать там штаб.

Механик-водитель 9 мсп, 276 мсп, рядовой Сергей Свистов, участник самих событий вспоминает: «Утром первого построились снова в колонну, перекусили и в центр Грозного, к госпиталю – там чечены засели, мы машинами забор сломали, заехали во двор, все что двигалось положили, и сделали там штаб нашего батальона» [9].

В штурме этой больницы активное участие принимал 7 ОШ «Росич», он был расположен метрах в семидесяти от здания больницы, откуда боевиками велся плотный огонь. Боевики засели в главном корпусе этой больницы, который по своей форме был буквой «Е», потом, после подхода к зданию больницы двух танков («коробочек») под командованием старшего лейтенанта Олега Гладионова и подхода сил спецназа ГРУ в составе 14 человек, было решено штурмом брать эту больницу, при штурме было уничтожено 7 боевиков. И уже в 17:50, 1 января 33 мсп в полном составе прибыл в эту больницу. Больница была взята 1 января 1995 года, то есть на три дня раньше чем в фильме «Чистилище», кстати в этом фильме боевиками, засевшими в этой больнице командуют Дукуз Исрапилов и его брат Ширвани. Однако, среди полевых командиров, ни Дукуз, ни Ширвани Исрапиловы, эти имена нигде, ни в одном списке чеченских полевых командиров,

не обнаружены. Возможно А. Невзоров здесь обыграл других братьев, отнюдь не вымышленных это братья Шамиль и Ширвани Басаевы, однако они ни коим образом не причастны к боям за 1-ю горбольницу. И так же, в фильме у Невзорова 4 января 1995 года активное участие в боях за эту больницу принимала 131-я мотострелковая бригада. Хотя на самом деле еще 3 января, 131 омсбр и 81 мсп – еще с новогоднего штурма понесшие большие потери были выведены из города и бойцов из этой бригады за исключением военнопленных в Грозном просто не могло быть. В последствии уже к концу января этот район был одним из самых спокойных в городе, поскольку как видно из статьи газеты «Комсомольская правда» за тот период, здесь в районе 1-й горбольницы и консервного завода был устроен сборный пункт для уезжавших из города беженцев [5].

Однако бои за город еще долго продолжались и только 19 января 1995 г., был захвачен президентский дворец, и, лишь только к 21 февраля Грозный был окончательно взят под контроль федеральных сил.

26 февраля в Грозном было прекращено организованное сопротивление боевиков и только 6 марта 1995 г., последние группы боевиков были выбиты из Грозного.

В завершении, я хочу сказать, что все описанное здесь свидетельствует о том, что фильм «Чистилище» никоим образом не может считаться историческим источником о январском штурме г. Грозного, разве что за исключением экранизации атмосферы городского боя. Здесь А. Невзоров позволил себе немало фантазии в отношении реальных событий и лиц, принимавших в них участие, я уже не говорю о том, что А. Невзоров не называет здесь вещи своими именами и события у него в фильме развиваются не в тех местах и не в то время, где они реально были.

В морально-воспитательном плане, эта картина не учит ничему, не учит никакому патриотизму, поскольку там скорее выражен антипатриотизм, более того, этот фильм еще и калечит человеческую психику. И, безусловно, этот фильм необходимо вообще запретить. Тем более, что в российском кинематографе есть немало хороших кинокартин, способных привить своему зрителю чувство патриотизма и показать реальную силу, мощь и престиж Российской армии и высокий несломляемый ничем и ни кем боевой дух русских солдат.

Литература

1. Анализ боевого опыта применения сил и средств разведки СВ во внутреннем вооруженном конфликте в Чечне [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.vrazvedka.ru/main/learning/last-confl/analitical-01_04.shtml
2. Асташин Н. Чечня: подвиг солдата// Красная звезда. – 2002. – 7 декабря.
3. Гибель командира 131 омсбр полковника Савина [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.better.livejournal.com/98521html>.
4. Интервью генерал-лейтенанта Л. Рохлина о штурме г. Грозного в январе 1995 г. [Электронный ресурс] М., 1998. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)

5. Как мы распространяли «Комсомолку» в Грозном // Комсомольская правда. – 1995. – 31 января.
6. Невзоров А. Ад (фронтовые записи 1995 г.) [Электронный ресурс] – Электр. данные М., 2009 – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)
7. Рустам Соловьев Штурм Грозного, как это было// Солдат удачи 2004. – № 12. – С. 14–18.
8. Списки позывных 131 омсбр и 81 мсп [Электронный ресурс] режим доступа: [http:// www.memoriesnorth.narod.ru/rec.html](http://www.memoriesnorth.narod.ru/rec.html).
9. Штурм 1-й горбольницы [Электронный ресурс] режим доступа: [http:// www.botter.livejournal.com/124506.html](http://www.botter.livejournal.com/124506.html).

ВКЛАД ДЕТЕЙ В ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО В 1941-1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Д. Б. Крыжановская

Томский государственный педагогический университет

В последнее десятилетие в исследованиях Великой Отечественной войны произошло смещение акцентов. Исследователей стали интересовать переживания, эмоции, страхи и повседневная жизнь людей в условиях войны. Связано это с развитием антропологии, истории повседневности, исторической психологии и устной истории [1, с. 86].

В наше время ещё существует возможность получить ответы на вопросы о военном времени из первых уст. Особая ценность устного источника в том, что из него мы можем извлечь не только надежные данные, но и зафиксировать субъективное, эмоциональное отношение информатора к чему-либо [2, с. 123]. Кроме того устная история дает возможность управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями своего исследования, конкретизировать и уточнить получаемые данные [1, с. 87].

Тема жизни детей, живших на оккупированной территории, или подростков, трудившихся на заводах в военном тылу нашли отражение в исторической литературе [3]. Повседневной жизни детей в тылу мало изучена исследователями. Целью данной статьи стала попытка показать военное время сквозь призму отдельной семьи и выявить вклад детей в ведение домашнего хозяйства.

Источниковую базу составили материалы, собранные автором исследования в 2009 г. Устные сведения получены от Ромашовой (Кузнецовой) Полины Федоровны, родившейся 23 февраля 1936 г. в д. Успенка Кожевниковского района Томской области. После окончания педагогического училища г. Томска всю трудовую жизнь она проработала учительницей начальных классов в с. Уртам Кожевниковского района, вырастила двух дочерей и трех внуков, последние 8 лет проживает в г. Томске.

На момент начала войны семья Кузнецовых состояла из 5 человек: Федор Спиридонович Кузнецов (1907 года рождения) и его жена Мария Ерма-

лаевна (1911 года рождения) и трое детей: Валентина (1928 года рождения), Полина (1936 года рождения) и Юлия (1939 года рождения). Младший сын родился в августе 1942 года, уже после того, как Федор Спиридонович ушел на фронт.

Ухода главы семьи на фронт 7 января 1942 года принципиально изменил уклад жизни семьи, его обязанности были распределены между всеми членами семьи.

В годы войны Мария Ермалаевна трудилась в колхозной полевой бригаде, в конце войны ушла на ферму работать дояркой. Всю тяжесть ее положения демонстрирует ситуация, когда она рожала младшего сына (Анатолия) прямо в поле во время «уборочной», и сразу после родов продолжить работу [4].

Большинство подростков с 11–13 лет возраста начинали работать в полевых бригадах. Старшая сестра Валя, к тому времени учившаяся в 6 классе, стала работать учетчицей.

Тяготы ведения домашнего хозяйства полностью легли на плечи младших детей. Хозяйство Кузнецовых в годы войны состояло из коровы, с теленком, овец (10–12), свиней (1–2) и поросят, гусей и кур.

Каждое утро средняя дочь Полина доила и провожала корову в стадо, с ней отправляли и овец. Дети вместе выгоняли и загоняли свиней, которые гуляли по улице возле дома. За гусями и курами так же следили дети. Гусей нужно было увести к озеру, где они находились целый день, а вечером их привести домой. Кур нужно было выпускать во двор и кормить [4].

Кроме живности в хозяйстве был большой огород – около 90 соток, где росли картофель, капуста, брюква, репа, турнепс (для корма скоту), лен, просо и конопля (из нее делали масло). Полина Федоровна отмечала: «все это выращивалось в больших объемах, чтобы хватило на зиму не только семье, но и живности».

Основные сезонные работы – посадка, уборка урожая – проходили под руководством старших, а ежедневный уход за огородом был обязанностью только детей. Как рассказывала Полина Федоровна: «мама вечером выводила меня в огород и говорила, что, именно, завтра нужно будет сделать, а вечером следующего дня проверяла... Юлия и Толя не хотели работать и часто убегали, поэтому мне приходилось их искать и заставлять работать или делать все самой» [4].

Летом обязанностью детей являлся сбор «дикоросов». Полина Федоровна отмечала: «Собирали все, что только возможно». В грибной период Полина с Юлей собирали все растущие в округе грибы: шампиньоны, беланки, волнушки, подосиновиков. Особо много было груздей, так как деревню окружают низины. Сами дети занимались переработкой: часть сушили на чердаке, а часть – солили в бочках, которые затем ставили в погреб.

Вокруг деревни росли различные ягоды. В низинах росла дикая смородина, а на высокой открытой местности – клубника. Так же дети занима-

лись сбором калины, рябины, боярышника. Высушенные плоды боярышника и черемухи мололи на ручных жерновах.

Так же дети занимались сбором различных трав: душицы, ромашки, Иван-чая, зверобоя, их использовали вместо чая. «Природа была плодородна, на зиму, возможно, было достаточно заготовить, если не лениться» [4].

Сбор дикоросов осуществлялся не только для нужд семьи. Часть собранного сдавали так называемым «заготовителям», за что получали небольшое денежное вознаграждение. Так, специально для «заготовителей» собирали стручки акаций [4].

Все ежедневные обязанности по дому во время, когда взрослые находились на работе, достались Полине. Каждое утро ей нужно было сварить и накормить младших детей (Юлю, а позже и Толю), помыть посуду и убираться в доме, постирать. Воду для домашних нужд они приносила из озера.

В зимнее время одной из обязанностей детей был сбор дров, так как Мария Ермалаевна к середине войны стала часто болеть. Дрова в этот период не заготавливали заранее на зиму, их зимой привозили из леса на санях. Вместо лошадей в сани запрягали коров. Полина Федоровна рассказала случай, когда во время такого «похода» за дровами они вернулись домой только под утро, так как корова застряла в снегу, а у детей не хватало сил вытащить ее из сугроба.

Сбор дров зимой был трудоемок, а подчас и не возможен. Семье Кузнецовых постепенно пришлось сжечь часть надворных построек, в частности, баню, амбар и небольшую кузницу, которые Федор Спиридонович построил еще до войны [4].

Зимой, когда было свободное время, старшие девочки с матерью занимались рукоделием. Полина Федоровна рассказывала: «Всю зиму пряли, к концу зимы начинали ткать на станках (кроснах)».

Таким образом, ухода главы семьи на фронт принципиально изменил уклад жизни семьи, его обязанности были распределены между всеми членами семьи. Все работы по хозяйству в летний период – ежедневный уход за домашними животными, работа на огороде, а так же сбор ягод, грибов и трав – были обязанностями детей. В зимнее время дети занимались сбором дров, а старшие девочки также рукоделием. Ежедневные обязанности по дому, включая, приготовление еды, мытье посуды, уборку и т.д. достались средней дочери. Собранный полевой материал показал, что вклад детей в ведение домашнего хозяйства был необходимым для выживания семьи в военное время.

Литература

1. Реброва, И. В. Устные воспоминания о Великой Отечественной войне: обзор некоторых новейших отечественных публикаций) // Устная история: теория и практика. Материалы всероссийского научного семинара. – Барнаул, 2007.
2. Томпсон, Пол Голос прошлого. Устная история. Весь мир / П. Томпсон. – М., 2003.
3. В бою и труде: подростки в Великую Отечественную войну. – М., 1982.

КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В. В. Отришко

Томский государственный педагогический университет

Исследования по дворянской культуре первой трети XIX века неизменно остаются актуальными в наши дни, поскольку несмотря на достаточно большое количество работ по данной тематике, нам не дано исчерпывающе понять прошлое. Это означает, что выбранная тема не может быть раскрыта до конца и всегда есть место для дальнейшего ее изучения.

Основой для написания статьи послужил труд Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре», автор которой исследовал русскую дворянскую культуру по классическим литературным произведениям, таким, как «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Война и мир» Л.Н.Толстого, «Горе от ума» А. С. Грибоедова. В этих произведениях показаны быт, традиции, нравы той эпохи. В них прослеживается оформление черт новой русской культуры, перелом в сознании общества. Именно в этом переломе и заключается интерес в исследовании, ведь первая треть XIX века – это время формирования русской национальной культуры, ее классического литературного языка.

В истории бывают времена, когда резко меняется весь строй жизни общества, и тогда даже бытовому поведению приходится учиться. В России такой поворот связан с именем Петра I. В своем стремлении повернуть страну лицом к Европе царь-преобразователь железной рукой вводил в стране чужеземные обычаи [1, с. 4]. При данном взаимодействии происходит неизбежная трансформация русской культуры и, как следствие, переход ее на другой, качественно новый уровень. Изначально эти процессы зарождаются и получают свое развитие именно в дворянской среде. Таким образом, можно сказать, что именно деятельность дворян положила начало формированию и распространению русской национальной культуры, и именно время петровских реформ послужило отправной точкой для становления новой культурной традиции.

Знаковым явлением, без которого невозможно представить русскую культуру XIX века, было появление такого деятеля литературы, как А.С. Пушкин. Как раз на этом и делает акцент Ю.М. Лотман, показывая всю глубину и значимость его творчества для русской культуры. Безусловно, А.С. Пушкин не был единственным выразителем новых веяний своего времени, но недаром именно с его именем у нас ассоциируется «золотой век» в русской литературе. На его «Евгения Онегина» не раз ссылается Ю.М. Лотман в своей работе. Это вполне закономерно, потому, как в данном произведении отражены все стороны дворянской жизни начала

XIX века. Здесь отчетливо прослеживается стремление главных героев, возможно не всегда осознанно, выделиться из единой массы общества. Чувствуется претензия на индивидуальность, зачастую идущая вразрез с общепринятыми нормами. Эти герои явились прямым отражением эпохи, создающей иногда хоть и дикие характеры, но всегда яркие. В этом мы можем увидеть складывание новых нравов, традиций, которые впоследствии полностью замещают собой старые. Помимо этого, в романе рассматриваются и различные аспекты повседневной жизни дворянства. От бала до дуэли, от брака до женского образования и многие другие. Все это было неотъемлемой частью дворянской жизни и, ввиду того, что происходит переворот в нравах, то соответственно он происходит и в быту. При этом литературные произведения той эпохи повлияли не только на умонастроения дворянского сословия, но и на остальное общество. Это можно увидеть из воспоминаний русских крестьян XIX века: «Я уже упоминал, что с детства имел большую охоту к чтению, но до женитьбы начитанность моя ограничивалась книгами преимущественно священного содержания и очень немногими гражданской печати. После свадьбы я начал знакомиться с настоящей литературой, и до такой степени увлеклась моя любознательность, что целые ночи, бывало, просиживал за книгами. Особенно прельщен был я поэзией того времени, так что до сих пор держаться в моей памяти многие фантазии и целиком пьесы избранных поэтов. Разумные выводы талантливых писателей всегда побеждали односторонний мой крестьянский взгляд и многие предрассудки, свойственные быту простолюдина. Ясно обличалось мое невежество почти во всем» [2, с. 145]. Отсюда и необычная роль литературы в русской культуре. Литература решала те проблемы, которые ставили мыслители, да и сами писатели являлись как некие пророки либо своей судьбой указывали на тип личности, который должен был сложиться в России [3, с. 11]. Из этого можно сделать вывод, что культура являлась нитью, связующей слои общества при многочисленных различиях в их бытовой жизни.

Несмотря на громадную пропасть между дворянским и крестьянским сословиями, они все-таки принадлежали к одному народу. Ввиду этого вполне естественно, что и в традициях прослеживается некоторая общность. Это можно увидеть на примере такого знакового явления как брак. И в том, и в другом случае воля родителей была определяющей, но при этом с начала XIX века, переломом в сознании отражается и на данном явлении. В XVIII веке в русском дворянском быту еще доминировали традиционные формы вступления в брак: жених добивался согласия родителей, после чего уже следовало объяснение с невестой [4, с. 104]. Что касалось крестьянства, вступление в брак определялось родителями. Но с XVIII века проявилось стремление к сочетанию авторитарной воли родителей и свободной воли брачующихся. При этом, по материалам конца XIX века дети, как правило, следовали воле родителей [2, с. 150]. Но учитывая подобные сходства нельзя не сказать о том, что в течение XVIII – XIX вв. все возрастает культурный разрыв между укладом жизни дворянства и народа. Если в XVIII веке

культурный дворянин стремился стать «европейцем» и как можно более отдалиться от народного бытового поведения, то в XIX веке возникает противонаправленный порыв [4, с. 109]. Образованные дворяне стремились приблизиться к народу, приобщиться к его исконно русской культуре. Происходило это отчасти и из-за понимания существующего культурного разрыва, что вызывало трагическое мироощущение у наиболее мыслящей части дворян. И, что вполне закономерно, это проявилось в их деятельности.

Мощным рычагом культурного подъема служило освободительное движение против крепостничества и самодержавия. Вероятно, самым ярким примером, демонстрирующим коренной перелом общественной мысли в целом и дворянского самосознания в частности, явилось выступление декабристов в 1825 году. Принадлежавшие к «касте» студентов, они являли собой силу молодости, возбудимости, эмоциональности, юношеское неприятие несправедливости, современники называли студенческую молодежь «квинтэссенцией» интеллигенции, «барометром» общества [5, с. 3]. Декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека. В этом смысле они выступили как подлинные новаторы. Специфическое, весьма необычное в дворянском кругу поведение значительной группы молодых людей, находившихся в центре общественного внимания, оказало воздействие на целое поколение русских людей. Идеино-политическое содержание дворянской революционности породило и особые черты человеческого характера, и особый тип поведения, в том числе поведения повседневного, бытового. Декабристы были в первую очередь людьми действия. Так же нельзя не заметить связи между бытовым поведением декабристов и принципами романтического мирозерцания, желанием приблизиться к норме, к идеалу [4, с. 332].

Таким образом, первая треть XIX века явила собой рождение новой культуры, охватывая все ее аспекты и все слои общества. Культуры яркой, во многом уникальной, давшей толчок для дальнейшего полноценного развития общества. Ее, как и любую другую, невозможно исследовать и понять до конца. И потому работа Ю.М. Лотмана так интересна и значима, что в ней автор использовал новый подход к изучению культуры. Не будучи сам историком по образованию, он исследовал ее с точки зрения семиотики. Эффективность такого исследования основана на том, что культура рассматривается как не-культура [6]. Исследование происходит с двух противоположных сторон. Литературное произведение здесь рассматривается с одной стороны исключительно с позиции его смысловой нагрузки. Читается именно смысл, а не информация. И при каждом новом прочтении ставится задача переосмысления. С другой стороны, она исследуется с применением семиотических методов, т.е. кодировки, где берется непосредственно то, что скрыто «за текстом». Выясняется, что конкретное богатство текста сводимо к богатству ВНЕтекстовых, ПРЕДтекстовых, МЕТАтекстовых кодов и ментальностей. Тогда сам текст, с его своеобразием, снят исследованием, открывающим в нем знакомое, общее с другими текстами. Он вос-

производит, но не производит культуру [10]. Интересно и то, что изучение исключительно с точки зрения какого-либо одного аспекта не сможет нам показать полную картину интересующего нас события или явления. Два способа изучать культуру имеют смысл лишь во взаимном споре.

Использование Лотманом такого нестандартного метода в изучении культуры не делает его работу сложной для восприятия. Его читательская аудитория огромна. В своей работе он погружает читателя в мир повседневной жизни русского дворянства XVIII – начала XIX века, когда читатель может ощутить и, возможно, понять представленную эпоху.

Литература

1. Марченко, Н. А. Быт и нравы пушкинского времени / Н. А. Марченко. – СПб., 2005.
2. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. – М., 2006.
3. Очерки русской культуры XIX века. – М., 2000.
4. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 1994.
5. Олесич, Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета / Н.Я. Олесич. – СПб., 1999.
6. Баткин, Л.М. Два способа изучать культуру // Вопросы философии. –1986. – № 12.

ДИВИЗИЯ «ГАЛИЧИНА» В БИТВЕ ПОД БРОДАМИ В ИЮЛЕ 1944 Г.

Е. А. Перемитин

Томский государственный педагогический университет

Украинская дивизия СС «Галиция», или принятый в российской историографии украинский вариант написания названия дивизии – «Галичина», является одним из самых известных коллаборационистских формирований в рядах вермахта, после Русской Освободительной Армии (далее – РОА) генерала Власова, чины которого набирались из населения оккупированных территорий Советского Союза.

В отечественной историографии (советской и современной российской) деятельность данного подразделения, особенно боевая, не является полноценно изученной в отличие от Власовской РОА. В советской историографии Великой Отечественной войны очень редко можно встретить упоминания о «Галичине». Одним из первых можно назвать цикл статей Ярослава Галана в еженедельнике «Свободная Польша» об «украинских буржуазных националистах», в которых он упомянул и дивизию [1]. В 1973 году в издательстве политической литературы в Киеве вышла работа Клина Дмитрука «Свастика на сутанах», в которой помимо описания роли униатской церкви в коллаборационизме также говорится и о дивизии «Га-

личина» [2]. В 1974 году, в 30-летний юбилей битвы под Бродами, вышел сборник воспоминаний участников событий «Бродовский котел» [3], в котором дивизия упоминается уже довольно часто.

В современной российской историографии тема по-прежнему остается малоизученной. Практически во всех работах о коллаборационизме дивизия «Галичина» рассматривается фрагментарно, как, например, в работе О. Смыслова «Проклятые легионы: Изменники Родины на службе Гитлера» [4]. Особое внимание следует уделить работе С. Чуева «Украинский легион» [5], в которой история создания и боевого применения дивизии «Галичина» описана наиболее подробно. Попытки современного украинского руководства уравнивать ветеранов дивизии «Галичина» с ветеранами ВОВ, как борцов за независимую Украину, проведение торжественных маршей бывших участников дивизии в годовщину создания и битвы под Бродами [6] вынуждают вновь обратиться к источникам и научной литературе.

Цель данной работы – на основе введенных в научный оборот источников [7] и опубликованной литературы (украинской, польской, современной российской) проследить участие дивизии «Галичина» в битве под Бродами.

Приказ о формировании дивизии был отдан 17 июля 1943 года. Командиром дивизии был назначен бригаденфюрер СС Фритц Фрайтаг, который прибыл в дивизию 20 ноября 1943 года. В это время основным центром подготовки Галицких добровольцев стал тренировочный лагерь СС в Гейд-лягере/Дембице, куда их перевели 1 августа 1943 года [8, с. 354]. Настоящее боевое обучение дивизии началось только весной 1944 г., когда дивизия была отправлена в тренировочный лагерь СС в Нойхаммер (Силезия). В мае того же года её лично проинспектировал Гиммлер, обратившись к солдатам и офицерам, призвал их к борьбе с «жидо-большевистскими ордами». По общей номенклатуре войск СС дивизии был присвоен № 14, а трём её гренадерским полкам – 29, 30 и 31. Полностью название дивизии звучала как: 14-я гренадерская добровольческая дивизия СС «Галичина» [8, с. 365].

Бой под Бродами.

В июне 1944 года дивизия включена в состав 13-го армейского корпуса под командованием генерала Артура Гауффе, входивший в состав 4-й танковой группы армий «Западная Украина», для укрепления отрезка фронта длиной в 36 километров. Реально же «Галичина» могла удерживать фронт не более 8–12 километров. Однако сам Хауфе оценивал свой участок фронта как безопасный. Таким образом, немецкое командование, не имевшее резервов, попыталось ново сформированной дивизией укрепить тонкую линию обороны возле Львова. Четвертая танковая армия выполняла задачу по обороне района в окрестностях местечка Броды [5, с. 63]. Опираясь на данные разведки Хауфе полагал, что советское наступление начнется через две недели главной целью будут именно Броды – важный коммуникационный узел. Немцы даже не предполагали, что советские войска прорвут фронт на двух участках и охватят Броды в «клещи» [8, с. 385].

28 июня началась переброска дивизии из Нойхаммера на фронт [9]. На 30-е июня 1944 г. дивизия насчитывала в своих рядах: 346 офицеров, 1131 младших офицеров, 13822 солдат – всего 15299 человек. Из них 10400 находились на Восточном фронте. 6 июля 1944 года дивизия получила приказ занимать свои позиции. Данная операция была выполнена к 11 июля. Штаб дивизии находился на юге от с. Соколовка. В северном секторе стоял 31-й полк. К полку был приписан 3-й артиллерийский дивизион. В центральном секторе – с северной стороны от деревни Заболотцы до южной от Суходолов разместился 30-й полк (штаб полка находился около с. Чехив) со 2-м артиллерийским дивизионом. В южном секторе занял оборону 29-й полк (штаб на южной стороне от Ясенова) с 1-м артиллерийским дивизионом. 4-й дивизион тяжелой артиллерии занял позиции около Кавдобиев. Разведполк – на востоке от 29-го полка. Резервный полк дивизии находился в 20 км от линии фронта около Буська. 9 июля, во время авиационного налета, погиб командир 3-го дивизиона артиллерии Ханс Вагнер (его место занял Гюнтер Шпарзам).

В четверг **13 июля** 1944 года, после массовой артподготовки советские войска развернули наступление [9, с. 367]. 3-я гвардейская армия Гордова наступала на позиции 42-го немецкого корпуса. В ходе непрерывных атак около полудня небольшой сектор 42-го корпусу был отброшен назад. 16-я и 17-я немецкие танковые дивизии были брошены в контрнаступление, но налеты советской авиации значительно затрудняли их продвижение. Со своих позиций на второй линии обороны батареи дивизиона зенитной артиллерии вели огонь по советским самолетам.

14 июля около 05.00 утра 38-я и 60-я советские армии начали наступление на восток от Бродов, но сильный дождь и густой туман приостановили наступление, и боевые действия временно прекратились. 30-й полк «Галичины» получил приказ выйти на околицы Подгорцев, на запад от 60-й советской армии. Перемещение полка было связано с утренними действиями советских войск, и преследовало цель укрепить немецкий фронт на востоке от Бродов. На западе от Бродов правое крыло 4-й немецкой армии начало распадаться. 291-й корпус, атакованный 13-й армией Путкова и частями 3-й гвардейской армии, не выдержал натиска и фактически был разбит. Как только прекратился дождь, маршал Конев опять начал наступление.

В 16.00, после полуторачасовой массовой авиа и артиллерийской подготовки, 38-я армия генерала Москаленко и 60-я Курочкина начали наступление на 15-километровом отрезке фронта. Главный удар был направлен на позиции слабых 357-й и 349-й немецких пехотных дивизий. После ожесточенных боев советским войскам удалось прорвать немецкую оборону от 1 до 8 км.

Для того чтобы отбить советское наступление, командование 1-й танковой армии бросило на наступающие армии противника резервную 1-ю и 8-ю танковые дивизии, а также украинскую дивизию Галичина [9, с. 75].

15 июля около 08.30, 30-й полк украинской дивизии вступил в бой с частями 336-й советской стрелковой дивизии недалеко от Круглова и Лес-Ошовицы. Хотя противник преобладал численно и получил поддержку танками, он был остановлен бойцами 30-го полка дивизии «Галичина». В это время массовые атаки 13-й армии Путкова, частей 1-го гвардейского корпуса и воздушные атаки на позиции 291-й пехотной дивизии привели к тому, что дивизия понесла огромные потери и почти полностью утратила боеспособность. В то время, когда советские войска пытались прорваться через немецкую оборону на юге от Бродов, а дивизии генерала Балка их контратаковали, дивизия «Галичина» (без 30-го полка) шла маршем на Колтов.

Заняв позиции в «Колтовском коридоре», дивизия почти сразу вступила в бой с частями 60-й армии генерала Курочкина. Бой не прекращался даже ночью.

16 июля 29-й и 31-й полки получили приказ соединиться с 30-м полком дивизии [9, с. 78]. Форсированным 35-км маршем через Турье, Соколовку и Олесько 31-й полк вышел в сборный пункт в район Подгорцев. Около 18.00 полки прибыли на сборные пункты. Командующий дивизией Фриц Фрайтаг приказал вывести 30-й полк, понесший большие потери, на северо-запад от Колтова за реку Буг до околицы Руды-Колтовской для реорганизации и перевооружения. Попытки полка остановить главный удар советских войск и закрыть коридор успеха не имели. Вечером 31-й полк и остатки 30-го полка пошли в наступление на села Кругов и Лукавец. В это же время 29-й полк начал наступление на Голубец, Гуту-Пеняцкую и Гуту-Верхнебужскую. В ночь с 16 на 17 июля дивизия добилась некоторых успехов обстреливая коридор из 88-мм зениток, и в некоторых участках полностью остановила наступление противника [9, с. 153].

17 июля. На рассвете тяжелые бои шли на севере и юге от Бродов. В район Колтова подошли свежие бронетанковые силы Советской Армии. Теперь численно противник превышал силы дивизии где-то в 6–7 раз, не считая еще и преимущество в воздухе советской авиации. В этот день была разбита 357-я немецкая дивизия. «Галичина» была вынуждена перейти к сугубо оборонительным действиям. Некоторые части дивизии вели успешные бои, но закрыть коридор без поддержки артиллерии и авиации не смогли. Особо жестокие бои велись за Голубицу, Пеняки, Гуту-Пеняцкую, Майдан-Пеняцкий, Кругов, Суходолы, Колтов, Опаки и Лукавец. Под натиском сил противника дивизия начала отступать. К началу ночи фронт дивизии протянулся от околиц Сасова до Подгорцев и на север от Загорцев на 13 км.

18 июля. Советские танки появились в тылу дивизии. Некоторые части дивизии были окружены.

Вначале «Бродский котел» занимал большую территорию овальной формы: с северо-запада на юго-восток – 40 км, с юга до Турьи на севере – 30 км, и примерно такое же расстояние по диагонали с запада на восток. 7 000 солдат дивизии «Галичина» удерживали позиции на юго-восточном секторе котла. На этом отрезке фронта шли ожесточенные бои за Колтов,

Сасов, Белый Камень, а также за господствующие высоты около Подгорцев. В результате этих боев 29-й и 30-й полки дивизии были вынуждены отступить. В ночь с 18 на 19 июля советский спецотряд атаковал штаб дивизии. Дивизионная полиция вместе с сотрудниками штаба отбили атаку. До конца 18 июля 29-й полк прекратил существование как боевая единица. Штаб и остатки личного состава заняли оборону около Подгорцев. Из 275 солдат штабной роты из-под Бродов вернулись только 7 человек. Остатки полка были включены в состав 30-го и 31-го полков дивизии.

19 июля. Немецкий фронт разваливался. 13-й корпус начал готовиться к прорыву из котла. Дивизия «Галичина» защищала северный и часть юго-восточного сектора корпуса. Во время отступления на юг противник перерезал железнодорожную линию Червоны – Броды на север от Олеська и оттуда ударил по корпусу. Введенная в бой советским командованием 359-ая стрелковая дивизия переправилась через Буг и нанесла удар по южному фронту дивизии. Советскими войсками взят город Колтев. Образуется котел длиной 9 на 8 километров, в котором находятся 65 тысяч человек. Но, не смотря на это, дивизия продолжала выходить из котла. Прорыв решили осуществить 20 июля в 03.00.

20 июля. Генерал Ланге (новый командующий корпусом) послал на помощь дивизии несколько немецких частей. В 03.00 началась первая фаза прорыва. В 07.00 появились советские бомбардировщики и атаковали около Белого Камня дивизионную санитарную колонну. Единственная зенитная батарея сбила 5 самолетов противника, но была уничтожена вместе со всей колонной.

До полудня силы корпуса взяли Почапы и высоту 257. Ланге, пытаясь использовать первый успех, отдал приказ левому крылу боевой группы ударить с высоты 257 на Княже, а правому – на Хильчицы и занять господствующую над селом высоту. Корпус начал пробиваться в тыл противника, угрожая перерезать связь и доставку боеприпасов советским войскам. Маршал Конев отдал приказ нанести массированный лобовой удар по корпусу с целью остановить прорыв и полностью уничтожить корпус. Авиация 1-го Украинского фронта проводила постоянную бомбардировку немецких частей. Около 17.00 наступление Ланге было приостановлено. Правое крыло дошло до Княжего, но встретило там советские танки, атаковать которые как без авиационного так и без артиллерийского прикрытия было просто невозможно. В это же время левое крыло и 349-я дивизия вели бои с новыми силами противника, которые подошли с юго-востока [10, с. 153]. В ходе продолжительных боев 31-й полк начал распадаться. Без командира и почти без офицеров (почти всего погибли в боях) полк отступал через Ушню в Белый Камень [10, с. 86]. Остатки дивизионной артиллерии обстреливали перекресток дорог и подходи к Олеську и Подгорцам, обеспечивая отход полка. На совещании командиров частей в маленьком лесу между Белым Камнем и Почапами, Фрайтаг заявил, что он «утратил контроль над своей дивизией» и попросил снять его с должности командующего дивизией.

Ланге удовлетворил эту просьбу и передал командование генералу Линдеманну, забрав Фрайтага в свой штаб [11, с. 154].

21 июля.

В 01.00, без артподготовки, правое крыло группы «Ц» пошло в наступление. Около 05.00 было взято Княже, однако контратака советских частей отбила село. Реорганизационные проблемы и ночные бои на левом крыле задержали его наступление до 04.00. Усиленное личным составом других дивизий левое крыло наступало на Ясиновцы. Продвигаясь на юг, передовые части дошли до Жукова, 17 км на юг от Ясиновцев.. В это время другие группы на востоке от Княжего обошли главные силы противника и прорвались, перейдя шоссе на востоке от Ляцкого.

Пройдя форсированным маршем на юго-запад около 8 км они натолкнулись на 9-ю танковую дивизию генерала Балка. В котле остались главные силы боевой группы «Ц», 349-я, 454-я дивизии и дивизия «Галичина». Ситуация в котле с каждым часом все более ухудшалась: постоянные бомбардировки, недостаток боеприпасов и атаки танков, сжимали кольцо окружения. Попытка 13-го корпуса прорваться успеха не имела. Стало ясно, что организованный прорыв всего корпуса невозможен. Оставалась единственная возможность – прорываться отдельными группами. Под вечер бои разгорелись на околицах Белого Камня, где разведполк «Галичины» и остатки разбитых немецких частей из последних сил удерживали свои позиции.

22-24 июля

На рассвете, 22 июля, в котле размером приблизительно 8 км с запада на восток и таким же расстоянием с севера на юг, разбитый 13-й корпус готовился к последнему удару. Белый Камень теперь остался вне котла, а северная линия окружения передвинулась на южный берег Буга. Кроме разведчиков и некоторых артиллерийских батарей полки «Галичины» прекратили существование как боевые единицы, а остатки их объединялись со смешанными боевыми группами. Назначенное на утро наступление началось в 05.00 с обстрела целей возле Княжего. 13-й корпус пошел в атаку. В ходе боя украинцы уничтожили около 10 танков противника и прошли через Княже. 13-й корпус прорвал окружение вблизи Золочева меж сел Княже и Ясиновцы. Прорыв кольца первоначально составлял всего 150–200 метров, и постепенно немцы «прогрызали» его все больше. «Ворота» простреливались всеми видами оружия и во время прорыва погибли тысячи немецких солдат. Прорвавшийся 13-й корпус не встретился с 48-м танковым корпусом генерала Балка, который должен был оттянуть на себя атаки противника. При таких обстоятельствах Ланге отдал приказ самостоятельно прорываться на юго-запад. Группа поручика Каратницкого (примерно 1000 человек) атаковала Ясенцы с целью прорваться в Залесские леса. Около 07.00 четыре группы перешли шоссе, и дошли до Залесья. В ночь с 22 на 23 июля немцы оставили Жуков. Утром группы соединись с отступающим фронтом. Из 750 солдат дивизии «Галичина», что входили в состав четырех групп, осталось 430. 13-й корпус прорывался на запад, невзирая на посто-

янные бомбардировки советской авиации. Когда стало ясно, что советским войскам не удалось остановить прорыв, и что 13-й корпус пробивается в тылы 1-го Украинского фронта, угрожая перерезать линии связи, маршал Конев перевел некоторые передовые части, наступающие на запад, назад к Белому Камню, Червоному, Почапову и Жукову. Но там они столкнулись с немецкими боевыми группами, прорывающимися из окружения, и в ходе жестоких боев понесли значительные потери. 91-я танковая бригада «Проскуров» (из 3-й гвардейской танковой армии маршала Рыбалко) была почти полностью уничтожена. Остатки штабной роты 29-го полка дивизии «Галичина» пробирались из Белого Камня в направлении Почапова. Около Почапова украинцы встретили немецкую боевую группу и вместе атаковали Княже. Наступление оказалось неожиданно успешным. Смешанная группа перешла через Княже и остановилась на отдых. После, продолжая продвигаться, они встретили еще одну группу, в которой находился командир 29-го полка Дерн.

В ночь с 23 на 24 июля остатки 13-го корпуса прорвались из окружения.

На рассвете битва под Бродами была закончена. На следующий день части Красной Армии еще перестреливались с небольшими немецкими группами, но серьезных боев уже не было [11, с. 154].

Прорвавшиеся остатки 13-го корпуса начинают стягиваться в район Ужгород-Мукачево в Закарпатье. При подсчете общего количества вышедших из котла возникла цифра в 500 украинцев. В район расположения остатков дивизии в полном составе прибывают ветеринарная и техническая роты и большая часть запасного батальона. Итог кампании был плачевен для дивизии. В бой пошло около 11 тысяч солдат. В котле утрачено 7 тысяч – большинство погибли, часть попала в плен. Определенная часть попала в госпиталь, и на их возвращение можно было надеяться. Не принимавший участие в сражении учебно-запасной полк уцелел и сохранил свои кадры – 8 тысяч человек. Из Закарпатья остатки дивизии были переброшены на переформирование в Нойхаммер, где стоял полнокровный запасной полк дивизии. Командовать дивизией, как и раньше, было поручено Фрицу Фрайтагу.

Литература

1. Курах, М. «Українська дивізія «Галичина» в навітленні большевицької пропаганди». – Вісті Братства кол. Вояків 1. УД УНА. – Мюнхен, 1958.
2. Дмитрук, К. Свастика на сутанах / К. Дмитрук. – Киев, 1973.
3. «Бродовский котел, 1944 – 1974». – Львов, Каменяр, 1974.
4. Смыслов, О. Проклятые легионы: Изменники Родины на службе Гитлера / О. Смыслов. – М., 2007.
5. Чуев, С. Г. Украинский легион / С. Г. Чуев. – М., 2006.
6. Иноземцев, П. В Ивано-Франковске марширует СС [электронный ресурс] // Известия. ру. 2008. URL: <http://www.izvestia.ru/ukraina/article3116652/> (дата обращения: 20.04.2009)
7. Українська дивізія «Галичина». Сборник. – Киев-Торонто, 1994.
8. Чуев, С. Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне Третьего рейха / С. Г. Чуев. – М., 2004.

9. Гайке, В-Д. Українська Дивізія «Галичина»: історія формування і бойових дій у 1943-45 р. Накладом Братства кол. Вояків 1-ої УД УНА. Торонто–Париж–Мюнхен, 1970.
10. Бій під Бродами (збірник статей у тридцятиліття). [електронний ресурс] // Видання Братства кол. Вояків Першої УД УНА. 1974. URL: <http://lib.galiciadivision.com/brody/brody09.html> (дата обращения: 20.04.2009)
11. Gdanski J. Galicyjska dywizja Waffen SS // Oblicza Historii. – 2006. – № 6 (11).

ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОЙ ИДЕИ» В XIX В.

Е. Ю. Сотников

Томский государственный педагогический университет

Тема «русской идеи» является одной из центральных тем в русской философии и истории на протяжении уже нескольких столетий, и, несомненно, остается предметом дискуссий на современном этапе развития отечественной мысли. Своеобразие исторической судьбы России, ее миссия и призвание в мире, русская нация, ее религиозные идеалы и нравственные ценности, роль интеллигенции, ее отношение к государству и народу, – все эти философско-исторические вопросы сосредоточились в обсуждении сущности русской идеи.

Вопрос о русской идеи поднимался в трудах В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и др. В них в основном отражен философский аспект. Среди современных исследователей можно отметить А.В. Гулыгу, М.А. Маслина, В.М. Межуева.

Происхождение термина «русская идея» обычно связывают с именем В.С. Соловьева, который в 1888 г. выступил в Париже, с лекцией, которая так и называлась – «Русская идея». В лекции Соловьева этот термин является уже устойчивым оборотом с вполне определенным смыслом, который с того времени получил широкое распространение в трудах самых разных авторов. Соловьев писал, что русская идея «не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет собой лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них» [1, с. 20]. Сверхидеалом нации Соловьев считал «не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». [4, с. 29].

В более общем словоупотреблении понятие «русская идея» встречалось еще до Соловьева и восходит, вероятней всего к Ф.М. Достоевскому, писавшему в 1861 году следующее: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые

с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» [1, с. 20].

Н.А. Бердяев так же написал книгу «Русская идея», смысл которой сводился к «братству народов, искание всеобщего спасения». Кратко она сформулирована как «все ответственные за всех».

Само же зарождение идеи относится к началу XIX в. «После победы над Наполеоном Россия оказалась втянутой в самую гущу европейской политики, обрела значение одной из самых влиятельных политических сил на европейском континенте. Это побудило мыслящих русских людей задуматься об отношении России к Европе, о том, что их связывает и разделяет между собой. Именно тогда впервые заговорили о «русской идее» [2, с. 5].

Историческим стартом «русской идеи» все чаще называют деятельность русских славянофилов в 30–50-е гг. XIX в. Искать эту идею ранее – «со времени обрития первой бороды Петром I» (А.И. Герцен) или с патриотических призывов древнерусского митрополита Иллариона (М.А. Маслин) – с точки зрения исторической науки бессмысленно. Лишь к тому времени немецкая романтическая философия сформулировала сам критерий значимости национальной идеологии для исторической градации народов. Только тогда идеология самообоснования нации обрела общезначимый политический смысл [3, с. 8].

Именно к этому времени в России по-настоящему назрел кризис традиционного общества, который всегда сопровождался кризисом национальной идентичности и всплеском национального самосознания. России был брошен и социальный, и интеллектуальный вызов. Ответом на него стало славянофильство.

Кроме этого был и другой вызов. Была создана государственная идеология «православие-самодержавие-народность», которая претендовала на идеологическую монополию в стране. Это была попытка превратить государственное самосознание в национальное.

Славяне в ответ на это противопоставили подчиненной православной иерархии идеал церкви, свободной и самостоятельной; деспотическому самодержавию – идеал самоограниченной патриархальной монархии; «официальной народности» – идеал общинной нравственности и согласия. Это те идеалы, которые опирались на реальные черты России середины XIX в.: большое значение православия в обществе; монархический строй; крестьянская община.

Русской образованности было изначально присущи целостность и ограниченность, «преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного». В этом, по Киреевскому, и состоит преимущество русского духа, его превосходство над европейским, которым он обязан исключительно православию, ибо только оно сохранило себя от указанного дробления, избежало рационализма и индивидуализма. Однако Россия находится только у начала своего пути, время её расцвета ещё не

наступило. Ей только предстоит создать свою самобытную социальную культуру содействовав, тем самым, возвращению Европы к её христианским духовным истокам. Причем само православное просвещение должно при этом органически усвоить все лучшие достижения западной образованности, соединиться с ними в высший духовный синтез.

Именно в православии славянофилы видели сущность русского духа. Как глубоко религиозные, мыслители они полагали, что в создании целостной и самобытной православной культуры заключается истинный путь и судьба России, смысл ее национальной идеи.

Как писал Н.А. Бердяев, «славянофильство не государственная идеология, а общественная». Идеология общественная против идеологии государства – такова была альтернатива славянофилов. В этом же – первоначальный общественный смысл «русской идеи» [3, с. 9].

Литература

1. Гулыга, А. Творцы русской идеи. – М., 2006.
2. Межуев, В. О национальной идее // Вопросы философии. – 1997. – № 12.
3. Шпагин, С.А. Русская идея и государственная идеология. // Русская идея и современность. – Томск, 1999.
4. Соловьев, В.С. Русская идея. – СПб., 1991.
5. Киреевский, И.В. Критика и эстетика. – М., 1979.

БЫТ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1994–1996 ГГ.)

О. А. Тарасов

Томский государственный педагогический университет

Когда говорят о событиях в Чечне рубежа XX–XXI вв., то обычно касаются либо политических, либо военных вопросов. Все это уже неоднократно муссировалось в печати и на телевидении, но кроме боевых действий идет и обычная жизнь военнослужащих. Как правило, повседневная, «окопная» жизнь солдат и офицеров остается без внимания журналистов, политиков и даже исследователей.

Цель данной работы – подробно проанализировать повседневную жизнь российских солдат в период войны на территории Чеченской республики в 1994–1996 гг. Актуальность данной проблемы объясняется тем, что успеху в достижении поставленных военных задач способствует много факторов, среди которых квалифицированно организованный быт солдат – один из наиболее значимых.

По свидетельствам очевидцев, там, на передовой не говорили о «матушке» России, о сохранении территории, о национальном интересе. Командиров волновали более земные проблемы: где взять дров, воды, самая

острая проблема – хлеб, обеспечить солдат баней, ремонт техники, убежать от пули снайпера. А на войне солдаты также живут, спят, едят, радуются или печалются, подшучивают друг над другом, парятся в бане, играют на гитаре, чистят оружие, приводят в порядок амуницию.

Война на территории Чечни имела свою специфику. В первую очередь, это большая грязь. В Чечне черная, бесснежная земля. При плюсовой температуре она превращается в жидкое месиво, в котором увязает даже гусеничная техника. А солдату и подавно несладко. Ни тебе поспать, ни помыться, ни поесть нормально. В наступлении действительно тылы могли и отстать.

Трудно помыться на передовой, выспаться в тепле, но еще большей проблемой было вовремя и грамотно организованное питание. В сутки солдату положены общевойсковой паек (полуторная норма) плюс дополнительные продукты (колбаса, печенье и ряд других). Как заявил начальник Тыла Вооруженных сил РФ генерал-полковник В. Чуранов, питание в боевых порядках решением министра обороны генерал армии П. Грачевым осуществляется вообще без норм [6, с. 3].

Первостепенное внимание в ходе боевых действий уделялось питанию. Несмотря на полновесность нормы продовольственного пайка (4.189 килокалорий), солдаты и офицеры получали дополнительное питание: в сутки – 100 г мяса, 20 г масла сливочного, 30 г сахара, 50 г печенья, 250 г молока или сока, 30 г сыра [1, с. 1]. Горячая пища готовилась на более чем 110 продовольственных пунктах, хлеб на гражданских и полевых хлебозаводах. Разносчики в термосах доставляли пищу в окопы, на боевые позиции.

Кроме того, у солдат имелись сухие пайки, спиртовки для их разогрева. Сначала были проблемы с водой, вскоре она стала доставляться специальным транспортом из проверенных источников. Для размещения личного состава развернуто 1.5 тысячи палаток, баня – как в стационарных банно-прачечных комбинатах, так и в полевых штатных войсковых средствах, как и положено, – раз в неделю. Активно работала и военная торговля: были буфеты, автолавки. Сбои возникали при изменении боевой обстановки, оперативном передвижении войск, при затяжных боях.

Русский военный психолог Р.К. Дрейлинг среди важнейших факторов, влияющих на психику бойца, называет «особые условия военного быта, вне привычных общественных и экономических отношений, тяжелый труд, производимый, например, пехотинцем в полном вооружении и снаряжении, превосходит по количеству расходуемой энергии тяжелые формы не только профессионального, но и каторжного труда» [2, с. 160].

Зимой 1995 года на батальонном ПАКе (полевая армейская кухня) давали щи и кашу без соли и мяса, а чай без сахара. Ровно через год, зимой 1996 года, норма была такой: к порции каши и щей прилагалась банка тушенки на пятерых и банка кильки на сутки. А вот летом 1995 года в бригаде солдаты получали колбасный сыр, копченую колбасу, сок, патиссоны и печенье. Правда, все это в очень малом количестве и совсем недолго [3, с. 33].

Сигареты выдавались из расчета пачка на два дня. Как правило, это была «Прима». Курево быстро заканчивалось, и начинался дружный сбор «бычков», курильщики собирали остатки табака из окурков в кисеты.

Когда заканчивалась еда, нередко питались подножным кормом. Солдаты с вещмешками по близлежащей местности искали все съедобное: лесные орехи, грибы, ломали камыши, рвали щавель, крапиву, подорожник, ковыряли коренья лопуха и дикого тюльпана. У лопуха ценность представляет корень. Его употребляли в пищу в сыром, вареном, жареном и печеном видах. Из поджаренных корней лопуха получался неплохой кофе, а – из высушенных делали муку. Также в пищу использовался камыш. В дело шли корни и белая сердцевина. Особой «популярностью» пользовался дикий тюльпан. Его отварные луковицы вполне заменяли картофель, хотя вкус имели специфический. Крапива, подорожник, щавель – использовались для приготовления супов и салатов [4, с. 30].

Перед отправкой на сборном пункте солдатам выдавали «песочную» форму, так называемые «афганки», летний и зимний комплекты, белье, портянки, мешок, кирзовые сапоги, солдатский ремень с бляхой и головной убор. Также в солдатское снаряжение входили палатка, котелок и фляжка.

Зима в полевых условиях тяжела. На Северном Кавказе она не морозна, снег появляется довольно поздно. Днем он подтаивает и вперемешку с глиной хлюпает под ногами, ночью все замерзает. Это требовало решать проблему с обогревом личного состава. В 1995–1996 гг. преобладали стандартные чугунные буржуйки.

Наступление холодов, как правило, знаменовалось нашествием вшей. Способы борьбы были довольно простые: кипячение одежды, ее прожарка или просто замачивание на сутки в воде с мылом или порошком. Прожаривали одежду, если была возможность, на выхлопных трубах танков. Эта мера была очень эффективна. На уровне бригады организовывалась паровая обработка одежды в специальной машине. Но мероприятие это было редким и впечатляющих результатов не приносило. Белье очень часто поступало с яйцами насекомых. С наступлением тепла эта проблема сама собой отпадала.

Животрепещущим был вопрос об алкоголе. Конечно, без спиртного не обходилось. Однако его употребление в боевых условиях было сопряжено с большими трудностями. Во-первых, деньги солдатам на руки не выдавали, поэтому много выпивки приобретать не удавалось. Вторая проблема – где купить. Такой шанс предоставляется при сопровождении колонны, но это ведь не каждый день бывало. Стоит какой-нибудь взвод в поле один и никуда не выезжает месяцами, вот и попробуй, спейся. Конечно, этот вопрос легко решался на блокпостах, но не все же туда попадают и не на весь срок службы. В-третьих, дисциплина все-таки существовала, и поклонник алкоголя рисковал попасть в яму или на гауптвахту. Некоторые гнали брагу, но это тоже было сопряжено с определенными трудностями и не было поставлено на широкий конвейер. Другое дело, что все только и мечтали достать

выпить, а, выпив, как правило, что-нибудь да вытворяли. По приезде домой бывшие срочники и контрактники, естественно, вспоминали яркие и веселые эпизоды, а они без пьянки не бывают. О них и рассказывали, а у слушателей складывалось мнение, что в армии только и делают, что пьют.

Отдельно следует сказать про обустройство военных лагерей. Лагерь окапывали рвами и насыпями со всех сторон. Оборудовался плац. Сначала это была просто ровная площадка. Потом она укладывалась плитами. В большом почете у отцов-командиров было украшение дорожек камушками, гильзами от снарядов. Палатки были обычные, армейские, на взвод, роту или отделение. Зимой их иногда утепляли – натягивали внутри второй слой ткани. Обязательными атрибутами палатки являлись печь и деревянный настил, на котором спали солдаты. Кровати и какие-либо спальные принадлежности порой отсутствовали, это было привилегией только некоторых офицерских палаток. Практически каждому солдату выдавали громоздкий спальный мешок, свертываемый наподобие конверта, и солдатские одеяла из расчета одеяло на 2-3 человека. Никаких подушек, матрасов и простыней не было. Одеяла и прочие принадлежности для сна чаще были трофейными и переходили по наследству. Все личные вещи, одежда и обувь хранились в палатке, там, где находилось свободное для них место. Там же хранился необходимый для жизни инструмент: топоры, пилы, лопаты и прочее. Иногда роль каптерки выполнял крытый кузов грузовой машины.

Солдаты часто прикармливали собак и кошек дворняг. Собаки не служебные, но жили в вольерах, которые прозвали «зонами релаксации». А кошки гуляли сами по себе по палатке или поближе к кухне. Лучшую психологическую разгрузку сложно было найти.

В районе боевых действий разведение костров чревато большими проблемами, а этот источник тепла зачастую является единственным для обогрева личного состава. В таких случаях в качестве грелки большинство солдат использовали флягу с водой, которою подогревали на таблетках сухого горючего. Горячую флягу располагали так, чтобы между ней и телом было нательное белье или еще что-либо из одежды, чтобы избежать ожога. По мере остывания флягу клали ближе к телу.

В качестве дешевой альтернативы для сохранения тепла на посту, в засаде или во время ночевки использовали газету, но не по прямому назначению, а в качестве теплоизолирующего материала. Газету располагали под одеждой и наматывали на ноги в качестве портянок. Для продления срока службы шерстяного вязаного носка использовали женские капроновые чулки. Их обрезают и надевали поверх носка. Носки не протирались даже в мокрых ботинках, и служили не менее года, что было важно для кавказского климата [5, с. 10].

Сердцем и лицом городка была обычная русская баня, обычно её делали по всем правилам деревенские парни из подручных материалов. Вручную рыли небольшой котлован, сверху укладывали любые доски, трубы, накрывали всё это брезентом от БТР и засыпали землей. Получался не-

большой блиндаж, внутри которого устанавливалась печь – буржуйка, а стены и пол обкладывали пустыми ящиками из-под боеприпасов. Топить приходилось с самого утра, чтобы к 3–4 часам дня можно было париться. Воду брали в худшем случае из отстоявшихся луж и грели в котелках. Парились в блиндажах, а мылись на улице.

С дровами было тяжело, поэтому в топку шло все ненужное. «Дровяная» проблема была одной из самых острых. Сырость, постоянные дожди и мокрый снег давали о себе знать. Стоило постоять на земле некоторое время, как ноги у солдат сразу коченели. Даже сидя у костра, трудно было согреться. Можно представить, что чувствовал солдат на позиции в окопе, лежа на сырой, холодной земле, которому не то, что ноги размять, голову высунуть нельзя.

Так же при длительном расположении на месте любые помещения строили из самана – размоченной глины, смешанной с соломой или травой. Из этой смеси делали «кирпичи» (формами для них служили ящики из-под патронов с вырезанной крышкой и дном), которые просушивались на солнце и дальше использовались для кладки. В качестве раствора применяли ту же глину. Не каждая пуля и даже снаряд брали эти стены. В летний зной в таких сооружениях всегда было прохладно, а в холода тепло. Глины на территории Чечни предостаточно, не зря ведь ее в солдатской среде окрестили «пластилиновой страной».

Из приведенного выше материала видно, с какими трудностями пришлось столкнуться обычным российским парням 18–19 лет от роду. Они с честью выполняли на чеченской земле приказы Родины, защищая ее от незаконных бандитских формирований. Они смогли отстоять суверенитет России от посягательств извне.

Литература

1. Алтунин П. Проблемы со снабжением войск есть. Но они решаются // Красная звезда. – 1995. – 25 января. – С. 1.
2. Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. – 480 с.
3. Зябкин П. «Мирная» жизнь в Чечне // Солдат удачи. – 2007. – № 7. – С. 30–33.
4. Илющенко Р. Уроки выживания: поможет смекалка // Братишка. – 2006. – № 11. – С. 29–31.
5. Иностранец С. Чтобы сражаться как зверь и умереть как человек // Солдат удачи. – 2006. – № 4. – С. 10.
6. Хабаров В. И только грязь, грязь, грязь из-под шагающих сапог // Красная звезда. – 1995. – 13 января. – С. 3.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛА БЕРЛИНКА В КОНЦЕ XIX–XX ВВ.*

Е. А. Бабенко

Томский государственный педагогический университет

Миграционная активность населения, межэтнические конфликты делают актуальными вопросы межэтнического взаимодействия. В контексте межэтнического взаимодействия одним из главных вопросов является этнический состав населения. Для детального изучения этнического состава продуктивным представляется выход на локальный уровень. В качестве рассматриваемой территории выступает с. Берлинка Зырянского района.

Источниковую базу составляют похозяйственные книги, полевые материалы автора, архивные документы. Главная ценность похозяйственных книг состоит в том, что в нем представлен систематический учет сельских жителей. Похозяйственные книги имеют существенную информативную емкость. Одним из достоинств этого вида источника является возможность проследить изменения этнической ситуации в изучаемом регионе. Но, несмотря на все достоинства этого вида источника, имеются в нем и ряд существенных недостатков. Наблюдаются ошибки в нумерации внутри документа, недобросовестное заполнение граф, в некоторых книгах может отсутствовать отметка о национальности, причем существует не проблема этнической самоидентификации, а некачественное заполнение соответствующих граф [1, с. 20]. Не заполненность этих граф особенно возрастает в последнее десятилетие. Из этого источника можно почерпнуть сведения об экономическом состоянии населения, образовании, месте работы, национальности. Многолетнее использование одних и тех же похозяйственных книг затрудняет работу с ними. Для исследования использовались похозяйственные книги 1950–2000-х гг. К сожалению, в архиве Зырянского района удалось найти только книги начиная с 1950-х гг. Архивные источники, относящиеся к 60–80-м гг. XIX в., не дают сведения о национальном составе крестьян-переселенцев. Среди архивных документов обнаружены различные ведомости об успехах водворения переселенцев на переселенческие участки. Документы, содержащие правила переселения, прошение переселенцев о выдаче им ссуды.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-64107 а/Т

Еще одним видом источника стали полевые материалы, собранные автором в с. Берлинке в 2007–2008 гг. Полученные сведения касались этнического состава, традиционной культуры различных национальностей, межэтнического взаимодействия.

Относительно даты возникновения села Берлинка известно две даты 1889 и 1893 г. Согласно архивным документам то в 1889 на месте села Берлинка был переселенческий участок, который назывался Комиссаровкой. В архивных документах содержатся ведомости об успехах водворения и причисления переселенцев на переселенческие участки по Мариинскому округу по указу от 13 июля 1889 г. в пос. Берлинском – Комиссаровский участок [2. Л.20]. По сведениям, полученным от информаторов, называется 1893 г. Фамилии первопоселенцев подтверждены и воспоминаниями старожилов. Одна из версий происхождения названия села произошла от р. Берла, в переводе с тюркского «волчья река». Раньше там было очень много волков и медведей [3].

Первым жителем села был Абрам Павлович Перминов. Он выходцем из центральных районов России. Его первый дом сохранился до сих пор и в нем сейчас проживает семья Борисовых. В 1893 г. из Курской губернии в Берлинку переехали семьи Тимофеевко, Шашины Точеновы, Лимановы. По сведениям информаторов: «Мой дед по матери Григорий Тимофеевко так рассказывал, привезли их сгрузили вещи под сосной, жена его как заголосила. Лето было. Дед взял лопату, помолился Богу и начал копать землянку» [3].

По воспоминаниям старожилов внутри село делилось на края, где жили пензяки был пензенский край, в середине деревни вятские, и курский край. «Мы, пензяки, строились за болотом, где жили почти одни Борисовы, и родня и однофамильцы» – рассказывали информаторы. До сих пор один край села называют пензенским, другой – курским.

Сведения, характеризующие этнический состав первой половины XX в. обнаружить не удалось. Усиление гетерогенности населения связано с этническими депортациями 1930–1950 гг.

С началом Великой Отечественной войны появилась новая волна переселенцев. Появились люди из Белоруссии, Украины, Прибалтики. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Молдавии». 28 августа 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21–160 «О переселении немцев, проживавших в районе Поволжья». Причиной выселения немцев в этот период времени стали необоснованные обвинения « в пособничестве германским шпионам». Таким образом, на изучаемой территории появились латыши, молдаване, немцы и др.

При выселении разрешалось брать с собой только небольшие запасы продовольствия и мелкие вещи. В результате депортаций немецкого этноса на изучаемой территории появляются семьи с такими фамилиями как Бренинг, Клейман, Келлер, Май и др. По рассказам Бренинг Леона Ивановича

их семья попала в Берлинку с Кавказа: «Отца забрали в трудовую армию, а нас в сентябре 1941 г. погрузили в телячьи вагоны, куда везут не сообщили. Привезли нас в Асино, а дальше, на какую лошадь сядешь туда и отвезут. Здесь переселенцев селили к кому-нибудь». [3]

По данным на 1952–1954 г. немцев числилось 15 % (39 человек) от общей численности, латышей приходилось на общую долю населения – 12 % (35 человек). Если рассматривать численность латышей к 1957 г., то их количество сокращается на 5 %. Уже в 1971–1973 г. немцев осталось 3 %, а латышей 1 % . Отрицательная динамика этих категорий населения являлась результатом возвращения их на родину.

Указ 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» позволил немцам возвращаться в места бывшей АССР немцев Поволжья. Но указ не был опубликован в широкой печати, ни даже представлен советским немцам для ознакомления.

Миграционные процессы, фиксируемые похозяйственными книгами, проходившие в 1970-е – 1980-е гг. в составе населения с. Берлинка появляются татары, марийцы, чувашы, узбеки, башкиры, цыгане. Общее их количество составляло 8 %, основной же массой населения остаются русские 92 % (465 человек). В 2000-е гг. основной массой населения являются русские, доля нерусского населения составляет 11 %. Среди них можно встретить узбеков, чувашей, азербайджанцев, корейцев, татар, белорусов, украинцев. Также следует отметить, что далеко не у всех членов семей указана национальность.

В результате такого разнообразного этнического состава населения на изучаемой территории межэтническое взаимодействие происходило в брачно-семейной сфере и повседневности, на уровне ежедневных контактов. В связи с этим возникали различные клички, дразнилки населения одной национальности от другой. Например, белорусов называли «бульбаши», украинцы – русских «кацап». В первую очередь назывались различия в языковой сфере. Здесь следует отметить трудности в этой сфере, связанные с незнанием языка. Это отмечалось среди немецкого, белорусского населения. Так как не было национальных школ, а были только школы на русском языке, то дети шли в школу позже положенного возраста [3].

Существовали различия и в одежде. Например, все информаторы называли одним из главных отличий это вышитую одежду. Ношение вышитого фартука и по способу завязыванию платка на голове. Несмотря на различия, отмечалось, что никаких конфликтов на национальной почве не возникало. Но было недовольство немцев русским населением. Немцы отмечали безответственное поведение со стороны русского населения по отношению к хозяйству. Например, Л. И. Бренинг говорил: «Надо было на полях работать, а русские уже несколько дней Троицу празднуют» [3].

Таким образом, село Берлинка первоначально являлось переселенческим участком. Первыми жителями села были переселенцы из Курской гу-

бернии. Первые переселенцы представляет собой добровольный (без правительственного вмешательства), неорганизованный характер заселения территории. Также много поселенцев было из Пензенской, Вятской губерний. По сведениям, полученным по периоду XX в. удается зафиксировать разнообразный этнический состав населения. Середина XX в. было временем массовых депортаций и выселений. Этнический состав разнообразился за счет немцев, латышей, украинцев. Со второй половины XX в. крупных миграционных потоков не выявлено, можно проследить лишь незначительные передвижения населения внутри района. Этнический состав разнообразился за счет узбеков, азербайджанцев, татар.

Превалирующим компонентом населения села Берлинка является русский этнос. Этнически смешанный состав населения обеспечивает активизацию межэтнических контактов, как на бытовом уровне, так и в брачно-семейных отношениях. Можно заметить тенденцию утрачивания знаний о национальных традициях, увеличения численности населения называющих себя русскими.

Литература

1. Гончарова, Т. А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI вв.) / Т.А. Гончарова. – Томск, 2006. – С. 226.
2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 129. Л. 20.
3. Полевые материалы автора.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУНКИНСКИХ И ОКИНСКИХ СОЙОТОВ

Ч. К. Иргит

Томский государственный педагогический университет

Характерной особенностью кочевий тувинских племен в XVII в. была их рассредоточенность на обширной территории. Некоторые из них кочевали в Минусинской котловине, другие – в долине Иртыша, в верховьях Оби, по р. Кобдо, а также в районе оз. Косогол и в верховьях р. Иркут [18, с. 148]. Такое широкое территориальное размещение привело к образованию к концу XX в. нескольких этнографических групп, признающих себя тувинцами или родственными с ними. Одной из таких групп являются сойоты, ныне проживающие в Республике Бурятия.

Цель настоящей статьи изложить краткую историю изучения сойотов, осевших в верховьях рек Иркут и Ока. В этнографической науке и по источникам XIX–XX вв. они известны под названиями тункинские и окинские сойоты. В истории изучения сойотов условно выделим два периода: 1) вторая половина XVII века – 1930-е гг.; 2) с 1970-х гг. по настоящее время. В основе деления лежит способ сбора и характер собранного материала. В первом периоде сведения собирались попутно и характеризовались отрыв-

вочностью. Со второго этапа начинается целенаправленное научное изучение языка и культуры сойотов.

Первые упоминания о сойотах верховьев р. Иркута содержатся в русских источниках второй половины XVII в. Связаны они со строительством Иркутского острога. Район, прилегающий к современному Иркутску, в то время был заселен бурятскими племенами и их кыштымами – эвенкийскими группами. В 1660 г. на р. Иркут был направлен отряд казаков во главе с Я. Пахабовым для сбора ясака с бурят. В верховьях Иркута отряд столкнулся с группой иргитов князя Яндаша. Именно эти иргиты, обратились с просьбой поставить вблизи их кочевий острог с тем, чтобы оградить их и кочующих рядом с ними бурят и эвенков от набегов монгольских князей. В 1661 г. по приказу енисейского воеводы на правом берегу Ангары против устья Иркута был сооружен острог для призвания «яндашных и тувинских людей и вновь иных неясачных людей» в русское подданство [3, с. 126; 18, с. 161].

Сведения об уплате ясака «иркутскими» сойотами (по источникам XVII в.) хорошо исследованы Б.О. Долгих (1960). По его данным, сойоты, управлявшиеся князем Яндашем, уплатили ясак в русский острог в 1661 и 1662 гг. Но в дальнейшем перестали платить ясак в Иркутский острог. С 1669 по 1675 гг. внесение ими ясака в отмеченный острог не зафиксировано [1, с. 298]. Сойоты верховьев р. Иркута снова стали платить ясак с 1676 г. после постройки нового Тункинского острога (1675), исправно внося его с 1681 по 1701 гг. [1, с. 295]. В карте расселения родов народов Сибири XVII в., составленной Б.О. Долгих, «иркутские» сойоты отмечены как сойоты-ирхинцы.

Постройка тункинского острога способствовала перемене ориентации сойотов в сторону Российского государства. Часть этих тувинцев жила на Иркуте около и выше Тунки, часть – в верховьях р. Уры, притока р. Эгингола, вытекающей из оз. Косогола [1, с. 298].

В первой четверти XVIII в. тункинские сойоты продолжали считаться подданными Российского государства. В 1727 г. между Китаем и Россией был заключен Буринский трактат, предусматривавший демаркацию границ в Южной Сибири. По нему тункинские сойоты окончательно остались в составе России. В силу исторических событий эта часть тувинцев оказалась отделенной от основной массы тувинского населения. С этого времени историко-культурное развитие тункинских сойотов шло в иноэтнической среде, где они постепенно стали подвергаться процессу обурячивания. Но к концу XVIII в. сойоты Тунки еще говорили на тюркском (сойотском) языке, о чем имеется свидетельство немецкого географа XVIII в. Антона Фридриха Бюшинга, утверждавшего, что язык тункинских сойот тот же, что у карагасов Нижнеудинского уезда (Цит. по: [17, с. 13–14]).

В XIX в. появляются отрывочные, но более конкретные сведения о сойотах Тунки. В марте 1848 г. М.А. Кастрен во время большого путешествия по Сибири совершил поездку в Тункинскую слободу Иркутской губернии, где собрал очень ценные сведения о проживавших там сойотах. Ученый со-

общил, что они составляли всего один род Иргит (этот же род упоминался в источниках XVII в. – Ч.И.). По преданию, эти сойоты жили некогда в Верхнеудинском округе на реке Сикир, откуда перешли в Тунку и здесь разделились на две ветви, из которых одна жила в горной стороне по рекам Оке, Гаргане, Хальби и Ханшуне; другая же – на равнине в бурятском улусе Буха-Горхон [5, с. 269]. Ко времени путешествия М.А. Кастрена тункинские сойоты совершенно обурятились, о чем ученый писал: «Степные сойоты в настоящее время чистые буряты, горные же сохранили еще кое-что из нравов и обычаев отцов своих. Все сойоты теперь поклонники ламы и говорят по-бурятски. Уверяют, что горные сойоты в недавнем еще времени говорили тем же самым тюркским наречием, которым говорят карагасы, но теперь то наречие в Тункинской области не существует уже. Вместе с языком сойоты утратили почти и всякую память о старине своей» [5, с. 269]. М.А. Кастрен указал причину утраты языка и особенностей традиционной культуры тункинскими сойотами: «Так как тункинские сойоты составляли только один род, то они и принуждены были брать себе бурятских жен и через то, усвоили себе нравы и образ жизни бурятов» [5, с. 269]. М.А. Кастрен был убежден в общности самоедского происхождения тункинских сойотов с карагасами.

В 1873 г. с сойотами района Тунки беседовал И.Д. Черский. Отыскав единственного старика, знавшего сойотский язык, он записал несколько слов. Часть записанных слов, в том числе и счет, оказались тюркскими.

Удалось разузнать И.Д. Черскому и о прежней родине сойотов. Отцы их выкочевали из Саянского хребта [19, с. 246–247].

Таким образом, в источниках XVIII–XIX вв. содержатся очень краткие и отрывочные сведения о тункинских и окинских сойотах; исследователи больше всего обращали внимание на сохранение ими своего языка, как одного из явных признаков этнической принадлежности. Отсутствуют записанные сведения по их этнографии.

В 1902 г. ботанические исследования в восточной части Саянского нагорья проводил В.Л. Комаров. В районе оз. Ильчир он со своими спутниками встретил двух сойотов-охотников с четырьмя заседланными оленями. В.Л. Комаров упомянул важное сообщение о хозяйстве окинских сойотов – они являлись оленеводами. Он писал, что северные олени – главное богатство этого маленького племени, отделенного от родственников ему урянхайцев [6, с. 101].

В 1926 г. Иркутским Местным комитетом Севера была организована Сойотская экспедиция во главе с профессором Б.Э. Петри. Эта была первая специальная экспедиция с целью изучения хозяйства, быта и культуры окинских сойотов. Одной из ее задач было выяснение положительных и отрицательных сторон перехода сойотов от оленеводства к скотоводству и земледелию. В ходе экспедиции были собраны очень ценные этнографические сведения об окинских сойотах:

1. В хозяйственном отношении Б.Э. Петри выделил пять групп окинских сойотов: 1) Оленная группа, занимающаяся преимущественно оленеводством и пушным промыслом; 2) Переходная группа от оленеводства к скотоводству; 3) Скотоводы; 4) Беженцы (экономические – разорившиеся оленеводы, политические – беженцы из Монголии из-за гражданской войны); 5) Сойоты-земледельцы, обладающие незначительным количеством скота и мало промышляющие [10, с. 14].
2. О верованиях Б.Э. Петри писал, что в отношении культа они застали у сойотов полный расцвет ламаизма с некоторыми остатками шаманства [10, с. 18].
3. По родовому составу Б.Э. Петри зафиксировал у окинских сойот два рода – Иркит и Хасут. От Иркита осталось мало потомства. Хасуты размножились. Женщин у рода Иркит мало и приходится брать буряток. Большинство обследованных замужних женщин оказалось бурятками [10, с. 19]. О вынужденности сойотов брать в жены буряток еще в первой половине XIX в. сообщал М.А. Кастрен.
4. В отношении территории сойоты не поддаются выделению, т.к. живут разбросанно на огромной территории чересполосно с бурятами [10, с. 19].

Б.Э. Петри не видел дальнейшей возможности сохранения сойотов как народности. Отмечая сильное бурятское влияние у сойотов, выразившееся в формах хозяйства (переход к скотоводству), одежде, домашнем укладе и быте, и главное – в распространении бурятского языка, он заключил, что они есть ассимилированная бурятами ветвь сойотов. Процесс ассимиляции зашел так далеко, что ни о каком возрождении окинских сойотов думать не приходится [10, с. 19].

В 1920–1930-х гг. о хозяйственных изменениях у сойотов писали участник Сойотской экспедиции П.Г. Полторацков [11; 12], а также К. Нефедьев [7].

До 1930-х гг. знание языка сойотами и осознание ими себя самостоятельным от бурятов народом было достаточно устойчивым. С переходом к оседлой жизни ситуация стала меняться. Особенно отрицательно сказалось ликвидация оленеводства в 1963 г. как непродуктивной отрасли хозяйства [4, с. 167]. До начала 1990-х гг. о сойотах практически ничего не было известно и считалось, что они окончательно обурячены. Но в 1970-х гг. во время диалектологической экспедиции в Окинский район В.И. Рассадин [16] зафиксировал знание несколькими стариками сойотского языка. С последней четверти XX в. возобновляется прерванное в 1930-х гг. научное изучение сойотов. С 1970-х гг. язык и культура сойотов изучается В.И. Рассадиным [13, 14, 15, 16]. Вопрос о происхождении сойотов рассматривался Б.С. Дугаровым [2] и Л.Р. Павлинской [8, 9].

Подытожим рассмотренный материал. По данным источников можно утверждать, что в начале XVII в. сойоты жили уже на занимаемой ныне

территории, возможно, появились здесь еще раньше [4, с. 166]. В XIX и к началу XX вв. выделялись две группы сойотов: 1) сойоты, осевшие в Тунке и оставившие оленеводство из-за отсутствия географических условий для его ведения; они стали перенимать скотоводство у бурят [16]. Известны как тункинские сойоты; 2) сойоты-олeneводы, переселившиеся на местность Ильчир в верховьях р. Иркут с хорошими пастбищами для оленей [16]. Эта группа окинских сойотов. В основе деления лежит географическое проживание и хозяйственная деятельность. Примечательно, что за ними остался и в дальнейшем закрепился этноним сойоты (одно из прежних названий тувинцев, использовавшееся по отношению к ним до 1920-х гг.).

В 1990-х гг. на волне национально-культурного возрождения народов России сойоты Бурятии отстаивали свое право на существование в качестве малочисленного народа Сибири. В 2000 г. они были включены в перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Литература

1. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б.О. Долгих. – М., 1960.
2. Дугаров, Б.С. О происхождении окинских сойот / Б.С. Дугаров Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983. – С. 90–101.
3. Дулов, В.И. Основание Иркутска и тувинские племена XVII столетия В.И. Дулов // Ученые записки ГНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. 9. – С. 125–132.
4. Жуковская, Н.Л., Орешкина М.В., Рассадин В.И. Сойотский язык / Н.Л. Жуковская, М.В. Орешкина. В.И. Рассадин // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002. – С. 164–170.
5. Кастрен, М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849) / М.А. Кастрен. – Тюмень, 1999. – Т. 2.
6. Комаров, В.Л. Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 г. / В.Л. Комаров // Известия РГО. – 1905. – Т. 41. – Вып. 1. – С. 23–154.
7. Нефедьев, К. Окинские сойоты / К. Нефедьев // Советский Север. – 1930. – №3. – С. 114–118.
8. Павлинская, Л.Р. Окинские сойоты: методы и механизмы разрушения этнической культуры / Л.Р. Павлинская // Материалы полевых этнографических исследований 1990–1991 гг. – СПб., 1993. – С. 37–39.
9. Павлинская, Л.Р. Кочевники голубых рек. (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью) / Л.Р. Павлинская. – СПб., 2002.
10. Петри, Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах / Б.Э. Петри. – Иркутск, 1927.
11. Полтораднев, П.Г. Тункинские сойоты (олeneводство и переход к скотоводству) / П.Г. Полтораднев // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 1. – С. 125–131.
12. Полтораднев, П.Г. Тункинские сойоты (олeneводство и переход к скотоводству) / П.Г. Полтораднев // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 2. – С. 94–99.
13. Рассадин, В.П., Цыренова Д.Б. Лексика материальной культуры окинских сойотов / В.И. Рассадин // Проблема бурятской диалектологии. – Улан-Удэ, 1996.

14. Рассадин, В.И. Об оленеводстве у окинских сойотов / В.И. Рассадин // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. – Улан-Удэ, 1999. – Вып. – Ч. 1. – С. 26–27.
15. Рассадин, В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь / В.И. Рассадин. – Улан-Удэ, 2003.
16. Рассадин, В.И. О проблемах возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения (<http://lingsib.ica.ras.ru/round-e/papers/rassadin.shtml>).
17. Санжеев, Г.Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. / Г.Д. Санжеев. – Л., 1930.
18. Сердобов, А.Н. История формирования тувинской нации / А.Н. Сердобов. – Кызыл, 1971.
19. Черский, И.Д. Краткий отчет об исследованиях, проведенных летом 1873 г. в китайских и тункинских Альпах // Известия Сибирского отдела РГО. – 1873 – № 5. – С. 241–247.

ФУНКЦИИ ЗЕРКАЛ В ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

М. П. Каснер

Томский государственный педагогический университет

Бронзовые зеркала встречаются во многих древних и традиционных обществах, они играли важную роль в жизни древних людей. Однако этот тип источников изучен еще недостаточно по сравнению с другими категориями археологических находок. Тем не менее, это один из самых многочисленных типов ритуальных предметов, найденных в погребениях и ритуальных комплексах раннего железного века.

Бронзовые зеркала могут служить также одним из основных археологических источников по магическим представлениям, мифологии и верованиям древнего населения Евразии. Они известны на территории Западной Сибири с эпохи развитой бронзы [22, с. 167]. Несмотря на порой значительные отличия, у всех предметов этой группы можно отметить общие основные черты: круглая форма и приспособления для прикрепления к одежде и другим предметам.

В большинстве исследовательской литературы, в частности, М.Ф. Косарев «Западная Сибирь в древности», В.Д. Кубарев «Древние зеркала Алтая», зеркала связываются с астральными культами, прежде всего, солярным, в некоторых случаях, с культом Луны [10, с. 168]. Начиная с эпохи бронзы у народов Евразии развивается тенденция к передаче образа в виде условных знаков, символов, часто объединяющих различное смысловое содержание [19, с. 134]. На принадлежность бронзовых зеркал к солярному культу указывает, прежде всего, форма в виде округлого диска.

В некоторых случаях на принадлежность данного типа источников к солярному культу указывает орнамент в виде концентрических кругов. На многих орнаментированных зеркалах присутствуют также сюжеты, отражающие мифологию и различные предания [14, с. 75]. Бронзовые зеркала с гравировками и рельефными изображениями различных животных встречаются во многих культурах. Они найдены в погребениях Тувы [7, с. 113], Монголии и Казахстане, а также на территории Западной Сибири [25, с. 96–98]. Покрытые позолотой, серебряные и бронзовые зеркала с великолепными гравюрами найдены в степном Алтае [26. Рис. 2].

Материал, из которого изготовлены зеркала – бронза, имеет также семиотическое значение: блеск, подобный солнечному, связь с огнем и т.п. Фольклор и религиозная практика народов Западной Сибири наделяли медь и ее сплав бронзу высоким семиотическим статусом, в частности, бронзовые принадлежности шаманов свидетельствовали об особой силе их владельцев. Например, из бронзы делали изображения самых могущественных духов-помощников шамана у селькупов [21, с. 44–45]. Бронзовые и медные изделия использовались шаманами Сибири при камлании в Верхний мир [20, с. 76]. Мифологическая функциональность бронзы предполагала ее применение в ритуально-повседневной практике и в общественно значимых ритуалах. Можно выделить две основные функции бронзы: защитная и животворящая способность [3, с. 138].

Расцвет солярной символики в Западной Сибири совпадает по времени с усилением влияния южных культур и широким распространением элементов производящей экономики на этой территории [11, с. 137]. Необходимо также отметить, что гладкие зеркала встречаются в большинстве археологических культур скифо-сибирского мира. Этнографические материалы показывают, что обряды почитания Солнца наиболее ярко выражены у тех сибирских народов, которые по своему происхождению связаны с южными районами или в культуре которых заметен южный компонент (селькупы, кеты и др.) [12, с. 214].

Кроме того, тагарские зеркала являлись одним из атрибутов Великой богини – матери, культ которой был распространен на Переднем Востоке. На этом основании возникает предположение, что зеркала также являются символом плодородия [19, с. 136].

Культовая и магическая роль зеркал у многих народов Евразии общеизвестна. Однако их функции в древних и традиционных обществах несколько отличались. Например, если у скифов и савроматов назначение зеркал было двояким – как предмет женского туалета и атрибута магического ритуала, то кочевники Центральной Азии, очевидно, приписывали им чудодейственные свойства и использовали их в качестве амулета или оберега. Древние кочевники Алтая носили зеркала на поясе, ручкой вверх, в войлочных или кожаных сумочках. Возможно по их представлениям, в зеркале заключалась душа человека, и оно имело волшебную способность предсказывать прошлое и будущее, поэтому зеркала в период тагарской культуры

не были предметом чисто женским: они в одинаковой степени присущи как женским, так и мужским погребениям.

Скифы считали зеркало атрибутом божественной власти и источником магических сил [14, с. 72–73]. У савроматов оно было ритуальным атрибутом жриц, и прежде чем положить зеркало в могилу его ломали [23, с. 152], нередко помещали в огонь [6, с. 69]. Возможно, это делалось с целью высвободить душу умершего человека.

Зеркала, судя по древним текстам, играли определенную роль в разного рода ритуальных действиях у китайцев [24, с. 73–74]. Они рассматривались китайцами как в высшей степени эффективное магическое средство, в частности для отвращения злых духов и влияний. Со времен династии Хань зеркала стали широко применяться в погребальном обряде. Помещение зеркал в могилу у китайцев связано с верованиями о том, что зеркала «освящают могилу» [17, с. 127]. В представлениях тибетцев зеркала были символами женского пола, а у буддистов они играли роль алтарной принадлежности и употреблялись для освещения воды. В древней Японии зеркалам, приписывалась магическая сила, они символизировали чистоту и являлись талисманами против злых духов [5, с. 86]. Бронзовые зеркала в Японии почитались как изображение солнечного диска, воплощение женского солнечного божества [2, с. 146].

Кроме того, необходимо отметить сохранившееся у многих народов до наших дней поверье, согласно которому разбитое зеркало предвещает несчастье, а может быть, и смерть. Доживший до современности обычай накрывать зеркало покрывалом после смерти человека объясняет, почему зеркала, найденные в некоторых погребениях раннего железного века, оказывались зашитыми в войлочных сумочках. В них, по представлениям кочевников, могла появиться душа умершего человека и, поэтому необходимо было обезвредить таким способом волшебное свойство зеркала отражать потусторонний мир и его обитателей [14, с. 73].

То же значение, очевидно, имели и преднамеренно разбитые зеркала. Более конкретно трактует значение сломанного зеркала в могиле Б.А. Литвинский, считающий, что другая его половина или даже несколько частей оставались у живых родственников или супруга, чтобы после смерти он мог найти в загробном мире близкого человека [17, с. 107]. Обычай разламывать зеркала при расставании супругов был, по-видимому, широко распространен в Древнем Китае [18, с. 169]. В этой связи чрезвычайно существенно, что и у таджиков существовали верования, согласно которым поломка зеркала, употребляемого при брачной церемонии – предвестник развода [17, с. 197].

Таким образом, на территории Евразии были распространены магические представления, согласно которым зеркала ломали намеренно, на память друг о друге при расставании родственников, супругов или чтобы удостовериться личность секретного посланника [18, с. 171], а также при похоронном обряде для приобщения к неземному пространству [13, с. 446].

Широкое применение бронзовых зеркал в культово-магической практике связано, по мнению Д. Фрезера, с очень древним кругом верований, согласно которым в представлениях первобытного человека душа помещалась в его тени или отражении [27, с. 92]. Этим можно объяснить то, что в могилу клались именно разбитые зеркала, так как в зеркале воплощается душа умершего и разламывание зеркала символически отражает смерть человека.

Магические свойства и функции зеркал, их ценность не терялись, даже когда оно оказывалось полностью разбитым на мелкие кусочки. Небольшие части таких зеркал, с проделанными в них отверстиями, продолжали служить самостоятельными амулетами [14, с. 73]. Как правило, они имели треугольную форму [14, с. 72].

Как отмечает М.Б. Кенин-Лопсан, во многих шаманских песнопениях тувинцев зеркала выступают в качестве атрибута сверхъестественного происхождения, первого спутника шамана и грозный враг злых духов. Зеркала сопровождали шаманов в пути, они хранились в специальных маленьких мешочках из войлока и носили их на поясе. После смерти шамана его зеркало имел право наследовать его преемник из родственников. Но если такового не было, то тогда зеркало уносили в могилу, и оно, согласно шаманской версии, возвращалось на небо [9, с. 56–58]. Такие зеркала назывались кузунгу и считались одним из самых могущественных шаманских атрибутов [1, с. 146].

Ритуальное назначение зеркал проявляется также в многочисленных изображениях на оленных камнях Монголии [4, с. 137]. Не случайно округлые углубления, имитирующие зеркала, помещаются на изображении щита, а чаще всего рядом с изображением оружия: лука, стрел и кинжала. Они, наверное, по представлениям древних, должны были магически действовать на предметы, усиливать их эффективность. Эти древнейшие представления нашли прямое отражение и в погребальной обрядности: оружие нередко находилось вместе с зеркалом [15. Рис. 7,2].

Таким образом, зеркала обладали довольно большим набором магических свойств и функций в древних и традиционных обществах. Среди них можно выделить главные: это способность оберегать своего владельца от злых духов, поэтому зеркала часто использовали в качестве оберегов. Зеркало, по представлениям древнего населения, могло также усиливать эффективность некоторых предметов, например, оружия. Кроме того, они могли служить элементом шаманского костюма, служили неотъемлемой частью похоронного обряда, могли отражать потусторонний мир и его обитателей. Их использовали в качестве атрибута некоторых ритуалов. Многие ученые отмечают также довольно широкий набор религиозно-культовых функций бронзовых зеркал, например, принадлежность зеркал к солярному культу или культу огня, плодородия и связанного с ним женского божества, о чем свидетельствует их форма в виде округлого диска и материал, из которого они изготовлены. На орнаментированных зеркалах усматривают также сюжеты, заимствованные из различных мифов и преданий [8, с. 287].

Такое разнообразие функций, очевидно, вызвано полисемантической представленностью о магических функциях зеркал в древних и традиционных обществах.

Литература

1. Алексеев, Н. Л. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири/ Н. Л. Алексеев. – Новосибирск, 1984.
2. Арутюнов, С. А. Этническая история Японии на рубеже н.э./ С. А. Арутюнов. – М., 1961.
3. Балакин, Ю. В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале/ Ю. В. Балакин. – Новосибирск, 1987.
4. Волков, В. В. Оленные камни Монголии/ В. В. Волков. – Улан-Батор, 1981.
5. Воробьев, М. В. Древняя Япония. Историко-археологический очерк/ М. В. Воробьев. – М., 1958.
6. Высотская, Т. И. Культы и обряды поздних скифов/ Т. И. Высотская // Советская археология. – 1976. – № 3. – С. 51–73.
7. Грач, А. Д. Древние кочевники в центре Азии / А. Д. Грач. – М., 1980.
8. Дьяконова, В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев и природе и человеке / В. П. Дьяконова // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 268–291.
9. Кенин-Лопсан, М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства/ М.Б. Кенин-Лопсан. – Новосибирск, 1987.
10. Косарев, М. Ф. Древняя история Сибири: человек и природная среда / М. Ф. Косарев. – М., 1991.
11. Косарев, М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья / М. Ф. Косарев. – М., 1974.
12. Косарев, М. Ф. Западная Сибирь в древности / М. Ф. Косарев. – М., 1984.
13. Косарев, М. Ф. Пространство и время в сибирском языческом миропонимании / М. Ф. Косарев // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001. – С. 439–454.
14. Кубарев, В. Д. Древние зеркала Алтая / В. Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 63–77.
15. Кубарев, В. Д. Кинжалы из Горного Алтая / В. Д. Кубарев // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 29–53.
16. Кубарев, В. Д. Курганы Уландрыка / В. Д. Кубарев. – Новосибирск, 1987.
17. Литвинский, Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы / Б.А. Литвинский. – М., 1978.
18. Маракуев, А. В. Китайские бронзы из Басандайки / А. В. Маракуев // Басандайка : Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск, 1947. – С. 169 – 174.
19. Мартынов, А. И. Лесостепная тагарская культура/ А. И. Мартынов. – Новосибирск, 1979.
20. Павлинская, Л. Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металла/ Л. Р. Павлинская // Сб. МАЭ. – 1988. – Т. 42. – С. 71–85.
21. Пелих, Г. И. Материалы по селькупскому шаманству// Этнография Северной Азии / Г. И. Пелих. – Новосибирск, 1980. – С. 5–70.

22. Плетнева, Л. М. Металлические зеркала эпохи раннего железа из памятников Томского Приобья / Л. М. Плетнева // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – 2008. – Т. II. – С. 167–170.
23. Смирнов, К. Ф. Савроматы / К. Ф. Смирнов. – М., 1964.
24. Стратанович, Г.Г. Китайские зеркала: их типы, орнаментация и использование / Г.Г. Стратанович // Восточно-азиатский этнографический сборник. – Труды института этнографии. – М., 1961. – Т. 73. – С. 47–78.
25. Троицкая, Т. Н., Бородовский, А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья / Т. Н. Троицкая, А.П. Бородовский. – Новосибирск, 1994.
26. Уманский, А. П. К вопросу о семантике зеркала из Рогозихи/ А. П. Уманский // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 206–211.
27. Фрезер, Д.Д. Золотая ветвь / Д.Д. Фрезер. – М., 1998.

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ ЧЕСНОКИ АСИНОВСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. Ю. Савченко

Томский государственный педагогический университет

В последние годы обозначился интерес к изучению этнодисперсных групп на территории Сибири, в том числе, и на территории Томской области, где одной из самых многочисленных диаспор является украинская. В связи с этим представляется актуальным изучение этнических групп на территории Томской области, где они довольно многочисленны. При изучении диаспор очень важен вопрос территориального размещения. В этой связи выход на локальный уровень особо продуктивен. В центре внимания данной статьи оказалась ныне исчезнувшая с карты Томской области деревня Чесноки. Источниковую основу составили устные рассказы, собранные в с. Ново-Кусково Асиновского р-на и в г. Асино.

Согласно собранным материалам, примерно в 30 км от г. Асино существовало украинское деревня Чесноки (официальное название – Бороковка), основанная в конце XIX в. выходцами из Волынской, Житомирской, Хмельницкой «областей». Причиной переселения украинцев в Сибирь стала нехватка земель. Как сообщают бывшие жители деревни, место для поселения было выбрано не случайно – оно напоминало украинские земли. Впоследствии население деревни пополнялось новыми выходцами из Украины.

Официальной датой образования заселка Чесноки считается 1900 г. [Архив г. Асино.] Однако, по воспоминаниям самих старожилов, к этому времени там уже были поселения хуторского типа. Название, как сообщил один из опрошенных, произошло от местного пасечника с фамилией Чесноков. Память об исторической родине сохранилась в названии одного из краев деревни – Рогизна. Согласно собранным материалам, именно так на-

зывалась деревня на Украине, выходцы из которой осели в деревне Чесноки. Другая часть деревни называлась Гора.

Сохранению родного языка способствовала компактность расселения. Однако с введением в школьную программу русского языка начался процесс билингвизма, а затем и утрата украинского языка. Как отмечают местные жители, дольше всего родной язык сохраняет песенный фольклор.

В целом, облик деревни Чесноки мало отличался от всех сибирских деревень. Дома, в основном, были деревянные. У тех, кто побогаче, были крытые дворы. Дворовые постройки строили подальше от дома, так как боялись пожара. Обязательно среди построек был теплый хлев и летние загоны. Встречались и украинские мазанки. Заборы делали из жердей. Чтобы не замерзнуть в суровые сибирские зимы в мазанках, на зиму около стен забивали колья и между ними и стеной закладывали солому. Пол в мазанках глиняный, был устланный соломой.

Во внутреннем убранстве дома все было очень просто: большая печь, стол, и кругом лавки. Все в доме – постельное белье, шторы, полотенца, скатерти – было украшено собственноручной вышивкой. Ей же украшалась и праздничная одежда. Сохранялась традиционная мужская одежда – холщевые шаровары и белые домотканые рубахи. Женщины на праздники надевали вышитые платки – «хустки».

Элементы традиционной культуры сохранялись не только в облике деревни и домов, но и в способах приготовления пищи. Местные жители готовили борщи, шанешки (ватрушки), пампушки – оладьи из гречневой муки, вареники с ягодой, ленивцы – котлеты из толченой картошки, коптили окорока.

В памяти современных старожилов сохранилось празднование свадьбы. Обычно гуляли два дня на улице в теплое время. Делали шалаши и ставились столы с длинными лавками. Сигналом для окончания веселья, как на первый, так и на второй день, была подача компота. На свадьбах пели национальные песни, плясали «на перепляс». Петь очень любили, как вспоминают жители деревни, пели так, что «лампа тухла».

Жители деревни активно контактировали с жителями соседних деревень разных национальностей. Жители вспоминают, что общались с русскими, белорусами, киргизами, чувашами, немцами. С приезжавшими белорусами устраивали танцевальные поединки, которые сопровождались частушками. К концу 1960-х гг. деревня распалась, колхоз был переведен в с. Ново-Кусково. Однако до сих пор бывшие жители деревни на праздник Троицы собираются на месте бывшей деревни. Там воздвигнута стела с именами бывших жителей, погибших во время великой Отечественной Войны. Таким образом, чесноковцы сохраняют связь со своей малой родиной – деревней, которой нет уже около 40 лет, и со своими украинскими корнями.

Таким образом, путем устного опроса населения на территории Асиновского района Томской области была выявлена деревня, где проживало

только украинское население. Жители этой деревни, проживающие ныне в других населенных пунктах, отмечают, что подобный вид поселения способствовал достаточно долгому сохранению украинского языка и традиций. в данное время эти элементы украинской культуры сохраняются в песнях, украинском говоре некоторых пожилых представителей деревни, рецептах приготовления пищи.

Казалось бы, распавшаяся уже давно деревня, жители которой не имеют больше места локального проживания, уже не может способствовать единению этнической группы. Однако традиции и духовное единство продолжают сохраняться, выражаясь в потребности общения друг с другом, в ежегодных встречах на месте бывшей деревни Чесноки.

Источники

1. Архив г. Асино. Ф. 133. Оп. 1. Д. 55. Л. 14 Об.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК У ОБУЧАЮЩИХСЯ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ РОССИИ»

Е. А. Горбачева

Томский государственный педагогический университет

В современном обществе педагогическая наука и практика ориентирована на разработку концепций образования и воспитания, целью которых являются общечеловеческие ценности. Ценностный подход в образовании не принадлежит только идеальной сфере общественной жизни и человеческой деятельности, так как духовные ценности всегда выступали в качестве идеала. Становление человека предполагает не только развитие его умственных возможностей, но и усвоение системы общечеловеческих ценностей, составляющих основу его культуры. К числу общепризнанных понятий-ценностей относятся Отечество, Семья, Жизнь, Мир, Человек. Формирование данных понятий осуществляется на протяжении всех лет обучения в школе, но наиболее сенситивным периодом в их освоении является старший школьный возраст, предполагающий становление мировоззрения, выбор жизненного пути, социализацию личности, рефлекссию, а следовательно, историко-педагогическую рефлекссию. Последнюю дефиницию можно обозначить как осознание субъектом образования основ ценностных пара-

дигм, полученных им в ходе педагогического процесса в данном случае на уроке Истории. Важнейшим фактором формирования ценностных установок у старшеклассников является содержание образования, которое реализуется через учебные программы, планы и учебники.

Проблемы ценностно-ориентированного образования обрели особую актуальность в педагогической науке 20 века. В Советской педагогике понятия-ценности оформились как идеологические, соединив в себе партийные, классовые аспекты, приоритет государственного, общественного над личным. При этом утрачивались связь с многовековым наследием русской культуры, русской философии и отечественной педагогики дооктябрьского периода. В современных условиях, которые характеризуются изменением мировоззренческих основ, нравственно-духовных установок, идет неорганизованный, стихийный процесс поиска нового содержания данных понятий. К сожалению, до сих пор в России нет единой системы ценностей. Но на наш взгляд, необходимо выделить толерантность и патриотизм, формирование которых является основной целью многих государственных программ, в том числе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2006–2010», основной целью которой является дальнейшая самоидентификация с судьбой своего государства.

Потенциальные возможности курса «История России» по формированию ценностных установок реализуются в педагогическом процессе. В ходе исследования было выявлено, что среди преподавателей истории большинство осознает необходимость работы по овладению школьниками основных общечеловеческих ценностей. В то же время лишь немногие учителя систематически занимаются процессами воспитания и владеют технологией формирования ценностных установок и ориентаций у старшеклассников. Более половины педагогов затрудняется в выборе средств исторического образования, адекватных решению данной проблемы.

Как показало наше исследование, содержание школьного исторического образования недостаточно ориентировано на формирование ценностных установок у старшеклассников.

Анализ ориентации учащихся на понятия Семья, Отечество, Родина в школьной практике показал, что общеобразовательная школа сегодня не уделяет должного внимания формированию ключевых понятий, определяющих идентификацию личности с судьбой своего государства и народа. Рейтинг выше упомянутых ценностей в системе ценностных понятий для современных старшеклассников довольно низкий. Знание содержания обозначенных понятий отличается фрагментарностью. Можно предположить, что формирование данных ценностей у обучающихся происходит, большей частью, стихийно, а не под влиянием специально организованного процесса.

Необходимость формирования ценностной ориентации- как избирательного отношения индивида к материальным и духовным ценностям, а так же установки- как динамическому состоянию готовности к определенной форме реагирования, подтверждается рядом противоречий, выявлен-

ных в ходе анализа результатов практики обучения старших школьников истории России. Среди них можно выделить следующие:

- между нацеленностью нормативных документов на воспитание духовно-нравственной личности, семьянина, человека-патриота, гражданина Отечества и слабым наполнением содержания школьного исторического образования материалом данной направленности;
- между пониманием учителями необходимости формирования ценностных понятий у старшеклассников и недостаточной подготовленностью их к решению этой задачи;
- между стремлением старшеклассников к активной социализации, саморазвитию и не сформированностью представления своей личности в роли патриота, гражданина и семьянина.

Практическая значимость исследования и решение данных противоречий заключается в разработке и реализации программы направленной на формирование понятия «ценность», толерантность, патриотизм у старшеклассников средствами исторического образования, которая может быть использована в деятельности учителей-практиков, в системе повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Формирование ценностных установок – сложная проблема, получившая отражение в работах философов, психологов, социологов, педагогов и методистов. Вопрос о внедрении ценностей в образовательный процесс имеет большую социальную значимость и актуальность. От его успешного решения во многом зависят перспективы гуманизации образования, смысл которой в том и состоит, чтобы обеспечить сознательный выбор личностью ценностей и развить на их основе устойчивую, непротиворечивую, в процессе индивидуальную систему ценностных ориентаций и установок. Роль образования осуществления этой стратегии велика. Именно образование, благодаря его влиянию на подрастающее поколение, способствует формированию нового общественного сознания и, таким образом, воздействует на все сферы жизни.

Обозначенная проблема привлекает как теоретиков, так и практиков. Однако проблема формирования ценностных установок у старшеклассников средствами исторического образования еще не рассматривалась и целенаправленно не исследовалась, что в значительной степени подтверждает актуальность данной работы. Изучение литературы по теме исследования показывает, что проблема развития общечеловеческих ценностных установок в полном объеме как целостное педагогическое явление в его историческом, социальном, психологическом и технологическом плане не была предметом специального изучения. Недостаточно разработан в существующих исследованиях и такой важный в теоретическом и практическом отношении аспект как педагогические основы развития ценностных установок в школе на примере отдельно взятого учебного предмета, в данном случае История России.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и реализации программы направленной на формирование понятия «ценность», толерантность, патриотизм у старшеклассников средствами исторического образования, которая может быть использована в деятельности учителей-практиков, в системе повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Литература

1. Стельмащук, Г. В., Стрельченко, В. И. Философия. – СПб., 2001.
2. Философия: учебник. В 2 т. Т.2 / В.В. Ильин. Ростов-на-Дону, 2006.
3. Программа патриотического воспитания 2006–2010.
4. Эльконин, Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 17.
5. Педагогика: БЭС / Сост. Е. С. Ранацевич. – Мн., 2005.
6. Артюхова, И. С. Ценности и воспитание / И. С. Артюхова // Педагогика. – 1999. – № 4. – С. 117–121.

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

А. Г. Ковалёва

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время наблюдается процесс изменения системы исторических взглядов, начавшийся более 15 лет назад. Историки постепенно отходят от формационного подхода к изучению истории и лидирующие позиции в последнее время занимает цивилизационный подход. В связи с этим изменяется вся структура исторического знания, все большее внимание уделяется проблемам развития культуры, проблемам взаимосвязи культуры и общества, его социальной структуры, типа государственного устройства, ареала обитания. Появление новых точек зрения, изменение отношения к культуре в сторону повышения интереса к ней рождает новые подходы, не нашедшие отражения в школьных учебниках. Появление новых типов школ, в программу которых введены расширенные блоки информации по культуре, так же обуславливает необходимость создания единой концепции преподавания вопросов развития культуры в школьном курсе истории.

Существующие в настоящее время школьные учебники и учебные пособия не ориентированы на раскрытие данной проблемы. В практике преподавания блока информации по культуре среди учителей отсутствует единая система, что приводит к отсутствию у учащихся унифицированной концепции в данном направлении. Учителя в основном однотипно подходят к выбору методики. Как правило, это лекции учителя и сообщения учащихся по тому или иному вопросу. Методический аппарат по проблеме изучения вопросов развития отечественной культуры необходимо создавать заново, так как имеющиеся методические рекомендации утратили свою актуальность в свете изменения системы исторического знания.

Положение с изучением вопросов развития культуры в системе школьного исторического образования в настоящее время привело к необходимости углубленного исследования этой проблемы.

На современном этапе уже многие считают, что обновление школьного исторического образования завершилось. Однако остается одна очень важная не решённая проблема – место и роль культуры в курсе школьной истории.

Вопросы изучения культуры в школьных курсах, к сожалению, еще не заняли должного места в преподавании истории. В большинстве школьных учебников по отечественной истории эта проблематика изложена «сухо» и невыразительно, да и сама форма подачи культурно-исторического материала по-прежнему придерживается старых методологических принципов и сводится к развернутым или сжатым перечням имен и достижений [2].

К сожалению, еще нередко в практике преподавания материал по истории культуры и быта является механическим «привеском» к тому или иному курсу истории. Между тем без его глубокого усвоения невозможно создать у учащихся полноценный образ эпохи. Углубленное изучение культурно-исторических традиций помогает осмыслить на более высоком уровне процессы общественного и политического развития, проследить экономические изменения и одновременно создать предпосылки для расширения культурного кругозора учащихся, формирования их художественных интересов и вкусов.

Вероятно, авторы, создающие учебники, не считают культуру такой же органической частью человеческой истории, как, скажем, политику или экономику. Она представляется им чем-то обособленным, к тому же не заслуживающим особого внимания. Хорошо известно, что на уроках истории культура, как правило, либо изучается формально, либо не изучается вовсе.

По нашему мнению, несправедливо отрывать культуру от остальной истории. Наоборот, надо умело «вживлять» материал по культуре в ткань социально-политической истории как ее составную, органическую, неразрывную часть (например, культура Киевской Руси должна рассматриваться в контексте образования и развития русского государства IX–XI вв.) [2].

Вместе с тем на уроках истории изучению литературы уделяется, как нам кажется, неоправданно большое внимание. Задача историка состоит не в том, чтобы познакомить учащихся со «Словом о полку Игореве». Это гораздо квалифицированнее сделает филолог. Историк должен лишь подчеркнуть место и роль литературы в широком контексте культуры, показать, как отражались те или иные исторические события в произведениях писателей, какое влияние оказывала книга на читающее общество.

Также известно, что без наглядности изучать историю, а в особенности культуру, трудно. При этом, если в больших городах еще можно достать диапозитивы, альбомы с репродукциями для показа в классе, то в «глубинке», тем более в сельской местности, сделать это просто невозможно. Поэтому иллюстрации в школьном учебнике являются важнейшим, а для многих учащихся – единственным средством наглядности. Однако не весь ил-

люстративный материал хорошего качества (например, учебник, авторами которого являются А.А. Преображенский, Б.А. Рыбаков) [3]. Другие книги либо не имеют иллюстраций вовсе, либо они не качественного полиграфического исполнения, помещены в случайном месте, мало связаны с текстом. Ни учителю, ни ученику не ясно, как с ними работать. Авторам школьных учебников по истории следовало бы более ответственно отнестись к подбору и использованию иллюстративного материала, который по своему значению должен быть приравнен к тексту.

Для лучшего усвоения истории культуры в современных условиях предлагается преподавание интегративных курсов, уроков в неполной средней школе. Такие программы создадут условия для того, чтобы у детей сложились разносторонние представления об отечественной и мировой культуре [1]. Учителя предлагают совместно разрабатывать планы уроков, связанные с культурой, чтобы школьники параллельно изучали одно и то же явление, но с разных сторон. Это приводит к большему пониманию и осознанию материала.

Также создаются отдельные предметы по изучению культуры (например, мировая художественная культура), но предмет включает лишь перечень достопримечательностей какой-либо эпохи, не связывая с экономическим, политическим, общественным развитием, что значительно ослабляет понимание сущности культуры, её нравственные мотивы.

Но ведь культурология – это не сумма знаний по искусствоведению, литературе, философии, а умение понять направленность изменений в духовной жизни общества, т.е. ответить на вопрос: почему в ту или иную эпоху человек избирает тот или иной путь творчества, где и почему рождались великие творения, что движет людьми сегодня и какой будет культура завтра. Ответить на эти вопросы наиболее полно способна, по моему мнению, только дисциплина история. Этим и определяется её ведущая роль в рамках школьного гуманитарного образования.

А без знания культурных особенностей народа невозможно понять его менталитет, и, следовательно, понять и объяснить особенности его истории.

Как мы видим, вопрос об изучении мировой, отечественной, региональной культуры стоит очень остро. Сама же культура занимает одно из важнейших мест в обучении истории, так как помогает в воспитании будущего поколения, привитие ему духовно-нравственных ценностей, а также с уважением относится к другим народам, ведь сегодня это очень актуально, так как взгляды расизма распространены уже и среди школьников.

Литература

1. Недосекина, Н.В., Пастухова, В.А. Изучение истории культуры: интегративный подход // Преподавание истории в школе. – 1999. – № 2.
2. Короткова, В.М. Русская культура в новых книгах для учащихся // Преподавание истории в школе. – 1998. – № 6.

3. Соколенко, Н.Я. Изучение вопросов культуры в рамках школьного образования (из опыта работы) // Приоритеты развития гуманитарного образования в XXI веке. – Тюмень, 2006.

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Н. В. Савинцева

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время наша страна переживает социокультурный кризис в связи с тем, что старая система ценностей, идеология и социальная структура претерпели изменения и были заменены новыми. Но эта новая система еще не оформилась окончательно, чтобы представлять собой единую и взаимосвязанную структуру, которая могла бы служить ориентиром в социуме для современной молодежи.

Все это затрудняет у учащихся формирование ценностных установок и жизненной позиции, что усложняет вхождение школьника в систему социальных отношений.

Поэтому современный ученик стремится получить от школы не только предметные знания, но и определенный жизненный опыт, который бы помог ему в дальнейшем действовать в социальной среде более эффективно. Отмеченная потребность учащихся в некотором аккумулированном опыте, т. е. потребности в знаниях «о жизни» [4], с одной стороны, говорит о наличии у них желания иметь теоретический опыт решения социальных и личностных проблем, а с другой – об отсутствии реальных источников, которые бы способствовали его самостоятельному формированию.

Данная потребность сегодня в значительной степени не учитывается ввиду неспособности современной школы транслировать такой опыт. А такая односторонняя функция школы, когда основной акцент делается на получение учащимися только предметных знаний, зачастую приводит к тому, что подросток относится к ней как к чему-то архаичному и не отвечающей его жизненным потребностям задаче.

Но независимо от этого, школа является промежуточной ступенью между стадиями пассивности человека в обществе, когда человек еще не способен принимать какие-либо решения самостоятельно, и активной, когда он должен нести ответственность за свою деятельность и принятые решения. Именно в школе у человека формируется умение жить в коллективе, качества лидера и подчиненного, благодаря тому, что в ней существует уменьшенная модель социума, в которой школьник должен научиться жить, вырабатывать и отстаивать свою жизненную позицию.

На этой стадии изучение истории имеет большое значение, в первую очередь благодаря тому, что это наука об обществе. Она дает понять, что такое общество и как оно развивается, дает человеку осознать свое место в этом обществе, что от него в нем зависит, и почему все в социуме происходит и идет именно так, а не иначе. История дает возможность увидеть общество в целом, в процессе его развития, и, таким образом, понять настоящее. Это подтверждается и тем, что история одна из немногих школьных дисциплин, которая содержит в себе не только предметные знания, но и социальный опыт, культурные ценности и весь спектр социальных навыков и умений, необходимых для успешного вхождения в общество.

И если рассматривать социализацию в школе, как явление, протекающее через процессы обучения и воспитания, то можно обозначить следующие стороны социализации, формированию которых способствует изучение исторических дисциплин.

В процессе воспитания история имеет большое значение в формировании патриотического чувства и основы для активной гражданской позиции. Она ориентирует их на высокие гражданские идеалы, помогая соотносить и идентифицировать себя с обществом, которое является носителем этих идеалов. Это особенно важно в связи с тем, что в настоящий момент наша страна переживает духовный кризис, наиболее очевидным проявлением которого является упадок общественной морали и, как следствие, отсутствие объединяющих общество ценностных ориентиров [3].

Сформированные чувства патриотизма и гражданственности помогают человеку стоять на активных позициях изменения нежелательных процессов в обществе, а не пассивного неприятия происходящего вокруг, переходить от скрытого недовольства и критики к поиску способов, которые позволяют влиять на социум в положительную сторону.

Также изучение истории позволяет сформировать чувство толерантности, без которого сложно существовать в российском обществе, которое столь разнообразно в своем национальном и этническом составе. Понятие толерантности многолико, но в нем, прежде всего, необходимо выделить аспект ценностного отношения человека к людям, выражающееся в признании, принятии и понимании им представителей других культур.

Такое поведение возможно только при условии выработки у учащихся уверенности в себе, осознания своих собственных позиций и уважительного отношения к оппоненту, т. е. способность вступать в диалог с представителями других культур и достойно вести его. Все это означает уважение и принятие многообразия культур своей страны, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности.

Но стоит помнить, что в этом плане история может привести и к обратному результату, и здесь важно избежать «крена» в сторону националистических тенденций, поэтому необходимо осуществлять спланированное воздействие на процесс формирования жизненных ориентаций молодежи касательно этого вопроса [1].

Изучение истории позволяет сформировать у ребенка целостное самосознание и мировоззрение, благодаря своим причинно-следственным связям. Исторические дисциплины внедряют в сознание учащегося систему ценностей, осознание своего места в обществе, понимание механизмов функционирования социума и его структуры, что является важнейшими составными социализации. Все это может дать изучение истории, так как она содержит в себе всю систему ценностей созданных человечеством за все время своего существования.

Если рассматривать роль исторической дисциплины через процесс образования, то здесь она помогает решить ряд проблем современной социализации школьника. Так в период обучения учащийся получает взаимосвязанную систему знаний, без которой невозможно функционировать ни в российской социальной среде, ни в каком-либо другом социуме. Данная система знаний включает в себя не только политические реалии современного мира, но и социокультурные, ментальные, а самое главное, причинно-следственные связи событий и их последствий.

Так, на сегодняшний момент, социализированный человек должен обладать основами экономической, политической и правовой грамотности. А история позволяет не только приобрести знания этих основ, но и формирует единую картину этих явлений в их непосредственной взаимосвязи друг с другом, что позволяет понимать происходящие в обществе процессы в их совокупности.

История помогает развить рефлексивное мышление, умение анализировать и соотносить полученную информацию, а без этих навыков и умений человек не сможет эффективно существовать в социуме, так как требование современности – это воспитание людей с новым типом мышления, инициативных, творческих, смелых в принятии решений и компетентных [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что при правильно подобранном подходе к обучению школьников истории можно создать целостную личность, обладающую определенным набором знаний, навыков, умений, а также сформированной системой ценностей, мировоззрением и жизненными установками, которые позволят ему успешно взаимодействовать с социумом.

Литература:

1. Вафина, Э.Дж. Формирование толерантных отношений у молодежи // Преподавание истории в школе. – 2004. – № 3. – С. 56–58.
2. Галеева, И.Ш., Кочеткова, О.Н. и др. Интегрированный подход к гуманитарному образованию // Преподавание истории в школе. – 2000. – № 2. – С. 44–45.
3. Следзевский, И.В. Гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи: проблемы и стратегия // Преподавание истории и обществознания. – 2007. – № 7. – С. 9–15.
4. Ярцев, Д.В. Особенности социализации подростка // Вопросы психологии. – 1999. – № 6. – С. 54–59.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Т. А. Скореднова

Томский государственный педагогический университет

«Право есть наука о добром и справедливом».

Ульпиан (II-III вв. н.э.), римский юрист.

Сегодня правовое образование признано приоритетным направлением в подготовке учащихся. Одной из его целей является формирование правовой культуры учащихся, без которого невозможно воспитать гармонично развитые личности. Вопрос этот, безусловно, актуален еще и потому, что развитие всего общества в целом, зависит не только от общего уровня культуры, но и от уровня правовой культуры в том числе.

Данный вопрос включает в себе несколько проблем: во-первых, что собственно считать правовой культурой, какие компоненты она содержит, во-вторых, как на практике осуществлять воспитание правовой культуры у школьников, в-третьих, необходимо учитывать специфику профессиональной подготовки учителей, которые должны уметь использовать наряду с традиционными методами и приемами активные формы проведения занятий, владеть современными методиками и технологиями обучения. Кроме того невозможно воспитывать правовую культуру без соответствующей среды в образовательном учреждении. Такие исследователи, как Н.Г. Суворова и А.Ф. Никитин, выделяют ещё одно необходимое условие реализации правового образования: наличие «второго лица, реализующего цели и задачи правового образования – это педагогический менеджер: директор, методист, управленец. ... в задачи педагогического менеджера входит организация процесса обучения учителей» [1, с. 25].

В юридической науке, относительно первой проблемы специалисты высказывают разные точки зрения, что подтверждает И.А. Иванников, кандидат юридических наук РГУ (Ростовский государственный университет), который резюмирует следующее: «В юридической науке, как и в культурологии, нет единого понимания ни самого термина «культура» вообще, ни правовой культуры в частности. Так, Т.В. Синюкова считает, что правовая культура – это сфера человеческой практики, представляющая собой «совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)». Профессор А.Б. Венгров пишет, что правовая культура – «более высокая и емкая форма правосознания». Последняя трактовка культуры, по моему мнению, вообще не может являться научной и правильной, так как затрагивает лишь сферу идеального, игнорирует деятельность и результаты деятельности обладающих правосознанием субъек-

тов. Другими словами, правосознание – это лишь один из элементов правовой культуры, одна из её характеристик. Правовая культура, по мнению В.П. Сальникова, есть «особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям». Правовую культуру и личности, и общества он рассматривает «как одну из категорий общечеловеческих ценностей, как важнейший результат общедемократических завоеваний прогрессивного человечества. Она становится неотъемлемым компонентом цивилизованности и правового государства». Анализ представленных дефиниций позволяет дать определение правовой культуры: правовая культура – это одна из форм социально-значимой творческой деятельности людей в сфере государственно-правовых отношений. Она выражена в правовых нормах, институтах и способности оценке данных явлений» [2, с. 12–13]. Однако, правильным будет считать и определение Н.Л. Граната – «Правовая культура – это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в её менталитете. Только обращение к правовой культуре позволяет понять механизм превращения сознания, в частности правосознания, в явление объективно доступное изучению и участвующее в создании прогресса в обществе» [3, с. 6].

Кроме того и вопрос о структуре правовой культуры в отечественной юридической литературе является дискуссионным. «Суммируя все выделенные в литературе компоненты, получим следующую структуру правовой культуры: 1) правосознание; 2) право; 3) правовые отношения; 4) законность и порядок; 5) правомерная деятельность субъектов; 6) государственно-правовые институты; 7) юридическая наука; 8) юридические акты» [2, с. 14]. Вышеприведенная структура автору статьи кажется наиболее адекватной, так как раскрывает суть понятия правовой культуры наиболее полно.

Несомненно, решающая роль в формировании правовой культуры у учащихся принадлежит правовому образованию. При этом, как отмечают авторы статьи «Правовое образование в школе: поиски новых решений» Н.Г. Суворова и А.Ф. Никитин, оценивая место и роль правового образования в школе, следует исходить: во-первых, из потребностей людей в получении качественных знаний в области права; во-вторых, из интересов государства, связанных с воспитанием правовой культуры граждан; в-третьих, из необходимости обобщить и систематизировать педагогический и методический опыт, накопленный в области правового образования в нашей стране и за рубежом.

Правовое развитие личности не следует рассматривать только с позиции его профилактической роли в деле борьбы с правонарушениями в стране, хотя такую функцию нельзя отрицать. Правовое образование и воспитание следует понимать в более широком его значении – как необходимое

(хотя и недостаточное) условие приобретения гражданами России опыта демократической культуры [1, с. 22].

В педагогической теории и практике существуют различные классификации подходов к правовому образованию. Но основными признаются: предметный, интегрированный и институциональный подходы. В рамках предметного подхода планируется создание специальных курсов по праву на основе самого предмета, которые будут учитывать возрастные особенности учащихся, а также будут включены в учебные планы школ. Интегрированный подход предполагает, что курс обществознания обладает достаточным воспитательным потенциалом и надо лишь умело воспользоваться им при воспитании личности. Последний, институциональный подход, заявляет о необходимости выстраивания правового пространства в учебном заведении, где организация школьной жизни основывается на правовых, демократических принципах.

Существуют также современные методики и технологии обучения, без которых невозможен успешный процесс правового образования.

Таким образом, формирование правовой культуры учащихся на уроках обществознания является сложной и многоаспектной задачей, которую, тем не менее, необходимо решать. Очевидно, что воспитание гармонично развитой личности, будущего полноценного члена общества, невозможно без привития ей правосознания.

Литература

1. Суворова, Н. Г., Никитин, А. Ф. Правовое образование в школе: поиски новых решений // Обществознание в школе. – 1999. – №7. – С.21-31.
2. Иванников, И. А. Концепция правовой культуры // Теория и история государства и права. – 1998. №3. – С.12-16.
3. Гранат, Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. – 1998. – №11/12. – С.2-8.
4. Первые шаги. Начальный курс обучения правам человека. – М., 2003.
5. Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. О формировании правовой культуры молодежи в России и Белоруссии // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С.71-77.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ IV ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ОПЫТ США И КАНАДЫ (КОНЕЦ 1960-Х – 2000-Е ГГ.)	
<i>Т. В. Адамович</i>	3
ДОЛЖНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА У ПЛАТОНА И МАКИАВЕЛЛИ	
<i>М. А. Анисимова</i>	7
ВОПРОСЫ БРАКА, ВОСПИТАНИЯ ДЕВОЧЕК И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА ЖЕНЩИНЫ В «КНИГЕ О ДОБРЫХ НРАВАХ» ПАОЛО ДА ЧЕРТАЛЬДО	
<i>А. Н. Казюрина</i>	10
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БЮРГЕРСКИХ ЕРЕСЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬБИГОЙСТВА И ВАЛЬДЕНСТВА)	
<i>Е. Г. Кайпова</i>	12
РИМСКАЯ ДОБЛЕСТЬ И ПРОБЛЕМА «НОМО NOVUS» В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ	
<i>И. В. Котенко</i>	15
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЭЛЛАДЕ IV ВЕКА ДО Н.Э.: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	
<i>М. В. Проскокова</i>	20
ОБРАЗ КИТАЙЦЕВ В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	
<i>Е. Ю. Савченко</i>	22
ПЛАТОН – ФЕНОМЕН ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО МУДРЕЦА	
<i>Т. А. Скореднова</i>	26
ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАЦИИ «ОВЕРЛОРД» ПО ВЫСАДКЕ ДЕСАНТА СОЮЗНИКОВ В НОРМАНДИИ В ИЮНЕ 1944 ГОДА	
<i>О. А. Тарасов</i>	28

ИСТОРИЯ РОССИИ

ГАЗЕТА «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО ШЕФСТВА РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ НАД ЧАСТЯМИ И СОЕДИНЕНИЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)	
<i>С. В. Бондарь</i>	34
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УСТНОЙ ИСТОРИИ	
<i>Т. А. Ведрова</i>	38
ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ТОМСКИХ ТАТАР НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ	
<i>А. В. Говязов</i>	43
ВЛИЯНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЦЕНЗУРЫ НА ПИСЬМА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
<i>М. В. Громова</i>	49
ИСТОРИЯ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ	
<i>М. В. Громова</i>	53
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК ГОРОДСКОЙ РАБОЧЕЙ СЕМЬИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИЗМЕНЕНИЕ В УКЛАДЕ ЖИЗНИ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ	

Т. В. Доронина	58
ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК СИБИРСКОГО И ПРИАМУРСКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.	
С. В. Зубков	63
БОНА СФОРЦА – ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА РЕНЕССАНСА В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА	
Р. В. Калачев	68
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛЬМА А. НЕВЗОРОВА «ЧИСТИЛИЩЕ» О ШТУРМЕ Г. ГРОЗНЫЙ В ЯНВАРЕ 1995 Г.	
Г. А. Кречетов	72
ВКЛАД ДЕТЕЙ В ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО В 1941-1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)	
Д. Б. Крыжановская	77
КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	
В. В. Отришко	80
ДИВИЗИЯ «ГАЛИЧИНА» В БИТВЕ ПОД БРОДАМИ В ИЮЛЕ 1944 Г.	
Е. А. Перемитин	83
ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОЙ ИДЕИ» В XIX В.	
Е. Ю. Сотников	90
БЫТ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1994–1996 ГГ.)	
О. А. Тарасов	92

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛА БЕРЛИНКА В КОНЦЕ XIX–XX ВВ.	
Е. А. Бабенко	97
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУНКИНСКИХ И ОКИНСКИХ СОЙОТОВ	
Ч. К. Иргит	100
ФУНКЦИИ ЗЕРКАЛ В ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ	
М. П. Каспер	105
ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ ЧЕСНОКИ АСИНОВСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	
Е. Ю. Савченко	110

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК У ОБУЧАЮЩИХСЯ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ РОССИИ»	
Е. А. Горбачева	
ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ ИСТОРИИ	
А. Г. Ковалёва	115
РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	
Н. В. Савинцева	118
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ	
Т. А. Скореднова	121

Научное издание

**ХIII Всероссийская конференция студентов,
спирантов и молодых ученых «Наука и образование»
(20–24 апреля 2009 г.)
В 6 т.**

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ**

Технический редактор: В. Ю. Горбунов, П. А. Шевченко
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Подписано в печать: 26.04.2009

Сдано в печать: 15.09.2009

Тираж: 100 экз.

Заказ: 449/Н

Формат: 60х84^{1/16}

Бумага: офсетная

Печать: трафаретная

Уч. изд. л.: 7,8

Усл.-печ. л.: 8,27

Гарнитура: Times NR

Издательство Томского государственного
педагогического университета

634041, г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93

e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ,
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93